

ПОДВИЖНИКЪ

ВѢРЫ И БЛАГОЧЕСТІЯ.

Л. И. Зерцалова

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова, преемн. И. С. Ефимовъ. В. Якиманка, соб. д.

1914.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется С.-Пб, 30 мая 1914 года.

Старшій Цензоръ, Архимандритъ *Александръ*.

Предисловіе.

Вотъ уже минуло нѣсколько лѣтъ со дня кончины преспомятаго о. Протоіерея Валентина Амфитеатрова († 20 іюля 1908 года), котораго наставленіями и молитвами назидалось и укрѣплялось множество духовныхъ дѣтей, не только въ Москвѣ, но и далеко за ея предѣлами. Благодареніе Господу Богу, отъ времени до времени посылающему намъ такихъ духовныхъ руководителей, какъ преспомятннй Протоіерей о. Іоаннъ Кронштадтскій, іеросхимонахъ Амвросій Оптинскій, іеромонахъ Варнава (Геосиманскаго скита близъ Троице-Сергіевой лавры) и другіе! Незабвенный о. Протоіерей Валентинъ Амфитеатровъ своею выдающеюся пастырскою, подвижническою дѣятельностію соединялъ съ такимъ глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ, что многіе, глубоко вѣрующіе, православные люди, одновременно жившіе съ нимъ въ Москвѣ или вблизи ея, не подозрѣвали даже, какой дивный пастырь жилъ вблизи ихъ, а посему и не посѣщали его при жизни... Узнали и узнаютъ о немъ лишь теперь, весьма жалѣя, что при жизни о. Валентина лично не были знакомы съ этимъ дивнымъ пастыремъ... Пусть же при жизни глубоко «смирившій себя» по Евангелію (Лук. 18, 14), незабвенный пастырь о. Валентинъ

и «вознесенный» теперь въ загробномъ мірѣ у Бога, благобно приметъ и сію книжицу, какъ надгробный ему вѣнокъ отъ духовныхъ его дѣтей, обязанныхъ помнить, почитать и другимъ напоминать о своихъ наставникахъ и подражать ихъ вѣрѣ, согласно заповѣди св. апостола (Фир. 13, 7). Дай Богъ, чтобы у насъ на Руси Святой побольше было бы пламенныхъ и ревностныхъ пастырей, подобныхъ преспомятому о. Валентину! Да утѣшитъ и укрѣпитъ незабвенный о. Валентинъ всѣхъ насъ своими загробными молитвами, какъ утѣшалъ и ободрялъ при жизни всѣхъ, съ вѣрою притекающихъ къ нему!..

Часть I-я.

Духовная дѣятельность батюшки и насажденіе имъ въ людяхъ основъ вѣры и нравственности.

На берегу Москвы-рѣки, за Смоленскимъ рынкомъ, стоитъ маленькій одноэтажный домикъ. Простенькій, невидный, онъ теряется среди прилегающихъ къ нему грандіозныхъ строеній фабрики. Толпа фабричныхъ проходитъ туда и сюда, полная дневной суеты и волненій; иногда съ говоромъ и шумомъ сибьнитъ она по домамъ, совсѣмъ не помышляя о томъ, что проходитъ мимо жилища великаго пастыря, который своею праведной жизнью, своими великими пастырскими трудами стяжалъ себѣ вѣчную славу.

И какъ они, грубые, несмысленные люди, могли понять это, когда и многіе, знавшіе батюшку, изъ среды гуманныхъ, интеллигентныхъ лицъ, часто путались въ своихъ разнородныхъ сбивчивыхъ сужденіяхъ о немъ.

Тайна благодати настолько велика и безконечно-непостижима, что только чистое, глубоко-вѣрующее сердце можетъ хотя отчасти принять ее.

Только духовная жажда небесной истины и горячая, безпредѣльная любовь ко Господу-Источнику веѣхъ благъ и милостей, объяняетъ людямъ непостижимое, открываетъ сокровенное—тайное.

Каждый возлюбилъ всѣмъ сердцемъ Господа и снискалъ милость поднимаетъ завѣсу и раскрываетъ область небеснаго духовному взору глубоко-вѣрующаго человѣка. Изъ этого небеснаго огня нѣтъ спасенія и нѣтъ духовнаго мира и небесной радости.

Мудра, несчастна душа безъ этой благодатной искорки истины, безпредѣльной вѣры, горячей, безконечной любви Спасителю.

«Все возможно вѣрующему», сказала самъ Господь: «Вручай въ Мя спасенъ будешь!»

Но какъ приобрести это драгоценное сокровище — истину? Какъ заложить въ себѣ эту прочную основу для будущей своей жизни? Какъ посадить въ себѣ драгоценное горчичное зернышко, которое можетъ прорасти въ благодатное могущественное древо, надѣлать любовью и блаженствомъ слабую немощную душу — истиннику? Самъ по себѣ человѣкъ — ничто, но, по безграничному милосердію Господа, — онъ образъ и подобіе Бога, а потому всеблагій Человѣколюбецъ, создавъ людей для блаженства, Самъ направляетъ ихъ къ истинному пути и, чтобы дать возможность людямъ озариться лучами своего небеснаго свѣта и познать истину, Онъ посылаетъ въ міръ настырей, которыхъ осѣняетъ Своей блаженственной благодатью, какъ руководителей и наставниковъ для очищенія, просвѣщенія и возрожденія овецъ стада Христова. Эти дивные настыри, душу свою полагающіе за ближнихъ своихъ, всю жизнь свою усердно трудятся на Божьей нивѣ, воспитывая и возмужалая грѣховное человѣчество, и ведутъ борьбу съ

Ужасающая мерзость пороковъ, страстей и беззаконій, — эта тонкая трысина гибели и омертвѣнія — такъ велика и заманчива, что окончательно могла-бы втиснуть въ свои нѣдра несчастный, слабый, извращенный людъ и тѣмъ бы низвести на землю правосудный гнѣвъ Божій.

Но настыри, какъ истинные борцы, неутомимые воины Христовы, во всеоружіи, грозно являются на поле брани и своей пламенной вѣрой и мечемъ Христовой истины поналяютъ лукавыя козни врага-дѣвола.

Дѣвола сътями невѣрія, пьянства, распущенности и гордости такъ запуталъ слабыхъ, непорченныхъ людей, что они сами по себѣ не могутъ выпутаться изъ этой бездны и трысины, посему милосердый Господь, не хотѣя смерти грѣшника, направляетъ ихъ къ настырямъ, которые принимаютъ подъ свою охрану и защиту безпомощныхъ, измученныхъ созданий Божіихъ!..

Начинается правильная, осторожная, благодатная наука, начинается тяжелое изнурительное врачеваніе грѣховной природы, пропитанной чадомъ страстей и заблужденій.

Прежняя жизнь, полная грѣховныхъ увлеченій, такъ тягнетъ, такъ влечетъ къ себѣ, что нужна особая благодатная помощь, чтобы удержать человѣка и не дать ему броситься къ прежнимъ утѣхамъ.

И вотъ благодатный настырь, принявъ къ себѣ такихъ несчастныхъ, непорченныхъ людей, мудро начинаетъ ихъ вести по стезѣ истины и правды.

Онъ очищаетъ грязь беззаконій, онъ вливаетъ постепенно въ ихъ души сладость блаженнаго покоя вѣры и любви ко Господу.

Озаривъ души и омывъ ихъ отъ гнѣлости невѣрія и закостѣнія, онъ мало-по-малу начинаетъ готовить ихъ къ благодатному освященію въ таинствѣ покаянія и приобщенія Тѣла и Крови Спасителя.

Великое таинство Причащенія своимъ божественнымъ оареніемъ освящаетъ причастника, дѣлая его чадомъ Церкви Христовой.

Но, чтобы довести человѣка до воспріятія сей божественной благодати, нужно неуклонно, усиленно работать надъ нимъ, неуклонно, усиленно слѣдить за всѣми движеніями его души, за пестрой разнообразностью его чувствъ, мыслей и желаній.

Надо во время предвратить какое нибудь самовольное, непосильное исканіе подвиговъ и лишеній, надо слѣдить за всѣми ухищреніями врага, который въ ярости и вырванную отъ него жертву, придумываетъ надъ ней новыя козни и ухищренія.

Видя, что не заманитъ теперь на пороки избавленнаго отъ него человѣка, дѣволъ начинаетъ подходить къ христіанину съ другой стороны, начинаетъ направлять его на усиленную, самочинную духовную дѣятельность, чтобы, развивъ въ подвижника духовную гордость или отчаяніе, отклонить его отъ необходимаго христіанину смиренія и послушанія.

И вотъ пастырь стада Христова, зорко слѣдящій за всѣми проявленіями такой неправильной духовной ревности, во время и умѣло останавливаетъ такое превысоченное пареніе къ небесамъ, такъ сказать, «схватываетъ за погу» и спускаетъ на стезю смиренія несмысленныхъ речитателѣй, уясняетъ имъ ихъ ревность не по разуму,

отрезвляетъ отъ ложнаго пониманія духа евангельскихъ петинъ и односторонняго увлеченія буквой закона.

Велика задача пастыря—постепенно приводитъ своихъ пасомыхъ овецъ на истинный путь.

Давъ понять омраченному грѣхомъ и сбитуому съ толку человѣку, что только истинное смиреніе и полная покорность волѣ Божіей отверзаютъ грѣшнику двери милосердія Божія, пастырь мудрыми и цѣлесообразными средствами старается низвести на смиряющуюся душу эти необходимыя для каждаго человѣка сокровища, эти неоцѣненные богатства духовной жизни.

Предоставивъ сначала человѣка собственнымъ силамъ и чрезъ это давъ понять ему, что безъ Божіей помощи онъ — ничто, пастырь послѣ показываетъ ему, на что способенъ онъ—этотъ же самый ничтожный и жалкій человѣкъ—при помощи всемогущей благодати Божіей.

Пастырь даетъ понять своему пасомому, что, будучи червемъ и прахомъ самъ по себѣ, этотъ же пасомый, озаренный помощью свыше, становится достойнымъ членомъ Церкви Христовой и полезнымъ членомъ общества.

И вотъ, наученный такимъ мудрымъ пастырскимъ руководствомъ, человѣкъ начинаетъ горячо вѣровать въ силу благодати Божіей, смиренно, съ сознаніемъ своей грѣховности, возлагаетъ все свое упованіе на помощь свыше и съ этимъ несокрушимымъ щитомъ бодро идетъ по предопредѣленной ему стезѣ подвиговъ, скорбей и испытаний.

Духовное воспитаніе такъ сложно и трудно, что только благодать Божія можетъ произрастить желанные спасительные его плоды.

За самоотверженную пастырскую дѣятельность и великіе подвиги любви къ ближнимъ, Господь обильно изливалъ Свое благоволеніе на ревностныхъ пастырей, надѣляя ихъ великими благодатными дарами и духовной жизнью.

Такимъ пастыремъ, избранникомъ Божиимъ, былъ окончившійся о. протоіерей Валентинъ Николаевичъ Амфитеатровъ, смиренно жившій въ небольшомъ скромномъ домикѣ, около фабрики Рыбаковой.

Скромность, простота были домикъ снаружи, скромна, проста была и самая обстановка его; прислуга была тоже незамысловатая, обыкновенная. Какъ будто все было обыкновенно и просто, и однако всегда ощущался страхъ и трепетъ при одномъ приближеніи къ этому жилищу добра, возрожденія и спасенія.

Влагоуханіе святости невольно чувствовалось уже при вступленіи въ эту обитель мира, молитвенныхъ подвиговъ и духовнаго утѣшенія.

«Что—мѣсто святое,—вотъ какія мысли невольно приходили въ сердце; смиренное сознаніе своего ничтожества, грѣховности, духовнаго слабосилія—все это съ великимъ трепетомъ ощущалось при входѣ въ домикъ о. Валентина въ ожиданіи его отвѣта или приема.

Приходившіе съ дѣломъ не важнымъ, не требующимъ личной бесѣды пастыря, довольствовались высылаемымъ отъ него отвѣтомъ на кухнѣ; для болѣе серьезной духовной нужды самъ пастырь выходилъ къ посетителямъ, которые, при одномъ видѣ благодатнаго пастыря-молитвенника, нерѣдко падали ницъ, кланяясь въ ноги, глубоко сознавая

Одинъ уже свѣтлый, лучезарный видъ пастыря, въ послѣднее время согбеннаго отъ великаго бремени скорбей и страданій, говорилъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Слабый, сильно похудѣвшій, съ потухающими глазами, онъ являлся могучей духовной силой, когда начиналъ произносить дивныя слова утѣшенія и назиданія.

«Дѣточка, я молюсь за всѣхъ васъ», бывало, скажетъ батюшка, и уже понимаешь, что значать эти дивныя слова; измученная въ житейскомъ круговоротѣ душа сразу сбрасывала съ себя это неприятное бремя пагубнаго тяготѣнія къ мірскимъ интересамъ, невольно окрыляясь чувствомъ небесной радости и ангельскаго свѣта.

Ничтожное, бесуетившееся существо, полное житейскихъ хлопотъ и тревоженій, какъ-бы отрывалось отъ земли, уносилось въ заоблачный міръ и начинало видѣть небо съ его непостижимыми красотами...

Христосъ Спаситель, въ Своемъ необъятномъ величій и милосердіи, становился неслыханно дорогъ и близокъ върующей, стремящейся къ Нему христіанской душѣ!

Вотъ какимъ труднымъ путемъ совершается возрожденіе грѣшной души; вотъ какое славное дѣло творить сей ревностный пастырь! Вотъ кто жить въ маленькомъ домикѣ, около Дорогомилевского моста, тихо, скромно, незамѣтно!

Каждый день его труженнической пастырской жизни ознаменовывался дивными подвигами сѣянія всеисцѣляющей, всевозраждающей благодати, тѣми подвигами избранниковъ Божіихъ, для описанія которыхъ и человѣческое слово становится какъ-бы немоющимъ и слабымъ.

Фрѣлаемъ же хотя краткій, но снзльный очеркъ дѣятельности знаменитаго московскаго пастыря.

Прїѣздъ батюшки въ Москву и служеніе въ церкви Нечаянной Радости.

Родился батюшка 1-го сентября 1836 года. Онъ происходилъ изъ древняго прославленнаго рода Амфитеатроныхъ, изъ котораго ужъ вышлн два великихъ свѣточа: Филаретъ, митрополитъ Кіевскій, его дядя, и преосвященный Антоній, епископъ Казанскій.

Родители его были протоіерей Николай и Анна. Они чуже были озарены Божьей благодатью: батюшка самъ называлъ свою мать святой женщиной. Среди лишеній и недостатковъ укрѣплялся онъ и окрылялся духомъ вѣры и надежды на всеспильную помощь Божію.

«М учился съ салынымъ огаркомъ и нуждался часто въ самомъ необходимомъ»—такъ разсказывалъ батюшка объ отроческомъ и юношескомъ періодѣ своей жизни.

Окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ перешелъ въ духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ. Потомъ онъ былъ облеченъ въ пастырскій санъ, и первый приходъ его былъ при храмѣ Благовѣщенія въ Калугѣ.

За ревностное и истинное служеніе онъ скоро былъ переведенъ въ кафедральный соборъ города Лихвина, Калужской губерніи, съ саномъ протоіерея, потомъ былъ назначенъ смотрителемъ духовнаго училища въ Мещеревѣ и наконецъ настоятелемъ храма Покровской учительской семинаріи близъ Москвы.

Отсюда батюшка былъ переведенъ въ Москву въ храмъ святыхъ Константина и Елены или, какъ при батюнкѣ его стали называть, «Нечаянной Радости».

Пройдя весь курсъ высшихъ духовныхъ наукъ, вполне изучивъ древніе языки, батюшка дальше пошелъ по пути самосовершенствованія. Поговоря уже о его духовной мудрости, его великій свѣтлый умъ не зналъ предѣла и преграды.

Жажда познаній настолько была велика, что онъ самъ изучилъ до десяти новыхъ языковъ.

Масса иностранныхъ книгъ и изданій покупалась и прочитывалась имъ, такъ что составила у него большая всесторонняя библіотека—собраніе весьма важныхъ и цѣнныхъ экземпляровъ духовной и научной литературы.

Батюшка съ любовью относился къ своимъ книгамъ, сохранялъ ихъ и берегъ, даже вносилъ дѣтвицъ, слабый и больной, онъ оцунывалъ ихъ пальчиками и говорилъ: «это все друзья мои».

Невозможно понять, какъ это на все успѣвалъ батюшка!

Руководить многотысячной паствой, цѣлнить, наставлять, утѣшать и находить время для умственного труда и авторскихъ занятій, такъ какъ батюшка постоянно составлялъ проповѣди для народа и писалъ духовныя сочиненія—очерки изъ библейской исторіи.

Истинно это былъ особый сосудъ благодати и премудрости Божьей!

И такъ дивный свѣтильникъ батюшка—сама мудрость и всезнаніе—явился въ Москвѣ, какъ благодатное орудіе для спасенія грѣбнаго, темнаго, погибающаго люда.

Маленькая церковь святыхъ Константина и Елены была еще мало кому извѣтна: служить, бывало, батюшка, а народу почти нѣтъ.

Но узналъ народъ про великаго пастыря и неудержимо побѣжалъ подъ горку.

Кто со скорбями бѣжитъ къ доброму утѣшителю, кто въ бѣдности, не зная гдѣ главы склонить, прося крова и приюта, кто, омрачаемый заблужденіями, просить совѣта и вразумленія.

И всѣхъ утѣшалъ, всѣхъ успокаивалъ, всѣхъ поддерживалъ батюшка!

Кого наставить, кому поможетъ деньгами, кого устроить, дастъ приютъ и убѣжище, этого нецѣлить, того несправить, вразумить. Съ утра до ночи, безъ усталы, трудился пастырь: ни въ церкви, ни дома не зная покоя и отдохновенія.

Службы были ежедневныя, продолжительныя, почти до трехъ часовъ дня. Одинъ, безъ дьякона, служилъ онъ, точно на воздухѣ, озаренный свѣтомъ благодатнаго сіянія, всѣхъ любя, всѣхъ жалѣя. Зная, что лучшее средство духовнаго врачевства,—это очищеніе души въ таинствѣ покаянія и освященіе ея въ благодатномъ таинствѣ приобщенія Пречистаго Тѣла Христова и Честныя Крови Христовой, батюшка старался, какъ можно чаще, приготавливать свою паству къ этимъ великимъ таинствамъ: кого кротко, ласково вразумлялъ, несправлялъ, кого строго наказывалъ, обличалъ при всѣхъ за лѣнь и нерадѣніе.

Иногда по семнадцати часовъ стоялъ онъ и неговѣдывалъ, съ утра до ночи пребывалъ въ храмѣ, духовно врачую заблудныя грѣшныя сердца.

И совершалось невиданное, неслыханное дѣло: тысячи людей рвались въ храмъ «Печальной Радости», толкались, мучались, лишь бы только подойти къ пресвѣтлому батюшкѣ, получить его благословеніе, а главное вымолить у него разрѣшеніе иррйти на неговѣдь.

Но батюшка, болышею частію подолгу непытывалъ людей и годъ или больше не бралъ къ себѣ на неговѣдь.

Зато стояло только разъ неговѣдываться у батюшки, какъ происходила дивная перемѣна—замѣна суетливаго склада ума духовной жаждой христіанской дѣятельности. Изъ пошлаго, никому ненужнаго, бездѣятельнаго чловѣка, являлся христіанинъ, полезный членъ и дѣятель церкви Христовой.

Такого ужъ не собьешь и не подманешь ни на какія сдѣлки и ухищренія. Такой уже увидалъ цѣль жизни, понялъ свое назначеніе и съ горячей мольбой о высшей помощи бодро шелъ по скользкому житейскому пути, если и немного уклоняясь въ сторону, то все-таки не поворачивая назадъ, не прельщаясь мірской пошлостью, надѣясь на Господа Человѣколюбца, на его безмѣрное милосердіе и всепрощеніе.

По разнымъ мѣстамъ Россіи пронелъ слухъ о Чудотворномъ Образѣ Царицы Небесной и о дивномъ служителѣ-пастырѣ.

Изъ разныхъ отдаленныхъ городовъ пріѣзжали люди и были поражены величіемъ и прозорливостью батюшки.

Образъ Царицы Небесной поставленъ былъ батюшкой на самое видное мѣсто.

Батюшка сталъ ежедневно служить молебень, читать

ископаетъ и горячо проситъ Царицу Небесную освѣтить сей святой храмъ покровомъ и заступленіемъ.

И слышала Владычица слезныя мольбы Своего служителя—дивныя милости, дивныя исцѣленія посылала Она вѣрующимъ, въ скорбяхъ и печаляхъ прибѣгающимъ къ Ней и молящимся передъ Ея Пречистымъ Образомъ. Благоговѣйная служба, умиленное чтеніе акафиста возбуждали такое настроеніе въ молящихся, что нельзя было безъ слезъ смотрѣть на всю эту толпу, чтвенящуюся передъ Чудотворнымъ Образомъ и съ вѣрою и надеждою взывающую къ Царицѣ Небесной.

А ликъ Владычицы такъ и сіялъ, такъ и блисталъ! Кротко глядѣлъ Онъ на всѣхъ, невидимо озаряя божественной благодатью, а пастырь стоялъ и молился.

Сотни записокъ о болящихъ, скорбящихъ, озлобленныхъ передавались ему. Онъ читалъ имена, и его тонкій, точно женскій голосъ раздавался на весь храмъ, и слышался въ этихъ звукахъ не простой однообразный перечень, но глубокая горячая молитва за каждого, чье имя онъ называлъ передъ Чудотворнымъ Образомъ.

Кончался молебень, начиналась долгая панихида. Опять безконечное чтеніе записокъ, опять благоговѣйное вниманіе и слезное моленіе окружающихъ, опять бесѣда пастыря съ Господомъ и мольба его принять и успокоить души всѣхъ усопшихъ отецъ и братьевъ нашихъ, здѣсь номинаемыхъ и повсюду православныхъ.

Кто удостоился быть въ этой церкви, тотъ и теперь не можетъ безъ умиленія вспомнить объ этихъ великихъ службахъ; это было что-то высшее, необъяснимое,—вѣя-

ніе небесной благодати—великая духовная радость, ни съ чѣмъ не сравнимая, ничѣмъ не замѣнимая!

И раскрывался пастырь въ этой церкви во всемъ блескѣ своей духовной красоты и прозорливости.

Тысячи случаевъ его мудрости и провидѣнія рассказываютъ его духовныя дѣти; тысячи случаевъ, когда его мощный духъ проявлялся во всемъ благодатномъ величій.

Бывало, во время молебна идетъ онъ по церкви, несетъ большое Евангеліе, подноситъ ко всѣмъ, чтобы прикладывались, а самъ точно на воздухъ, такъ весь и озаряется небесной красотой.

Лучистые глаза его такъ и ласкаютъ, такъ и согревають всякаго. Такіе глаза только и могутъ быть у особыхъ избранниковъ Божіихъ, давно уже поборовшихъ власть плоти и міра и приобрѣтшихъ силу и благодать Духа Святаго.

Никто изъ приходскихъ въ этотъ святой храмъ не могъ скрыться отъ этихъ глазъ: всѣхъ, бывало, разыщутъ они, до всѣхъ доберутся!

Вотъ тамъ далеко въ уголѣ стоитъ несчастный, скорбящій. Тяжкое неотвѣнное горе посѣтило его: можетъ быть смерть жены, матери, можетъ быть, безвыходная бѣдность; можетъ быть гнетъ пороковъ, преступныхъ привычекъ повергли его въ тоску и страданіе.

Точно окаменѣлый стоитъ онъ, безчувственно относясь ко всему окружающему. Служба идетъ, пѣніе, возгласы, но, какъ будто не для него все это, какъ будто онъ здѣсь совсѣмъ лишній, ненужный!

Для чего жить? для чего трудиться? когда все поте-

рино, ушло безвозвратно! Зачѣмъ пришелъ онъ сюда? Зачѣмъ стоитъ?

Итът впереди просвѣта, итът цѣли въ жизни! Долго, какъ бы въ забытьи, стоитъ онъ, понуря голову, безъ мысли, безъ движенія.

Но вотъ, что-то вдругъ озаряетъ его, что-то застаиваетъ его поднять голову и взглянуть на батюшку, а батюшка уже смотритъ на него своими лучистыми глазами: они прожигаютъ всю его душу, они проливаютъ въ его несчастное, изстрадавшее, озлобленное сердце какую то особенную благотворную радость и теплоту.

Падаетъ ницъ несчастный страдалецъ, растаяла ледяная нагубная твердыня горя и отчаянія; вопли и рыданія полились изъ измученнаго сердца,—но это уже не безнадежность и озлобленіе, это уже не ужасъ гибели и омертвѣнія—это животворный источникъ надежды и облегченія.

Увидалъ горемыка, что еще не все погибло, не все пропало, увидалъ онъ великаго настыря-учителя и пошелъ, что съ его всемогущей помощью еще можно идти по стезѣ бѣдствій и испытаний, и оставляетъ онъ свой дальній уголокъ и бѣжитъ ближе къ этимъ дивнымъ силамъ, которые такъ и гребутъ, такъ и озаряютъ свѣтомъ и радостью его скорбное сердце.

А настырь уже, какъ будто, давно ждетъ его: ласковыми короткими словами, онъ еще больше иближаетъ и согрѣваетъ несчастнаго, любяще увѣщаетъ образумиться и опомниться, общается любить, помогать, молиться за него, а главное утѣшаетъ его надеждой на милость Са-

мого Человѣколюбца, Который радуется о всякой душѣ, смиренно приходящей къ Нему.

И что же! Изъ полумертвеца, полунидіота,—созидается человѣкъ, новый воинъ правды и чистоты, новый истинный сынъ Церкви Христовой.

О, какъ горячо любитъ онъ своего дорогаго наставника, паче всѣхъ людей чтитъ и превозноситъ его!

А вотъ подходитъ къ батюшкѣ бѣдильская дѣвушка, еще молоденькая, но больная. Но хочется еще пожить молодому созданию, тяжело расставаться съ матерью, еще бодрой и не старой!

Робко, боязливо подходитъ эта дѣвушка къ батюшкѣ—ктонибудь видно послалъ ее сюда, еще неумѣло обращается она къ нему, проситъ благословенія. Но не можетъ дорогой настырь—сама любовь и милосердіе—безъ жалости смотрѣть на юное существо, трогается его любящее сердце и хочетъ онъ помочь этой больной дѣвушкѣ. Долго разговариваетъ онъ съ ней, ласкается, утѣшаетъ, и Господи! дивныя дѣла твои!—огонь жизни опять возгорается въ ней, болѣзнь проходитъ безслѣдно, и расцвѣтаетъ она въ пышную красивую барышню, трудящуюся, жизнерадостную на счастье и утѣшеніе всей семьи. Тысячи примѣровъ были подобныхъ чудесныхъ исцѣленій.

Помню тоже: одна очень хорошая интеллигентная барышня изнемогала отъ чахотки. Худая, безжизненная, она тоже обратила на себя вниманіе великаго настыря; пожалѣлъ онъ ее, видитъ, что она съ вѣрой и любовью обращается къ нему и захотѣлъ помочь ей.

Но какъ онъ никогда и ничего не дѣлалъ на видъ, а

творилъ чудеса втайнѣ, то онъ сталъ незамѣтно, исподволь проливать на нее благодать, подолгу бесѣдоваль съ ней передъ Образомъ Царицы Небесной.

Помню, какъ сейчасъ, ея худенькую, высокую фигурку, склоненную къ батюшкѣ. Болѣзнь брала свое, все болѣе подтачивая организмъ. Трудно было ей выстоять службы, все присаживалась, все слабѣла; надежды на выздоровленіе повидимому никакой не было.

Но батюшка не унывалъ!

Онъ послалъ ее на лѣто въ имѣніе къ роднымъ. Многіе со слезами провожали ее, навсегда прощаясь съ ней, такъ какъ никто конечно не рассчитывалъ увидѣть ее опять.

Прошло лѣто. Вдругъ все были поражены чудомъ: приближаетъ она въ Москву здоровая, нѣтъ и признаковъ чахотки. Правда, еще худенькая, но зато бодрая, веселая, окрѣпшая, возрожденная.

Всей силой своей молодой натуры отдается она на служеніе ближнимъ и, благодарная цѣлителью-батюшкѣ, не оставляетъ его, горячо любить и чтить его и постоянно присутствуетъ за его службами.

Развѣ не дивно все это?

Какъ же не плакать и не убиваться теперь тысячамъ людей?

Лишиться такого пастыря-цѣлителя—это ужаснѣйшее несчастіе!

Скончался онъ—и все померкло.

Смущены несчастныя, бездомныя, одинокія сироты—и ничего не подѣлаешь: видно такъ Господу угодно!

Но не одними нецѣленіями славился дивный пастырь:

онъ всецѣло посвятилъ себя на славное дѣло апостольскаго служенія, онъ спасалъ души человѣческія, вырывалъ ихъ изъ тернія грѣховъ и пороковъ.

Долгой, неустанной молитвой, мудрыми совѣтами и наставленіями, грозными словами вразумленія и обличенія онъ духовно совершенно перерождалъ всякаго, приходящаго къ нему.

Приходили къ нему люди прямо изъ мрака свѣтской пошлости, опутанные нагубными привычками, они такъ бы и влачили свою жизнь въ праздности, суетѣ, распряхъ, гордости, вдали отъ Бога, полувѣрующіе, индифферентно относящіеся къ религіи и къ установленіямъ православной Церкви.

Сходить въ церковь помолиться такой человѣкъ, по какъ-то машинально, какъ бы совершаетъ скучную обязанность: ни отрады духовной не чувствуетъ, ни цѣли въ жизни не видитъ.

Машинально, какъ истуканъ, живетъ онъ: день проиель, и славу Богу! Цѣветъ, поенать и—только; а о будущей жизни и о приготовленіи къ ней и помину нѣтъ.

Да хорошо если и этимъ ограничивается, а иной погрязъ въ пьянствѣ, кутежахъ, ведетъ жизнь кутялы, мота, бросаетъ жену, оставляетъ на произволъ дѣтей—и вотъ подобные люди приходили къ батюшкѣ! Они невидимо присылались къ нему Провидѣніемъ Божиимъ, все опутанные грѣховными сѣтями.

Казалось, невозможно было исправить такихъ заблудшихъ, изуродованныхъ людей! Но дорогой батюшка, не колеблясь, принималъ ихъ подъ свою могучую охрану, въ свою благодатную спасительную науку. Разъ приметъ

такого человека и уже не отпустить его на свободу грѣха и порока. Долго пересоздастъ онъ испорченнаго, искоренкашаго человека гдѣ лаской, гдѣ угрозой, зорко слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, не даетъ уклониться въ сторону, поддерживаетъ, подкрѣпляетъ и проливаетъ на него благодать Святаго Духа, преподавая ему Святыя Божественныя Тайны—Пречистое тѣло Христово и Божественную Кровь Его. Самъ, дорогой руководитель, powerless съ такимъ тяжелымъ человекомъ, самъ, великій милостивецъ, несетъ за него тяжесть грѣховъ.

Не можетъ такой человекъ превозмочь лѣнь и невоздержаніе, не можетъ должнымъ образомъ поспѣть и приготовиться—батюшка прощаетъ ему, разрѣшаетъ отъ поста: «Я приму все на себя, говоритъ онъ бывало, дорогой ангель—Хранитель, и такимъ образомъ самъ батюшка постится и страдаетъ за ослабѣвшаго, немощнаго.

И вообще не любилъ батюшка одного наружнаго пощенія, одной виѣшней молитвы; такъ бывало разсердится и заволнуется, когда услышитъ, что кто нибудь принимаетъ на себя непосильный, лицемерный постъ.

«Не животою, не ѣдой спасаете свои души», бывало скажетъ батюшка. «Господу нужно наше горячее сердце, а не наружное пощеніе и лицемерное хожденіе по церквамъ, это все ханжество и заблужденіе». «Пусть въ тебѣ любовь будетъ да милосердіе, а не наружная пустая набожность»,—такъ, бывало, громить батюшка въ своихъ проповѣдяхъ, старается растонить сердце человека, требуетъ отъ него внутренней чистоты; внутреннихъ богатствъ добра, милосердія, кротости, смиренія, терпѣнія и покаянія.

Проповѣди говорилъ батюшка очень часто: въ воскресенье послѣ литургіи; по субботамъ, — Великимъ постомъ причастникамъ, и во всепощную — подѣ большіе праздники.

Послѣ смерти вышли его поученія въ четырехъ изданіяхъ: 1, Духовныя бесѣды; 2, Воскресныя Евангелія; 3, Великій постъ (духовныя поученія); 4, Духовныя поученія и 5 — Очерки изъ библейской исторіи Вѣтхаго Завета, т. I и II.

Чудныя проповѣди говорилъ батюшка. Это—такая была живая рѣчь поученія и наставленія; это такая была мольба покаянія и исправленія, это такая была красота выразеній и сравненій, что никакими словами невозможно передать того великаго умиленія и потрясенія, которое охватывало всю душу при благодатныхъ звукахъ его проповѣдническаго голоса.

Многіе получали въ проповѣдяхъ отвѣты на свои думы, недоумѣнія и замѣнательства, а многимъ ясно раскрывалось, какъ имъ поступить въ ихъ затруднительныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ.

Въ этихъ проповѣдяхъ выставлялся весь ужасъ пороковъ, восхвалялось терпѣніе, смиреніе и послушаніе.

Духовная гордость, какъ самый ужасный блѣтъ духовной жизни, возбуждала особенное вниманіе батюшки: это зло, эту гадюку батюшка всячески старался потоптать и раздавить въ своихъ духовныхъ чадахъ.

Терпѣніе, послушаніе и смиреніе—вотъ какія качества должны быть развиты въ себѣ человекомъ, если онъ хотѣлъ получить ласку и любовь батюшки; и горе тому было, въ комъ батюшка замѣчалъ своеволие и упрямство:

бывало такъ и обличить при всѣхъ провинившагося, такъ и разгромить въ проповѣдяхъ.

Чтобы смирить гордость и кичливость человѣка, батюшка при всѣхъ, бывало, начнетъ пробирать его и выставлять на видъ темныя качества и дурныя свойства его характера, а случалось, что много непокорнаго гналъ вовсе изъ церкви и запрещалъ показываться ему на глаза.

Ничего не было тяжелѣе такого изгнанія! Гнѣвъ батюшки производилъ такой ужасный гнетъ, такую душевную муку на каждаго, что многіе не выдерживали этого и, какъ малоопытные въ духовномъ дѣланіи, уходили отъ батюшки. Другіе же, какъ болѣе преданные, рѣшались лучше переносить тяжесть обличенія и униженія, чѣмъ лишиться батюшкиной службы.

Нештавъ и убѣдившись въ преданности, батюшка обращалъ свой гнѣвъ на милость и принималъ такого человѣка, какъ уже вѣрную овечку, въ свое духовное стадо.

И такъ много тысячъ людей велъ дорогой пастырь, не оставлялъ безъ призора, во время поддерживалъ, если кто ослабѣвалъ, лелѣялъ и охранялъ того, какъ слабого безпомощнаго ребенка.

Многихъ велъ онъ больше двадцати лѣтъ, постоянно трудился надъ ними, неустанно воспитывалъ ихъ.

Всѣ, кто были за батюшкиными службами у «Нечаянной Радости», единодушно утверждаютъ, что такихъ чудныхъ службъ они нигдѣ и, никогда больше не видывали!

Это было именно что-то особенное, райское, блаженное.

Маленькая церковь, лучезарный образъ Царицы Не-

бесной, Ея кроткій божественный Ликъ—это было что-то необъяснимое, несказанное, радостное!

Стоишь, бывало, и чувствуешь, что находишься гдѣ-то далеко, далеко отъ всего суетнаго, земнаго: ни тревогъ, ни смуты, ни волненій, стоишь и молишься, вся отдавшись чувству какого-то блаженнаго умиротворенія, радости, покоя, а тонкій звучный голосъ пастыря возмываетъ молитвословія съ такой вѣрой и горячностью, и какъ бы желаетъ сказать всѣмъ, что милосердый Господь. Самъ принимаетъ просьбы достойно и съ любовью обращающихся къ Нему людей, и ищетъ словъ передать, какъ дивно вся обновляешься, перерождаешься, всей душой стремишься къ Господу, умоляешь Его, Человѣколюбца, научить, какъ послужить Ему, чтобы не быть отвергнутой Имъ, но чтобы быть принятой Имъ, хотя въ число самыхъ послѣднихъ наемницъ Его.

Господи! Не отвергни меня отъ лица Твоего, научи меня, какъ послужить тебѣ, чтобы при Твоемъ второмъ славномъ пришествіи не быть въ числѣ тѣхъ юродивыхъ дѣвъ, которымъ Ты изречеши Свой праведный Судъ: «Истинно говорю вамъ, не знаю васъ», вотъ слова, которыя бывало, невольно льются съ языка.

А пастырь и радъ, что такъ умиляются сердца молящихся съ нимъ, такъ и рвется онъ то къ одному, то къ другому, желая навсегда возжечь въ своихъ духовныхъ чадахъ такія чувства любви и благоговѣнія къ Господу: то къ одному подойдетъ послѣ службы, то съ другимъ заговоритъ, такъ и воспламеняетъ свѣтильники ихъ, чтобы они сохранились до конца ихъ жизни и не погасли бы безвременно.

Какъ истинный чудный стражъ, онъ всёхъ охранялъ отъ нападений неконнаго врага—дьявола, который, яко левъ, рыкаетъ, лица кого поглотити.

— Да! Не давалъ дорогой пастырь въ обиду ему своихъ малыхъ бѣдныхъ овечекъ, всёхъ укрывалъ отъ этого лютаго звѣря, всёхъ охранялъ своей защитой и помощью.

И хорошо же жилося имъ при такомъ пастырѣ! Ни нужды, ни холода, ни болѣзней, ни несчастій: все утишалось его святыми молитвами. Чуть только бывало замѣтить гдѣ горе и уныніе, сейчасъ же спѣшить на помощь и выручку.

И многимъ раскрывался тогда батюшка во всемъ своемъ величіи, во всей своей прозорливости.

Все то было ему извѣстно, кажется, ни одно волненіе души, ни одно смятеніе не укрывалось отъ его духовно-видящаго взора.

Горячія пламенные слова молитвы, исходящія изъ вѣрующаго любвеобильнаго сердца, восходили прямо къ небесамъ, къ Престолу Всевышняго, и низводили токи милосердія Божія на грѣшный собравшійся людъ.

Знатные и ничтожные, богатые и бѣдные, взрослые и малые,—все здѣсь сливалось въ одно великое вѣрующее духовное стадо Христово.

Слезы несчастной вдовы—матери, воишь духовной славы, неудачи семейной жизни,—вѣсь эти безчисленные скорби, вся эта путаница житейскаго круговорота, бѣдность, болѣзни и проч.,—все это благодатно очищалось, утишалось дивнымъ ходатаемъ—пастыремъ, который своей праведной молитвой, своими сокрытыми отъ всёхъ ве-

ликими духовными подвигами низводилъ на притекающихъ къ нему особое благоволеніе и милосердіе Божіе.

Вотъ тяжкая болѣзнь готова уже привести въ отчаяніе семью; неизбежность разлуки съ любимымъ дорогимъ лицомъ повергаетъ иногда въ такой ужасъ и горе членовъ семьи, что они готовы впасть въ отчаяніе, но милосердый Господь, не хотѣи смерти грѣшниковъ, чудесно направляетъ ихъ къ пастырю, который своею молитвою и мудрыми наставленіями утѣшаетъ и вразумляетъ несчастныхъ.

Своею любвеобильной лаской онъ согреваетъ омертвѣлое сердце грѣшника, онъ ласкаетъ его, какъ больное измученное дитя, ободряетъ словами вѣры и надежды и наполняетъ скудную душу духовными сокровищами.

О, незабвенный дорогой пастырь! Сколько неистощимой мудрости было въ твоихъ благодатныхъ пастырскихъ дѣйствіяхъ!

Спасать души человѣческія, вырывать ихъ изъ пропасти грѣха и паденія, трудиться надъ ихъ непорочностью, очищать, омывать, лецѣлять ихъ — о! это такая трудная задача, что только при особой благодати Божіей можно братья за нее. Но о. Валентинъ всю свою подвижническую жизнь посвятилъ на исполненіе сего многотруднаго, величайшаго христіанскаго подвига. Весь изстрадався онъ наими грѣхами и беззаконіями и медленно угасалъ подъ невыносимымъ бременемъ людскаго безумія.

Возревновавъ о спасеніи людей, онъ неотступно исполнялъ этотъ долгъ и со славою совершилъ свою великую миссію.

Громадная паства—сыны и дочери Церкви Православ-

ной все это плоды творчества его мощной благодати, его сильной всеобъемлющей любви.

Самоотверженная душа его не знала покоя ни днем, ни ночью. Днем въ трудахъ, ночью въ молитвѣ она страдала и распиналась за вѣхъ несчастныхъ и теперь ца небѣ утѣшается воздаяніемъ блаженства и райскаго веселія. Спасать—такъ спасать до конца,—вотъ какой великой цѣлью задавался почившій пастырь и, задавшись этой цѣлью, не отступалъ отъ нея до конца, безконечно умножая данные ему отъ Бога таланты пастырской молитвы и мудраго водительства своихъ духовныхъ чадъ.

Переходъ батюшки въ Архангельскій соборъ и служеніе въ немъ.

Недолго паства наслаждалась служеніемъ батюшки въ церкви «Нечаянной Радости» или свв. Константина и Илены.

Дѣйствіемъ Промысла Божія, все устрояющаго ко благу и спасенію людей, батюшка былъ переведенъ въ Архангельскій соборъ и назначенъ тамъ настоятелемъ.

Линилась паства благодатныхъ службъ въ маленькой, уютной церкви, гдѣ все было полно такимъ свѣтомъ, благолѣніемъ, миромъ и тишиной.

Ангельская блаженная служба, открывшаяся для неиможно любящихъ пастыря, такъ была неопишимо прекрасна, что они ни съ чѣмъ не могутъ сравнить ее и теперь вспоминаютъ о ней, какъ о чемъ то недостижимомъ для нихъ, неизмѣримо—выше стоящемъ ихъ понятій и воображеній.

Паства должна была разстаться съ любимымъ храмомъ, къ которому такъ сильно привыкла и съ которымъ какъ бы сжилась. Вѣкъ перенесли въ Соборъ.

Горько плакалъ пастырь, прощаясь съ Чудотворнымъ образомъ Царицы Небесной «Нечаянной Радости», которая столько лѣтъ была божественной защитой и покровомъ Своего вѣрнаго служителя.

Въ Соборъ началось новая, непохожая на прежнюю, жизнь.

Небрежность, невнимательность служащихъ Собора къ своимъ обязанностямъ такъ глубоко укоренились здѣсь, что требовалось большое усиленіе для приведенія всего на подобающую высоту.

Величественный, но мрачій внутри, Архангельскій соборъ невольно наводилъ уныніе на входящихъ, а темные своды и тусклая старинная живопись еще болѣе довершали тяжело-грустное впечатлѣніе.

Монотонная служба, лишенная пламенной вѣры и вдохновенія, небрежность причта,—все это дѣлало Соборъ не храмомъ молитвы и умиленія, а только мѣстомъ посѣщенія для туристовъ, приходившихъ осматривать достопримѣчательности находящіяся тамъ свитынь, историческихъ гробницъ, а вовсе не для молитвы.

И вотъ дѣйствіемъ всеблагаго Промысла, въ этомъ древнемъ, мрачно-уныломъ храмѣ—вдругъ возсіялъ небесный свѣтъ чудесъ и дивныхъ знаменій. Величественные своды огласились неходящими изъ глубины сердца молитвенными возношеніями пастыря, который какъ бы озарилъ мрачій Соборъ своей дивной вѣрой и пламенной неустанной молитвой и, думалось, засіяли потемнѣв-

ные замысленные лики святыхъ, возликовали драгоценные останки князя Михаила и боярина его Теодора, ангельски воссияли и возблагодарили Госнода царственный Страстоприницъ.—отрокъ Димитрій при вступленіи въ Соборъ дивнаго настыря, который вмѣстѣ съ собою привелъ родъ и свою многочисленную паству. Какъ сиялъ образъ Спасителя справа отъ Царскихъ вратъ!

Такая неизреченная красота благодати и милосердія, такая кротость всепрощенія, такое обліе помощи и защиты!

Волной чудотворный мѣстный образъ Царицы Небесной «Благодатное Небо» дивно-небесно глядѣть на всѣхъ вѣрующихъ, какъ бы возвѣщая имъ, что Сама Царица Небесная, по своей неизреченой благодати, сходитъ съ благодатнаго неба, невидимо является въ этомъ свѣтомъ храмѣ, благодатно озаряя истинно чтущихъ Ее и прибѣгающихъ къ Ней.

Неизреченною красотою сиялъ настырь, когда воздѣвлялъ свои руки къ Царицѣ Небесной, и зывалъ къ Ней словами акафиста.

Это не было повтореніемъ заученныхъ молитвословій, это не была заурядная священническая молебная служба, то были незримые міру потоки самыхъ горячихъ, самыхъ пламенныхъ рыданій всѣхъ собравшихся здѣсь вѣрующихъ, которые, благодатно озаренные исходящимъ изъ глубины сердца огненнымъ зываніемъ настыря къ Богоматери, приходили въ такое молитвенное умиленіе, что сразу отрѣшались отъ всего земнаго и погружались всею существомъ своимъ въ созерцаніе неизреченной красоты Царицы Небесной.

Великое благодатное таинство обновленія, освященія и возрожденія молитвами достойнаго служителя—настыря незамѣтно охватывало, колебало молниихей, пробуждая ихъ отъ духовной спячки; ощущая могучій благодатный подъемъ, они все какъ бы невольно начинали бороться съ грѣхомъ и ветунали на путь добра и духовныхъ подвиговъ.

Тысячи невидимыхъ и видимыхъ чудесъ благодатной помощи Царицы Небесной, по молитвамъ дивнаго настыря, совершались здѣсь постоянно.

Вотъ несчастная, скорбная мать готова придти въ отчаяніе отъ неизбежной утраты горячо любимаго, дорогаго дѣтнца. Кто можетъ передать ея вздохъ, вопли и мольбы?

Вотъ стоитъ на колѣняхъ предъ иконой чистенькая, простенькая, молоденькая дѣвушка — бѣдная сиротинка, безъ крова и приюта.

Худенькая, болѣзненная, она своимъ слабенькимъ, изнуреннымъ личкомъ вся устремилась къ лучезарному, благодатному, величественному дивному лику Владычицы.

Посмотрите, сколько простоты, сколько искренности, сколько вѣры и надежды въ этихъ кроткихъ, ясныхъ глазахъ, еще не испорченныхъ пагубной мірской суетой, сколько благоговѣнія въ этомъ взглядѣ при обращеніи къ чудотворной свѣтыцѣ.

И Пречистая Владычица, Сама дѣвственность и непорочность, больше всѣхъ понимаетъ неизбежныя страданія одинокой чистоты и невинности.

И вотъ бѣдная, смиренная сиротинка, озаренная и умиленная благодатью великаго настыря, вознеситъ Пре-

чистой Дѣвѣ горячее моленіе принять ее, несчастную, немилосердно брошенную, подѣ Свою небесную защиту и покровительство.

Вотъ малыя чистыя дѣтки беззаботно лепечуть святыя слова молитвы и своими певными, неомраченными сердцами радостно воспринимають благодать небесной помощи Пречистой Дѣвы; здѣсь они отрѣшаются отъ своихъ «дѣтскихъ» грѣховъ, шалостей, капризовъ, лѣности и становятся малыи осмысленными пачатками будущаго разумаго, нравственно - здороваго поколѣнія.— А тамъ несчастныя молитвы объ опасныхъ, безнадежныхъ, на смертномъ одрѣ болѣзни лежащихъ или погибающихъ въ тинѣ грѣховной лодокъ!

Какъ съ ними быть? Какъ имъ всемо помочь и на нихъ воздѣйствовать? О, за всѣхъ ихъ вздыхаетъ всемо своимъ пламеннымъ, отрѣшеннымъ отъ земли, существомъ дивный настырь, за всѣхъ ихъ вопіетъ онъ къ Самой Владичицѣ, прося Ея, преблагостную Матерь и Царицу Небесную, утѣшить страждущихъ, умячить озлобленныхъ, спасти погибающихъ и всемо подать руку помощи.

И Царица Небесная, внимая ходатайству Своего вѣрнаго служителя, пролпваетъ на молящихся материнскую помощь и благодать, озаря ихъ лучами Своей благости и милосердія.

А вотъ по другую сторону Царскихъ вратъ, чудотворный образъ небеснаго покровителя Собора — Михаила Архангела—разрушителя стрѣлъ и козней лукаваго.

О, какъ необходимъ и дорогъ онъ каждой вѣрующей душѣ, изстрадавшейся въ бурныхъ волнахъ житейскаго водоворота!

Небесный архистратигъ, благостно принимая вѣрующее благовѣрное лобызаніе своего чудотворнаго образа, отгоняетъ демоновъ, ищущихъ уловить въ свои сѣти неопытныхъ людей.

Вотъ какія святыя иконы въ Соборѣ—твердыня вѣры и православія, радость и слава христіанъ! Эти великія святыни до о. Валентина какъ бы не замѣчались молящимися, были плохо и мало цѣнимы.

И вотъ настырь, вступивъ въ этотъ забытый, покинутый Соборъ, горящимъ пламенемъ своего неугасимаго свѣтильника вѣры, зажегъ вездѣ безчисленныя свѣчи и освѣтилъ весь Соборъ, озаривъ раньше окутанныя сумракомъ драгоценныя святыни чудотворныхъ иконъ и мощей угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Соборѣ.

Быстро исчезла навѣшная повсюду паутина, стерлась пыль и илѣсеи, обновлена была живопись, тщательно выметены соръ, украшены покровы и иконы, навѣшены красивыя вѣлки; Соборъ предсталъ въ такой красѣ, въ такомъ величїи, что все невольно поразились такой быстротой, дивной перемѣнѣ.

Даже гробница Іоанна Грознаго, находящаяся справа, около алтаря, и та стала привлекать къ себѣ молитвенное вниманіе православно-русскихъ посѣтителей Собора.

Нерѣдко можно было видѣть, какъ приходили служить панихиду по этомъ грозномъ государѣ, такъ много памятномъ всемо своимъ гнѣвомъ и самовластіемъ.

Этотъ властелинъ и строгій каратель подданныхъ, гроза запуганныхъ жителей, явился теперь какъ бы ходоатаемъ и покровителемъ всѣхъ, принадлежныхъ къ его гробницѣ помолиться объ упокоенїи его души. Приходящіе

твердо вѣрили, что кто отслужитъ панихиду по Иоаниѣ Грозномъ, тому посылается небесная помощь въ устройствѣ его дѣлъ, устраняются несчастія и затрудненія.

Опытные въ духовной жизни люди объясняютъ это такъ: Царственный мученикъ—отрокъ Димитрій, въ благодарность за почтеніе памяти своего державнаго родителя, предстоитъ у престола Всевышняго, испрашиваетъ у Господа благодатную помощь веѣмъ пришедшимъ поклониться къ гробницѣ Иоанна Грознаго и отслужить по немъ панихиду.

Вотъ какое обиліе благодати и милосердія источается въ Соборѣ! Вотъ какая святость, свѣтъ и благоуханіе незримо ощущались повсюду.

Все было полно небесной красой и благодатию, невольно чувствовалось, что находишься не на землѣ, среди грѣха и порока, а гдѣ то далеко, далеко отъ всего суетнаго, развращеннаго и грѣховнаго.

Все это раскрылъ намъ дорогой батюшка, все познали мы черезъ него и съ помощью его! Развѣ могли бы мы такъ крѣпко вѣровать и умиляться, если бы не его пламенные моленія, обращенныя къ святынямъ Собора.

Вотъ онъ стоитъ передъ чудотворнымъ образомъ Царицы Небесной «Благодатное Небо», стоитъ и весь отдаваясь пламенному моленію!

Грѣшнѣ можно было безъ слезъ умиленія смотрѣть на него?

Грѣшнѣ возможно было не проникнуться духомъ вѣры и трепета при видѣ его дерзновеннаго обращенія къ Самой Владычицѣ, которую онъ всей силой своей пламенной души просилъ облегчить скорби и страданія людскія!

Одно его молитвенное возношеніе способно было озарить души пламенной вѣрой и надеждой, умягчить сердца окружающихъ. Послушали бы вы только, какъ онъ читалъ прошенія акафиста, и поняли бы, что это была одна горячая, несокрушимая вѣра, самоотверженная любовь къ страждущимъ, всецѣлое устремленіе духа къ горнему міру.

Помоги, Владычица! слышалось въ его молебѣхъ, помоги, Тебѣ все возможно, мы знаемъ, мы твердо вѣруемъ въ это... и, душу свою полагаемъ за други своя, онъ радъ бы былъ самъ принять на себя ихъ скорби и печали, только бы утѣшить и успокоить изнемогшихъ въ житейской борьбѣ.

О, незабвенный, дорогой пастырь! Каждое мгновеніе твоей благодатной жизни было лучезарно, дивно, благотворно; все въ тебѣ сіяло любовью, милосердіемъ, благостию, духовнымъ величіемъ и могуществомъ!

Какъ мощный орелъ, ты виталъ надъ своимъ многочисленнымъ стадомъ, направляя всѣхъ ко благу и спасенію. Лишь только ты замѣчалъ, что кто либо ослабѣвалъ, уклонился, сейчасъ же стрезвлялъ того и направлялъ на правильную стезю христіанскаго добродѣланія!

Вотъ подходитъ батюшка къ мощамъ Царственного Отрока, прикладывается, лобызаетъ святыя останки! Какая глубина вѣры, благоговѣнія, умиленія!

Онъ лобызаетъ ихъ съ великой радостью и любовью, какъ бы желая дать понять своей наставѣ, что и она съ величайшимъ чувствомъ вѣры и благоговѣнія должна прикасаться къ святымъ мощамъ Отрока-страдальца...

Всей силой своей пламенной души онъ молитъ Цар-

стивнаго страстотерца о всѣхъ болящихъ, страждущихъ, умирающихъ, несчастныхъ, прося его ходатайства за нихъ предъ Господомъ.

И паства, съ благоговѣйнымъ трепетомъ взирающая на это пламенное возваніе и изліаніе души своего дорогого пастыря, сама начинаетъ все больше и больше проникаться пламенемъ вѣры и любви къ Мученику—отроку, сподобляясь по молитвамъ св. Царевича небесныхъ милостей отъ Господа.

Приложившись къ мощамъ св. Димитрія -Царевича, батюшка подходитъ къ св. мощамъ мучениковъ: князя Михаила, замученнаго въ Ордѣ, и боярина его Θεодора.

Опять то же умиленіе, благоговѣніе, тѣ же горячія слезы, мольбы и непреложное упованіе на молитвенную помощь сихъ угодниковъ.

Прикладываясь къ святымъ останкамъ мучениковъ, благоговѣйно лобызая ихъ, батюшка какъ бы говоритъ своей паствѣ: «Смотрите, дѣти мои, вотъ вамъ высокій примѣръ подражанія, столпы вѣры и православія, которые своей мученической смертью показали, какъ надо крѣпко, непоколебимо стоять за вѣру и истину. Они не устались никакихъ мученій, твердо стояли за Христа, за свою святую родину, за драгоценную святыню православія! Смотрите и поучайтесь!»

Горячо любила паства своего дивнаго пастыря. Вся она, точно одинъ человекъ, какъ бы такъ говорила ему: «Дѣлай съ нами, что хочешь, веди насъ, куда хочешь, показывай насъ, какъ хочешь, только не бросай, не отговни отъ твоего свѣтлаго, благостнаго лица, не лишай насъ спасительныхъ рѣчей и наставленій!»

И батюшка высоко цѣнилъ эту горячую любовь и преданность; ему пріятно было, что его духовныя дѣтки, несмотря на свои немощи и слабости, все - таки имѣютъ въ сердцахъ искру Божію, горящую въ нихъ тихимъ неугасимымъ огонькомъ вѣры и добра. Онъ видѣлъ, что они понимаютъ все его великое попеченіе о нихъ, его пастырскіе труды и самоотверженные подвиги для спасенія ихъ; онъ видѣлъ, что брошенное имъ сѣмя вѣры и добра падаетъ на хорошую плодородную почву, начинаетъ приносить посильный плодъ добродѣланія, и утѣшенный пастырь, еще съ большей энергіей, несмотря на упадающія, изнемогающія силы, принимался за дальнѣйшую ревностную работу-духовнаго руководительства и пастырскаго душепопеченія.

Вотъ каковъ былъ великій пастырь, всего себя отдавшій для спасенія своихъ ближнихъ.

Кипучая пастырская дѣятельность батюшки на благо и спасеніе людей.

Разсмотримъ одинъ день труженнической дѣятельности батюшки и поймемъ, чѣмъ онъ былъ наполненъ и ознаменованъ.

Вотъ толпа собралась въ церкви. Ждутъ батюшку. Чинно, по порядку, разставилъ все, со страхомъ, съ благоговѣніемъ ожидаютъ его и трепещутъ...

Какая разнородная толпа!

Прибѣжало дѣтство-мальчишество, ухарски выставившись впередъ; пришла степенность, зрѣлость, плотно

размѣтившись на виду, приползла старость, дряхлость, кривоты и припетровившись въ уголку. Молоденькія дѣвушки, изящныя, скромно, смиренно дожидаются, слегка перебираясь между собой малыми словечками; пожилыя, болѣзненные, скорбящія лица уныло, съ потеряннѣемъ ждуть батюшку-утѣшителя, зная по опыту, какъ онъ однимъ благословеніемъ, однимъ ласковымъ словомъ, сразу снимаетъ многолѣтнія тяжкія скорби и страданія.

«Батюшка ѣдетъ»,—тержественно-радостно раздаются въ толгѣ, всѣ толкуются и смѣшиваются въ массу, безпорядочно стремящуюся впередъ.

Вотъ появляется самъ настырь.

Точно сразу все озаряется кругомъ. Благоговѣйная дрожь страха и трепета неволью охватываетъ толпу.

Настырь медленно начинаетъ проходить среди множества людей.

Трудно ему проходить среди тѣсно сжавшейся многочисленной толпы, среди общаго гула просьбъ и обращеній.

Вотъ несчастная мать проситъ съ горячими неутѣнными слезами за «пенутеваго» сына; вотъ бѣдная вдова нынѣ въ безысходной крайности съ малолѣтними дѣтьми; вотъ страдалица-жена, брошенная мужемъ, изнуряетъ въ семейной неурядицѣ, а тамъ жалкія сиротинки-дѣвушки, предоставлены бурямъ и вихрямъ окружающей житейской сумятицы; тутъ вотъ бездольные, бѣднѣе, бывшіе труженники—рабочіе, тутъ и гордые, еще не смиреннѣе богачи, знатность,—все снѣшится, толкается и осаждастъ настыря, который кротко-ласково благословляетъ и утѣшаетъ собравшуюся толпу.

Вслушайтесь, что говоритъ батюшка, и вы поймете,

сколько благодати, сколько дивной мудрости въ его знаменательныхъ рѣчахъ; ни одинъ звукъ его голоса, ни одно малое, простое словечко не говорится по-пусту,—все полно такого вдохновенія, такой вѣры и любви, что невольно проникаешься величайшимъ благоговѣніемъ къ этому служителю Божію, который при своемъ духовномъ величій спускается къ грѣшнымъ, скорбящимъ, слабымъ людямъ, чтобы утѣшить, вразумить и освятить ихъ!

Уже при одномъ такомъ шествованіи къ алтарю сколько людей утѣшено, спасено, осчастливлено!

Сиротинки какъ бы вновь получаютъ ласку и наставленіе родителей; вдовы-нищенки—достатокъ и убожище; безработные—мѣсто и дѣятельность; немощные—здравіе и силы.

О, дорогой, благодатный настырь! На всѣхъ ты одинъ, всѣхъ ты радуешь, живишь, держишь! Не будь тебя, сколькимъ бы несчастнымъ пришлось погибать съ отчаянія и нищенства,—сколько разлилось бы кругомъ грѣха, порока и заблужденія, сколько молодыхъ дѣвушекъ не сіяло бы прелестью чистоты и благочестія, сколько дѣтей возрасло бы въ порчѣ и гибели.

А настырь тихо идетъ все дальше и дальше. Вотъ подають ему записки съ просьбой помолиться за болящихъ, за усоншихъ.

Нѣкоторыя записки батюшка принимаетъ охотно, другія же съ тяжелымъ вздохомъ.

Что это за больные, о которыхъ предстоитъ ему молиться?

О, это болѣею частью безнадежныя, опасныя, умирающіе больные. Пензлѣчивая болѣзнь рака, скоротечная

чалотка, острые воспалительныя боли, близкія къ печальному концу,—все это приносилось къ настырю со всѣхъ концовъ Москвы, даже изъ ближнихъ и дальнихъ городовъ Россіи.

Трудныя, опасныя операціи, мучительныя переломы язвоновъ, дифтеритное горловое страданіе,—все это стояло передъ настыремъ и съ самой горячей мольбой просило о помощи и облегченіи. И настырь съ величайшимъ интеллектуальнымъ чувствомъ состраданія, весь проникнутый важностью своего долга, бережно собиралъ всѣ подаваемые записки и, доканчивая благословлять собравшуюся толпу, несъ ихъ въ алтарь.

Вотъ онъ и въ алтарь.

Облачившись въ священныя одежды, онъ выходилъ къ Царскимъ вратамъ, начиналъ молиться и испрашивать у Господа благословеніе на предстоящее служеніе.

Всю пламенную душу призывалъ онъ Господа, прося его утѣшить и облегчить душевныя страданія горемычной братіи, обращающейся къ нему съ скорбями и горестями, всѣмъ пламеннымъ порывомъ мольбы и призыванія просилъ онъ Всеблагого Человѣколюбца спасти и обновить души, довѣрчиво и съ любовью обращающіяся къ нему, просилъ утѣшить, успокоить несчастныхъ, угадить физическія ихъ боли, со смертнаго одра болѣзни поставить здоровыми и невредными.

Но это только еще начало службы, только еще приготовленіе къ ней, начиналась утренняя и исповѣдь.

Таинства покаянія и причащенія и раскрытіе батюшкой ихъ великаго значенія для людей.

Въ таинствахъ исповѣди и причащенія совершалось наивысшее благодатное возрожденіе вѣрующей души.

Сколько при исповѣди требовалось отъ настыря трудовъ и усилій, чтобы умягчить душу грѣшника, довести ее до сознанія своей грѣховности и возбудить стремленіе къ добродѣтельной жизни!

Глубоко вкоренившіяся страсти, пороки, распущенность, жестокость, гордость, лихоимство,—эти ужасныя корни приходилось вырывать съ страшнымъ трудомъ и усиліемъ. Вотъ злоба и ожесточеніе змѣями обвилась вокругъ сердца человѣка: попробуйте-ка сдвинуть и потревожить ихъ, попробуйте-ка расправиться съ ними и навсегда изгнать ихъ изъ сердца!

Вотъ пьянство, развратъ, разнузданность омрачили образъ Божій въ человѣкѣ; какъ ихъ устранить, возжечь искру духовной ревности и возобновить омраченный образъ Божій? Всесильная благодать Божія помогала здѣсь великому настырю, осѣняла его труды ореоломъ небесной помощи и подкрѣпленія.

Змѣевидныя страсти—пороки, извращенныя наклонности, невѣріе,—все это уничтожалось побѣдоносцемъ—настыремъ, который былъ неотразимо-величествененъ со своимъ щитомъ вѣры и благодатной помощи свыше.

Измученная, израненная пороками душа мало-по-малу начинала освобождаться отъ нихъ, излѣчиваться отъ мучительныхъ ранъ; проникнутая доселѣ гордостью и

напокомѣремъ, она начинала понимать небесную красоту смиренія и послушанія; человекъ, раньше работавшій грѣху, теперь становился усерднымъ рабомъ Христа. И все это дѣлалъ одинъ пастырь, все это онъ со своей благодатной мудростью и вдохновеніемъ. Господь невидимо пребывалъ съ нимъ и вразумлялъ его силой Своего всевидѣнія и всемогущества. Да, это были, поистинѣ, спасительныя исповѣди!

Безчисленное множество исповѣдниковъ и исповѣдницъ стремились къ батюшкѣ, желая попасться ему на глаза, хотя это было совсѣмъ лишнее.

Батюшка бралъ на исповѣдь по указанію Божию. «Я тѣхъ беру, кого мнѣ самъ Господь велитъ взять», вотъ что иногда говорилъ батюшка, наводя этими словами такой трепетъ на собравшихся, что невольно они начинали каяться и съ самымъ некрепкимъ сокрушеніемъ обращались къ Господу, прося Его не лишить ихъ сей небесной радости.

Не разъ приходилось видѣть, какъ кто-нибудь изъ переднихъ съ рыданіемъ умолялъ батюшку взять его на исповѣдь. Но батюшка, несмотря на свое состраданіе въ скорбящимъ и рыдающимъ, рѣзко отвергалъ ихъ просьбу: «Развѣ я могу это сдѣлать, если Господь не пошлетъ», вотъ что слышали неудачники при своихъ неумѣстныхъ приставаніяхъ.

И пастырь оставался непоколебимъ, несмотря ни на воки вопли и рыданія; онъ являлся строгимъ исполнителемъ воли Божіей, строгимъ карателемъ недостойныхъ грѣшниковъ.

А измученные грѣшники при такомъ горестномъ недо-

влетвореніи проникались чувствомъ раскаянія, чистосердечнаго обращенія ко Господу и горячими слезами изводили на себя милосердіе Божіе. Если въ этотъ разъ имъ не удавалось очиститься таинствомъ исповѣди, то всекорѣ же они получали благоволеніе Божіе, принимались батюшкой на исповѣдь охотно и ласково.

Надо было видѣть эти одушевленные лица, сіяющія небесной красотой послѣ таинства святого приобщенія; надо было слышать ихъ горячіе молитвенные возгласы, чтобы понять, какое великое таинство духовнаго обновленія совершалось въ этомъ храмѣ!..

Но духовнымъ дѣтямъ батюшки не нужно было изображать наслажденіе отъ достойнаго предвкушенія Божественной Пищи: они сами съ ненасытной жаждой стремились къ сему таинству, сами считали за величайшее счастье чаще приходить на исповѣдь и почаще приступить къ Превеликой Трапезѣ.

Они усердно готовились къ этому, умоляли Господа принять ихъ и подпустить къ Своему Пренебесному Жертвеннику по молитвамъ ихъ великаго духовнаго отца; они и его умоляли взять ихъ на исповѣдь, и если они недостойны, то походатайствовать передъ Господомъ, чтобы Онъ не послалъ имъ это величайшее счастье, котораго они постичь не могутъ, но которое воспринимаютъ всемъ своимъ глубоко-сокрушеннымъ, глубоко-кающимъ сердцемъ.

И пастырь, самъ изнемогая, самъ обременяясь ихъ грѣхами, умолялъ Господа за нихъ, чтобы Онъ, Человѣколюбецъ, не взирая на ихъ грѣхи и недостойнство, сдѣ-

чась, бы ихъ причастниками и причастницами жизни вечной.

«Въ вани грѣхи на себя приму», бывало говорить онъ своимъ глубоко сокрушеннымъ исповѣдникамъ и исповѣдницамъ и, накрывъ ихъ своею епитрахилью, убѣждаетъ ихъ паче снѣга.

Освобожденная отъ тягостныхъ оковъ грѣха, воскресшая духомъ вѣры и безконечной благодарной любви ко Господу, душа-христіанка ощущала, поистинѣ, небесное блаженство, ощущала сладостное присутствіе Бога и приступала къ Божественнымъ Дарамъ съ такой чистой, безграничной радостью помплованія отъ Господа, что невозможно было безъ умиленія смотрѣть на эти вѣрующія разгоряченныя лица, которыя были неподражимо-прекрасны, сіяя чувствомъ радости, счастья и умиротворенія.

Неистощимая тайна Божественныхъ Даровъ раскрывалась вѣрующимъ, любящимъ Господа въ особенности своимъ божественнымъ цѣленіемъ: всѣхъ опасно, безнадежно больныхъ, стоящихъ на краю могилы, батюшка причащалъ сей божественной благодатью: онъ давалъ поощрять несовершенному, духовно-неразвитому человѣческому разуму, что Пречистыя Тайны—это величайшее, надежнѣйшее врачевство души и тѣла, дальше его уже некуда идти, въ немъ полнота чудесности и благодати Человѣколюбца, источникъ святости и отрады, съ нимъ все возможно человеку, безъ него человекъ—ничто. И святое таинство приобщенія стало настолько дорогое и необходимо вѣрующимъ, что безъ него они не могли жить, дышать, чаще и чаще хотѣлось имъ соединиться съ Господомъ, въ

этомъ соединеніи они видѣли цѣль своей жизни, своихъ стремленій и желаній.

Вотъ какую великую задачу исполнилъ незабвенный пастырь! Дать блаженное счастье людямъ на землѣ, дать понять ихъ слабымъ омраченнымъ сердцамъ величіе и неизреченную сладость Божественныхъ Даровъ, которые даровалъ намъ Самъ Сладчайшій Спаситель Своими крестными страданіями,—о, это заслуга, достойная величайшаго дивнаго пастыря стада Христова!

Самоотверженность пастыря и его жертва для спасенія людей.

Незабвенный пастырь и молитвенникъ, усердно трудившійся надъ исправленіемъ грѣшниковъ, принимавшій на себя ихъ грѣхи, пламенно молившійся о нихъ предъ Богомъ, наконецъ, какъ бы самого себя принесъ въ жертву за любимую паству, лишился зрѣнія. Онъ уже не могъ служить въ храмѣ, обреченный на ужасную тьму и страданіе.

Глаза лучистые, зоркіе потухли и померкли, зрѣніе пропало, благодатное служеніе въ храмѣ окончилось, наступила тихая, скромная жизнь пастыря въ домашней обителіи.

Какими словами и выраженіями можно изобразить ужасъ и отчаяніе пастыря, кто опишетъ его страданіе, его неутѣшную скорбь, когда она увидала своего дорогого пастыря—праведника съ мутными глазами, съ трудомъ, оцунью выходящаго къ посятителямъ. Кто можетъ изо-

оградить ее душевное смятение, ее упрёки совести, когда она, понизив свою вину передъ пастыремъ, увидала его въ такомъ состояніи страдальчества и лишения.

Дивный страдалецъ-пастырь!

Возложивъ на свои рамена бремя беззаконій и неправдъ людскихъ, увѣнчанный какъ бы страдальческимъ вѣнцомъ, онъ былъ дивно прекрасенъ.

Какое было терпѣть это страданіе неустанному, вѣчно бодрому, вѣчно дѣятельному труженнику — страдальцу!

Лишиться зрѣнія, потерять самый дорогой, самый необходимый для человѣка органъ—это ни съ чѣмъ не сравненное, ничѣмъ не вознаградимое ужасное несчастье. Лишиться глазъ—это тяжелѣе, чѣмъ лишиться рукъ, ногъ или вообще другихъ членовъ или органовъ.

Самъ батюшка, желая показать своей паствѣ, сколь тяжело его страданіе, часто говорилъ съ великою скорбію: «лучше не было бы у меня рукъ, ногъ, но только бы осталось зрѣніе», какъ бы давая понять своимъ духовнымъ дѣтямъ, что они отняли у него, что они доставили ему своимъ перадѣніемъ и суетумудріемъ.

Развѣ онъ могъ перенести, что эти чистыя, непорочныя дѣвушки, въ блистаѣніи духовной красоты и цѣломудрія—послѣ его смерти войдутъ въ обыкновенную сферу слабости и распущенности; развѣ онъ могъ допустить, чтобы эти духовно-испытанныя вдовы, совсѣмъ уже уготовившія себя на блаженную чистоту непорочности, опять вступать въ союзъ брачности и общенія; развѣ онъ могъ допустить, чтобы эти юницы, духовно-выдержанные и благодатно настроенные, посвятившіе себя на духовныя подвиги поста и молитвы, опять отклоняются къ грѣху и

невоздержанію; развѣ онъ могъ перенести, чтобы эти вдовы, вегушвилине на должную стезю благонравія и порядочности, опять уйдутъ въ тунцобы пьянства и разврата; развѣ онъ могъ допустить, чтобы эти почти праведныя старцы и старницы, совсѣмъ уже устремившіеся на духовное дѣланіе и помыслившіе о небесномъ блаженствѣ, вдругъ уже на краю гроба пойдутъ по пути мірскихъ утѣхъ.

Да, все это могло случиться послѣ его смерти, которую онъ, конечно, за шесть лѣтъ провидѣлъ, когда Господь возложилъ на него тяжелый крестъ, схиуму-слѣпоту.

Нужно было отрезвить грѣшную паству,—дать ей грозное предостереженіе.

Вотъ каковъ былъ пастырь-подвижникъ, тихо, незамѣтно прожившій въ маленькомъ домикѣ, сокрытый отъ любопытныхъ, недостойныхъ глазъ пустаго, извращеннаго міра.

Тихо, незамѣтно проведена была имъ преславная жизнь, каждой минутой направленная на благо и устроеніе своихъ ближнихъ. Да, она прошла тихо, какъ бы, незамѣтно, но сколько было вытерплено тяжкаго страданія, физической безпомощности, изнемоганія, особенно за послѣдніе шесть лѣтъ.

«Такой шумъ въ головѣ—точно паровикъ тамъ шипитъ», бывало жалуется дорогой паствѣ, давая понять своимъ духовнымъ дѣтямъ, сколько непосильнаго, тяжкаго мученія доставили они ему своими грѣховными дѣйствіями.

Его паства, его любимое дѣтище, на которое положено

было столько трудовъ, молитвъ и подвиговъ, на которое пролило столько чудесъ, эта паства слетала ему въ объятья страданія; своею нерадивостью, безпечностью, перинствомъ она подносила ему чашу мученія, дала пастырю нестилѣтнее тяжкое бремя испытанія, самаго тяжелаго, мучительнаго, перенести которое только и можно величественное, поразительное терпѣніе праведника.

Что окаменѣлое сердце могло бы устоять при видѣ вѣнчаннаго страдальца, лишеннаго даже возможности продолжать свои прежнія многосложныя занятія?

Благоговѣнное служеніе въ храмѣ, глубоко утѣшавшее праведника, приношеніе безкровной жертвы Тѣла и Крови Христовыхъ,—все это сдѣлалось недоступнымъ, невозможнымъ для самоотверженнаго подвижника.

Высокій талантъ письменнаго труда не могъ найти себѣ удовлетворенія за невозможностью передать его на бумагу и тѣмъ сдѣлать его общимъ желательнымъ достояніемъ духовной людской жажды,—онъ долженъ былъ замереть; непромоетрѣныя, непровѣренныя рукописи дивныхъ его сочиненій уныло лежали и какъ бы жаждали на свою ослепѣлость, на свою заброшенность.

Безчисленныя письма, мольбы и скорби лишались личнаго доступа и приѣма, должны были довольствоваться краткимъ отвѣтомъ чрезъ посредниковъ...

Все померкло, пошгло, приуныло, ослепѣло. Бѣдновѣсія сиротки-книжки, которыя цѣлыми шкафами вознахаживались въ комнатахъ, уныло призывая къ себѣ, лежали одиночными и все ждали, когда-то хозяинъ съядетъ, наконецъ, надъ ними и опять будетъ читать ихъ.

И вотъ пастырь, какъ бы сострадая ихъ горю, начинаетъ оцупывать ихъ и ласкать, какъ бы утѣшая ихъ, что онъ помнитъ и любитъ ихъ, но что не можетъ теперь заняться книгами. «Это все друзья мои»,—слышались ласковыя, прѣжныя слова, и бѣдныя сиротинки, какъ бы понимая и высоко цѣняя такую ласку, успокаиваются и утѣшаются.

А пастырь, дорогой, безцѣнный пастырь, оцупую по стѣпкѣ проходитъ черезъ комнату. Вполнѣ знакомый съ расположеніемъ комнатъ и съ обстановкой въ нихъ, онъ можетъ еще соразмѣрять мѣста предметовъ, можетъ даже самъ переходить изъ одной комнаты въ другую, тихо, нетвердо, тяготясь монотонностью наступившаго тяжелаго состоянія мрака.

Лишиться божественныхъ службъ, лишиться предстоянія предъ престоломъ Божиимъ, довольствоваться тихой, однообразной домашней жизнью при высокихъ дарованіяхъ общественнаго служенія,—это могло вынести только ангельское терпѣніе великаго праведника.

Вотъ какую тяжелую «схиму» понесъ въ концѣ своей жизни дивный пастырь!..

Пастырское попеченіе батюшки о ближнихъ за послѣдніе шесть лѣтъ его жизни.

Вотъ какой славный подвигъ совершила ее родимый батюшка для своей паствы, всепрощающе продолжая любить ее и заботиться о ней, несмотря на свое тяжкое страданіе.

Обративъся тяжелою горю—лишению благодатнаго свѣта съ нимъ въ храмъ, онъ широко раскрылъ двери храма домова, какъ бы приглашая свою паству посѣщать храмъ по міра: надобности и духовнаго стремленія.

И многочисленныя толпы скорбящихъ, угнетенныхъ, разбитыхъ, неудержимо устремились къ благодатному свѣту, сильно смущая этимъ старую няню, не успѣвавшую доислѣдовать, не успѣвавшую удовлетворять всѣхъ, желающихъ повидать досточтимаго настыря или хотя бы услышать заочно его милостивое слово и мудрое указаніе. Няня плохо понимала, что свѣточъ, зажженный Самимъ Богомъ, не долженъ былъ оставаться подъ снудомъ.

Много высокоумныхъ, назидательныхъ рацей приходило послушивать скромнымъ, пезначительнымъ поведениемъ отъ этой вѣрной охранительницы батюшкыны покое; много строгихъ укоровъ и упрековъ за неосторожное злоупотребленіе добротой настыря приходило получить приходящимъ отъ этой вѣрной рабы, возмущавшейся такими пезчисленными требованіями отъ старца совѣтовъ и указаній,—но ничего не помогало.

Настыря, по-дѣтски привыкшая обращаться во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ къ своему руководителю, шла къ домику, слезно моля Господа допустить къ настыря, дать возможность получить его благословеніе и мудрое указаніе на запросы и недоумѣнія. И старый, измуренный, согбенный праведникъ, весь физически и нравственно измученный людскими неправдами,—рабами шагами выходилъ къ народу, сразу обливая разбитыхъ лучами своего благодатнаго свѣта.

Уши померкли, не видѣли вѣнныя очи, но внутреннее

духовное прозорливое око, какъ и прежде, сіяло во всей силѣ, мощи и величіи, приводя въ благоговѣйное изумленіе посѣтителей.

Свѣтлый, лучезарный видъ настыря, благоуханіе его святости,—все это было столь трогательно, величественно, необыкновенно, что никакими словами и выраженіями невозможно описать всего, что чувствовалось при вступленіи въ эти свѣтленькія, простенькія комнаты.

Это было неземное наслажденіе; кажется, такъ бы безъ конца все стоялъ и стоялъ въ этой обители чудеса и прозорливости старца, который еще заранѣе, по особенному откровенію свыше, провидѣлъ: кто съ какими нуждами и недоумѣніями придетъ къ нему и о чемъ будетъ просить и бесѣдовать.

И вотъ праведника выводять: онъ въ залѣ, подходятъ посѣтители, ихъ называютъ по имени или фамиліи.

Старецъ мудро и прозорливо, иногда иносказательно, иногда грозно карающе, иногда ласково-любяще принималъ своихъ гостей и каждому съ силою давалъ понять, что онъ долженъ дорожить его словами и наставленіями и точно выполнять его указанія, совѣты или требованія.

11 и 12 часовъ были часы общаго приема: тутъ бѣдные, богатые, низшіе, высшіе, малые, изроелые,—все могли стучаться къ настырю и взывать къ его милосердію.

Никому не отдавалось особаго предпочтенія,—здѣсь самый послѣдній низціи ставился въ ряды представительныхъ посѣтителей, встрѣчая ласку, привѣтъ и участіе дорогаго настыря.

Здѣсь самый недостойный, глубоко падшій грѣшникъ

исходила для батюшки дороже всѣхъ сокровищъ. Онъ принималъ его своими праведными руками, съ любовью принималъ его къ своей отеческой груди и великими усильями, великими мольбами ко Господу приобрѣталъ въ брата Христова заблудшую овцу.

Но испунался сей дивный пастырь ласкать и цѣловать брата иному погибающаго человѣка, не гнушался его грѣхонной непривлекательности, а начиналъ медленно и благодушно очищать и возраждать.

Цѣлующае святости настолько было велико и цѣлочно, что гнойность порока быстро начинала спадать съ грѣшника и освобождать внутреннюю сердцевину души.

Страсти, пожигаемая благодатнымъ огнемъ, исчезали, являлись мѣсто добродѣтелямъ.*

Ибра лучезарная, прекрасная вѣра, посаждалась, какъ бѣлое необходимое, драгоценное сокровище, а за нею поодержимо стремились въ душу и другія христіанскія добродѣтели.

Ночь доброта, кротость, терпѣніе и смиреніе, какъ ищущія дорогія гости, охотно вступаютъ въ просвѣщенное сердце; вотъ жалость, состраданіе, отзывчивость, какъ родныя дружныя сестры, тоже просятъ приюта и гостеприимства, а тамъ горячая любовь ко Господу и къ ближнему, какъ ореоломъ вѣнчаетъ главу, такъ чудесно и благодушно воздвигнутую изъ пропасти грѣха и паденія...

Но какихъ слезъ, какихъ горячихъ моленій стоили батюшкѣ многія непорочныя созданія, какихъ неустанныхъ молитвъ требовали они при своемъ начинающемся духовномъ возрожденіи!

Прежняя заманчивая, грѣховная жизнь тянула назадъ, призывая къ прежнимъ свѣтскимъ утѣхамъ и отвлекая душу отъ вѣры и молитвы.

Надо было помыслы этихъ слабыхъ людей собрать воедино, направить къ горнему, небесному, надо было приучить ихъ къ молитвѣ и воздержанію, надо было смирить ихъ гордость, кичливость, самолюбіе,—эти пороки съ величайшимъ трудомъ вырывались изъ потаеннаго хранилища сердца; бурливья, извращенныя натуры становились тихими, смиренными личностями, озаренными свѣтомъ вѣры и Христовой истины.

Но и теперь много еще предстояло дѣла дивному пастырю.

Духовная гордость, этотъ бичъ подвижниковъ, очень часто губитъ людей, направившихся на духовное дѣланіе.

Съ этимъ ужаснымъ зломъ особенно долго приходилось бороться славному пастырю. Иногда оно не уступало никакимъ совѣтамъ, просьбамъ и наставленіямъ. Требовалось иное цѣленіе, требовалось уничтоженіе собственнаго «я» въ человѣкѣ, требовалась особенная благодатная опека, которая могла бы постепенно преломить волю человѣка и привести его къ смиренному сознанію своего безсилія.

Какъ же выполнялъ славный пастырь такую мудрую работу? Онъ при всѣхъ карахъ, обличахъ самоуправство, гордость и киченіе; онъ громилъ обличеніями человѣка, выставляя на видъ его темныя качества, его самоволіе, самочиніе и т. под.

Вотъ, напр., подходитъ къ батюшкѣ молодой членъ

семья, который, будучи направлень имъ на духовные подвиги, въ своемъ ослѣвленіи слишкомъ много возмнилъ о себѣ и не сталъ подчиняться родительской власти.

Развѣ могъ настырь, видя такое извращеніе духа, допустить раздоръ въ знакомой ему семьѣ? Развѣ онъ могъ допустить, чтобы юное гордое существо стало бы превозноситься надъ любящими его родителями, положившими на воспитаніе сына все свои силы и здоровье? И вотъ настырь при всехъ строго обличаетъ гордеца, уверяетъ, грозитъ гнѣвомъ Божиимъ, однимъ словомъ, тѣмъ умиряетъ гордость юной души, что она бросаетъ прежнюю кичливость и проникается смиреннымъ сознаниемъ своего недостойнства.

Глазъ обличительной и любящей мудрости увеличился всегда желаемымъ успѣхомъ; гордость уступала мѣсто смирению, привлекавшему благодать, по слову Писанія: «гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же дастъ благодать» (Іак. 4, 6).

Богъ этого-то такъ старательно и добивался славный настырь, этого-то и просилъ сей преславный священнослужитель у Царя Славы для своихъ малыхъ еще, слабыхъ, неокрѣвшихъ дѣтокъ, вотъ это-то истинное христіанское смиреніе, которое ему удавалось насадить въ людяхъ долговременными заботами и трудами, несказанно радовало и утѣшало его.

Врагъ болѣе всего ненавидитъ смиреніе и посрамленный бѣжитъ отъ него, онъ не можетъ уязвить кроткую, смиренную душу, такъ какъ она при всехъ своихъ слабостяхъ и ошибкахъ всегда устремляется ко Господу Владыкѣ, Который самъ быть величайшимъ образомъ

кротости и смиренія: «Яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ» (Матт. 11, 29).

Изъ такихъ-то сердець, какъ изъ мягкаго воска, батюшка лѣпилъ «сосуды Божіи» по указанію свыше: однихъ предназначалъ къ непорочной дѣятельности, другихъ къ доброй семейной жизни, третьихъ готовилъ къ общественной дѣятельности.

Все это тихо, скромно, незамѣтно совершалось въ смиренномъ домикѣ настыря, очинцавнаго и возраждавнаго цѣлыя тысячи погибавшихъ несчастныхъ людей.

А совершаемыя по его молитвамъ безчисленныя исцѣленія, какъ яркія звѣзды, освѣщали жизненный путь скорбящимъ и обездоленнымъ людямъ.

Это были такія дивныя исцѣленія, что невольно приходилось изумляться силѣ благодати Божіей. Скелеть, полумертвецъ вдругъ поднимался со смертнаго ложа и, глубоко потрясенный, просвѣтленный, являлся опять въ свѣтъ, прославляя милость Божию.

Грозная чахотка, совершавъ уже приведшая свою жертву къ вратамъ загробнаго міра, вдругъ пресѣкалась на ступени уже снального развитія, приводя въ изумленіе медиковъ.

Неизлѣчимый ракъ вдругъ покорно приостанавливался и исчезалъ при одномъ только сообщеніи о немъ праведнику.

Всевозможныя опасныя тифозныя страданія—и они не могли долго удержаться въ человѣкѣ при великихъ, благодатныхъ молитвахъ настыря.

Множество чудесъ совершало дивный настырь и въ области житейскихъ невзгодъ. Къ нему шли обо всемъ

бесчисленные личные или письменные просьбы. И опытное искусство выслушивать, благословлять, утишать скорби, страдания, вопли, рыдания.

Тамъ безконечныя ссоры, распри, неурядицы поднимались широкой волной и ложились тяжелымъ гнетомъ на сердца людей.

Отцы, матери, дѣти, падчерицы, пасынки, зятья, невестки,—все возставало и шло другъ противъ друга: надо было ихъ всѣхъ уставить по мѣстамъ, дать имъ должный «режимъ» и направление.

Случалось, какія нибудь недостойныя мелочи, суетни вступали и приводили въ великое смятеніе цѣлыя семьи; тамъ напрасныя доносы и жалобы доставляли душевное страданіе несчастнымъ людямъ; здѣсь обманъ и коварство приводили къ гибели неопытныхъ людей,—все это снѣгшило для неотложнаго врачевства въ смиренней домикъ пастыря съ надеждой получить тамъ миръ душевный, счастье и отраду измученному сердцу.

А больной страдалецъ—пастырь все больше и больше обременялся трудами надъ моремъ человѣческихъ скорбей и страданій.

«Не плачь, дѣточка»,—кротко-любяще, бывало, успокаиваетъ онъ несчастную, правдиво-измученную личность: «я грѣхи твои на себя возьму», и любвеобильнымъ благодатнымъ врачевствомъ снимаетъ ее многолѣтнее грѣховное бремя.

Такова была дѣятельность великаго пастыря, очерченная только слегка и поверхностно; какова же была глубина и дивная красота его тайнаго внутренняго богатства, открытаго отъ вѣдущихъ наблюдений.

Внѣшнее злобное недоброжелательство, какъ неизбѣжный удѣлъ праведниковъ.

Тайное, благодатное дѣйствіе мудрости и прозорливости, великій даръ врачевства и исцѣленія, сила обновляющей и просвѣтляющей любви,—все это, исходя изъ чуднаго источника пастырской благодати, озаряя тысячи людей, прикрывалось великимъ смиреніемъ пастыря, избѣгавшаго суетной славы людской. Врачуя и благодатно исцѣляя, онъ желалъ оставаться вѣдъ всякой огласки и восхваленія.

Даже больше того: своими особыми, подчасъ непонятными для другихъ, дѣйствіями, онъ иногда возбуждалъ нѣкоторое непониманіе и превратныя толки о его пастырской дѣятельности.

Видя, что батюшку особенно осаждаютъ и тревожатъ женщины, злобая клевета осмѣливалась это ставить въ вину праведнику и высказывать гнусныя подозрѣнія...

Безбожная гнилая молва, столь презрѣнная и недостойная, видимо доходила и до самого праведника-пастыря: онъ иногда говорилъ нѣкоторымъ своимъ близкимъ людямъ: «а про меня то что говорятъ», глубоко скорбя о такомъ ослѣвленіи и ожесточеніи людскомъ.

Да! Недостойная молва духовно-ослѣвленныхъ людей по своему объясняла любовь пастырскаго сердца къ женщинамъ, въ силу своего «женскаго», второстепеннаго положенія часто приниженой, забытой, изнемогающей...

Женщины!.. Вот что смущало пошлую извращенность афретихъ болтуновъ!

Пастырь и женщины... это казалось несомвѣтнымъ съ понятіемъ о святости и праведности! Это казалось погрѣшительнымъ, недолжнымъ, нежелательнымъ.

А между тѣмъ не могли понять всё эти злые пустословы, что дивный пастырь былъ настолько отрѣшенъ отъ всего земного и чувственного, что могъ сказать о всѣхъ словами прп. Серафима Саровскаго, изрекашаго по поводу упрековъ на частое обращеніе съ женщинами: «И тѣломъ ко всему мертвъ»!..

Клеветать на чистоту и святость праведника-батюшки — это значитъ оскорбить Духа Святого, Который уже некогда ошестилъ и освятилъ духовную храмину Божіюго служителя, пятьдесятъ лѣтъ проработавшаго на Божіей нивѣ, имѣвшаго дѣло со всевозможными индивидуумами и привыкшаго смотрѣть на нихъ, лишь какъ на созданія Божіи, не различая ни пола, ни возраста.

Могъ ли его умъ, наполненной созерцаемъ божественныхъ красотъ, увлечься какими-нибудь земными, суетными помыслами?!

Могъ ли онъ, полный райскихъ неизреченныхъ видѣній, угвѣнаться какими-нибудь земными пустыми внешними?!

Нѣтъ! Праведникъ, во всемъ величій своей чистоты и лучезарности, задавши благою цѣлью спасать и озарять женщинъ и дѣвицъ, этихъ особенно слабыхъ и помощныхъ созданій, понималъ, что только высшая непримосновенная твердыня духовной чистоты можетъ создавать изъ нихъ христіанскія цѣломудренныя натуры,

способныя съ своей стороны, подобно свѣтлому маяку нравственно воздѣйствовать на окружающихъ.

При всей своей одухотворенности, пастырь особен старался лаской и любовью располагать къ себѣ же щинъ, чтобы онъ, отдавши ему свою душу, проникли бы горячимъ стремленіемъ къ религіозной жизни и стремилсь бы на путь обманчивыхъ мірскихъ утѣ и соблазновъ.

Вотъ почему многія дѣвушки, даже готовившія вступитъ въ бракъ и въ семейныя радости, найдя въ батюшкѣ высокое осуществленіе духовнаго идеала, ст повились какъ бы монашенками, посвящали себя Н бесному Женуху и благодарили Бога за такого великаго дарованнаго имъ пастыря-учителя, ревностно устремлясь на путь духовныхъ подвиговъ подъ благодатныя бразды батюшки-игумена.

Вотъ почему вдовы, увлеченныя кратковременнымъ только что пережитыми семейными радостями, уже пр готовившія себя къ дальнѣйшему подобному существованію, озаряясь батюшкиной благодатью, вдругъ кру переламывали свои сужденія, мысли, склонности, о брасывая свои прежніе суетные помыслы и намѣреніи

Вотъ почему и семейныя женщины, неустойчивыя своимъ легкомысліемъ возбуждавшія прежде сцены семейныхъ раздоровъ—при спасительной помощи батюшки становились достойными Саррами и Ревекками, воспитывающимися въ духовномъ направленіи свою дѣтворю-будущее поколѣніе православнаго русскаго народа.

Вотъ почему и старицы, вѣчныя ворчуньи, рончунци на неудовлетворенность прожитой неправильной жизни

идругъ умигчались, утихали подѣ дѣйствіемъ неземной ласки и любви настыря, въ вѣрѣ и покаяніи доканчивая свою тихую жизнь.

Вотъ чѣмъ становились женщины при этомъ благодатномъ настырѣ; вотъ чего достигали онѣ подѣ его благодатной опекой и руководствомъ.

Какъ смѣть послѣ того хотя малымъ звукомъ неопеченія оскорблять великую настырскую дѣятельность!

Какъ не преклоняться, не умиляться передъ такимъ настыремъ, который обыкновенныхъ свѣтски-настроенныхъ дѣвушекъ переучиваль, перестраиваль, приготавлиль быть невѣстами Небесному Жениху и тѣмъ ходатайствоваль имъ отъ Господа неизреченной блаженство въ вѣчности!..

Многія изъ нихъ уже сподобились въ чистотѣ и дѣвственности предстать къ Господу и малымъ своимъ дѣланіемъ на землѣ стяжать вѣчныя блага на небѣ.

Все это дѣлаль дорогой, неоцѣненный батюшка, который, при своихъ великихъ, неустанныхъ трудахъ, при своей поражающей любви къ ближнимъ, часто долженъ былъ съ прискорбіемъ наталкиваться на презрѣнную неблагодарность, гнусную клевету и злоязычіе.

Духовная тактика батюшки при борьбѣ со зломъ.

Были семьи, гдѣ всѣ члены глубоко чтили и любили батюшку, но были и такія, гдѣ происходила тяжелая борьба добра со зломъ.

Одни изъ членовъ, придя къ батюшкѣ, сразу озарялись его енадежной благодатью; другіе, въ противо-

вѣсь имъ, начинали всячески негодовать на такой духовный переворотъ. Происходила тижкая, продолжительная борьба.

Подстрекаемые тайными вражьиими ухищреніями, «тѣвые» возмутившіеся члены жестоко преслѣдовали, мучили, давили «правыхъ»; часто дѣло не ограничивалось семейной домашней сумятицей, а несло, летѣло къ настырю, причиняло ему немалое безпокойство.

Смиренный, ангелоподобный служитель Христовъ бывало только поникнетъ своей старческой главой и, глубоко вздохнувъ о духовной слѣпотѣ людей, начнетъ свою настырскую «полемику».

Вотъ, напр., приходитъ къ нему возмущенная пожилая барыня-мать. Первая, раздраженная, она сбивчиво, путанно начинаетъ передавать свои законныя требованія, основанныя на материнской власти.

Какъ не огорчаться ей и не требовать повиновенія отъ ея воспитанной и взлелѣянной дочери, на которую она потратила свои силы и здоровье.

И вдругъ это единственное любимое ея дѣтище, единственная отрада и поддержка въ старости, снята у ней, взята, оторвана. Штъ! она не можетъ этого допустить! она должна ее вернуть къ себѣ.

Какой ужасъ! Ея дочь сдѣлалась ханжой, бѣгаетъ постоянно въ храмъ и оставляетъ мать одну. Такъ не должно продолжаться, и вотъ, собравъ весь запасъ своего возмущеннаго родительскаго героизма, мать направляется прямо къ батюшкѣ; можно посудить, какими словами и выраженіями «сыплетъ» она, выходя даже изъ границъ деликатности.

Но батюшка не обижается такому вториченію. Нѣтъ! своей ангельской сострадательной душой понимаетъ страданія любящей матери, онъ видитъ ея измученное материнское чувство и внимательно охраняетъ ея права.

Батюшка насколько возможно, начинаетъ озарять благодатью и ея душу, направляя къ спасительной желанной пристани; отечески-ласково онъ показываетъ матери, что напрасна и неосновательна ея боязнь о такихъ поступкахъ ея дочери, но благодати Божіей направленной на необходимый путь спасенія, и, мало-по-малу, прививши сперва дочь, старецъ радостно потомъ присоединяетъ и мать въ одно общее духовное стадо.

Все это совершается не всегда быстро, а часто съ нѣкоторыми непріятностями, столкновеніями, недоразумѣніями, укоризнами.

Выпали и такіе случаи, что негодующіе родные сочувствіемъ не воспринимали благодати батюшкинаго просвѣщенія.—возникла довольно печальная кутерьма семейнаго неурядства, семейной разладности.

Несчастныя дочери подобныхъ «самодовольствующихъ» родителей становились какъ бы горькими «уродцами» семьи, на которыхъ постоянно обрушивалась неудовлетворенная материнская воля.

Но батюшка, какъ пастырь Христовъ, не давалъ много воли дочерямъ, строго подчиняя дочекъ законному родительскому «режиму».

Онъ, какъ священникъ, властно требовалъ исполненія волею зановѣды и нарушительницъ наказывалъ тяжкой, продолжительной эпитиміей.

Не разделяя чувства подобнаго материинскаго...

щенія, онъ иногда гналъ изъ своего храма и дочерей, если видѣлъ, что матери сильно скорбятъ по поводу долгаго отсутствія своихъ дочерей изъ дома.

Онъ дѣлалъ это для общаго блага, чтобы не усиливать вражды, не усугублять искушенія, и въ то же время горячо, горячо молился и глубоко скорбѣлъ о такомъ печальномъ семейномъ неурядствѣ, умоляя Господа смилостивиться и загасить огонь кровнаго возстанія и противоборства.

И Всемлостивый Спасъ умиралъ сердца враждующихъ, благодатно водворяя миръ и порядокъ: матери успокоивались, а дочери, будучи опять «отпущены» къ батюшкѣ, продолжали обильно наслаждаться благами пастырской мудрости и воспитанія.

Если же пастырь видѣлъ, что не будетъ страдать и оскорбляться родительское чувство, то самъ старался отдалить своихъ духовныхъ дѣтей отъ родныхъ, чуждыхъ духовнаго воспитанія и религіознаго устроенія. Онъ ревностно стремился выдрить въ свою паству евангельскую истину, изреченную Пречистыми устами Самого Спасителя: «кто возлюбитъ отца или мать наче Мене, нѣсть Мене достоинъ».

Вотъ къ какому великому отреченію велъ благодетельный пастырь. Онъ добивался отъ своихъ духовныхъ дѣтей полнѣйшаго отреченія отъ земныхъ привязанностей, устремляя ихъ умъ, сердце и волю къ вышней, отрѣшенной отъ земнаго, жизни.

Онъ добивался, чтобы ни родственная любовь, ни земныя стремленія къ славѣ, почестямъ, богатству не вторгались бы въ ихъ сердца и не нарушали бы гармо-

они вложенныхъ въ нихъ высокихъ звуковъ вѣры и молитвы.

Безконечная любовь и стремленіе къ Господу, Царю Славы, единственно должны были восполнять ихъ духовные и нравственные идеалы.

Двоядушная натура служенія Богу и маммонѣ строго преслѣдовалась и каралась пастыремъ, который иногда прямо, иногда инсказательно давалъ понять своимъ духовнымъ дѣтямъ, чтобы они порывали всякія родственныя связи, если послѣднія мѣшали ихъ правильному шествованію по пути добра и вѣры.

Ревнуя о спасеніи пасомыхъ, батюшка понималъ, что только тогда оно можетъ осуществиться, если жизнь этихъ пасомыхъ будетъ отдалена отъ вреднаго вліянія окружающей испорченной среды.

Вотъ почему онъ старался своихъ духовныхъ дѣтей окружать подобающей спасительной атмосферой духовнаго склада; безродныхъ, одинокихъ личностей, не имѣющихъ крова и питанія, онъ устраивалъ въ среднюю духовную среду своихъ уже воспитанныхъ духовныхъ чадъ. Благодать, данная имъ въ церкви, должна была охраняться и въ соответствующей домашней обстановкѣ.

Что же бы было, если бы каждый день ему приходилось цѣлить и исправлять все тѣхъ же личностей, которыя, окунувшись въ омутъ домашней суетности, мало могли бы сохранить отъ прибрѣтеннаго духовнаго богатства. Каждый день къ нему являлись за благодатнымъ спасительнымъ врачевствомъ все новыя и новыя лица; для нихъ ему надо было отдѣлять свои силы и вниманіе, такъ какъ предстояла трудная печальная школа и вы-

правка, съ ними надо было отдѣльно возиться, имъ надо было посвящать свой умъ и время, а не цѣлить и наставлять все прежнихъ членовъ и личностей.

Какъ всякому хорошему учителю, при педагогической выправкѣ учениковъ, много мѣшаетъ домашняя среда грубыхъ, невоспитанныхъ родныхъ, то тѣмъ болѣе благодатнаго пастыря сильно безноконно неподобающее вредное домашнее общество его духовныхъ учениковъ и ученицъ.

Такъ, напримѣръ, когда одна дѣвушка просила у него благословенія поѣхать въ деревню, онъ сказалъ ей: «зачѣмъ тебѣ ѣхать: я—твой отецъ, братъ и сестра», давая ей понять, что разъ она избрала духовный путь, разъ имѣетъ въ сердцѣ пламенную любовь ко Господу, то не должна раздваиваться и развлекаться родственными чувствами, такъ какъ они мѣшаютъ всецѣлому преусиленію въ дѣлѣ духовнаго восхожденія пламенно вѣрующей души къ Своему немерцающему Свѣту.—Азъ есмь Свѣтъ міру.

Батюшка какъ-то сказалъ: «хоть бы мнѣ одного человѣка изъ семьи вырвать», показывая тѣмъ, что если и одного человѣка въ семьѣ онъ надѣлитъ блаженствомъ вѣры и любви ко Господу, то тѣмъ онъ спасетъ и укрѣпитъ всю семью, потому что, во-первыхъ, пастырь самъ будетъ молитвенно ходатайствовать за всѣхъ членовъ ея, а, во-вторыхъ, дастъ возможность этому духовно обновленному члену, въ свою очередь, обращаться ко Господу и вопить къ Нему о спасеніи пренныхъ своихъ и близкихъ сердцу людей.

Если люди и не просвѣщенные Божіей благодатью,

но сродной каждому человѣку любви къ родителямъ и друзьямъ,—горять къ нимъ самой искренней полной признательностью, то весьма понятно, какъ велико бываетъ это чувство высшей благодарности и любви къ своимъ роднымъ у тѣхъ, кто озарился благодатной любовью Божіей, не имѣющей стѣнъ, границъ и преградъ.

Духовно просвѣщенный человѣкъ, понявшій всю неограниченную благодать Жизнодавца къ грѣшникамъ, изъ полноты своего горячаго чувства возсылаетъ къ Нему самое усердное моленіе о спасеніи и просвѣтленіи дорогихъ его сердцу людей.

Онъ уже не стремится къ соединенію съ ними въ сей жизни, понимая, что родственныя сношенія могутъ помѣшать его служенію Господу, но онъ умоляетъ за нихъ Человѣколюбца слезами горячихъ молитвъ, прошеній, рыданій, чтобы Онъ, Всеблагій, Всемилостивый Спасъ не прогнѣвался на нихъ за ихъ нерадѣніе, но освѣтилъ бы и просвѣтилъ ихъ свѣтомъ Своего милосердія.

Горячая безпредѣльная любовь отворяетъ врата благодати Божіей, которая спускается къ искренно пламенно вѣрующимъ сердцамъ и успокаиваетъ ихъ благодатнымъ словомъ:—«по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ».

Да, велика и сильна была любовь къ людямъ пастыря!

Какъ это могъ онъ только со всѣмъ справиться, во всемъ разобраться!

Многотысячная паства приносила, присылала къ пастырю свои скорби, боли и печали, а онъ благодатно все врачевалъ, расцутывалъ, улаживалъ, умиротворялъ, наказывалъ и все держалъ подъ своимъ властнымъ контролемъ.

Надо было бесконечно удивляться и благодарить за такое самопожертвованіе пастыря, а не суемудрствовать и пустословить.

И дорогой, любвеобильный батюшка не гнѣвался, не раздражался на своихъ недруговъ, онъ прощалъ имъ, молился за нихъ. Слышно было, какъ онъ со слезами молился за всѣхъ обидящихъ и ненавидящихъ братій своихъ, умолая Господа озарить ихъ свѣтомъ истины; и паству свою онъ приучалъ смренію и незлобію, строго наказывая за озлобленіе и злопамятность.

Да, много ужаснаго, тяжкаго, несправедливаго приходилось переносить праведнику въ періодъ своего служенія въ Соборѣ; врагъ скрежеталъ при такой лучезарной дѣятельности пастыря, разными доносами и клеветами онъ беспокоилъ постоянно его, такъ что толковали даже объ удаленіи батюшки изъ Собора.

Но Премудрый, Всевидящій Господь дивно охранилъ Своего избранника: Соборъ векорѣ сдѣлался придворнымъ, и, такимъ образомъ, батюшка освободился *) отъ пустыхъ канцелярскихъ придирокъ.

Мало того, Господь утѣшилъ и возвелъ Своего вѣрнаго служителя и, какъ главу Собора, удостоилъ его присутствовать при высшихъ церковныхъ торжествахъ и церемоніяхъ.

Такъ, 20 октября 1894 года, скончался Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ III.

Царственные останки его направлялись съ юга Россіи въ сѣверную столицу. И, вотъ, во время этого тор-

*) Его Господь избавилъ чрезъ сіе—„отъ сѣти ловчи и отъ словеси мятежна“.

жественнаго церемональнаго чинствія тѣла Монарха, Первопрестольная Москва удостоилась принять его въ свой градъ.

Гробъ съ царственными останками былъ поставленъ въ Архангельскій соборъ, несмѣтная толпа стекалась отовсюду, чтобы поклониться тѣлу дорогаго Царя-Миролюбца.

Батюшка встрѣчалъ державное тѣло Монарха, присутствовалъ при немъ и потомъ съ высшими духовными властями проводилъ его на дальнѣйшій путь.

Послѣ венчания на престолъ Государя Императора Николая II, Москва въ маѣ 1896 года съ великимъ ликованиемъ праздновала Коронаваніе Его и Августѣйшей Его Супруги Государыни Императрицы Александры Осодоровны.

Батюшка встрѣчалъ въ Соборѣ Коронованную Августѣйшую Чету и съ глубокимъ, вѣрноподданническимъ чувствомъ любви и преданности сопровождалъ Государя Императора и Государыню Императрицу при Ихъ поклоненіи святынямъ Собора.

Батюшка участвовалъ также въ Крестномъ ходу, шедшемъ на освященіе памятника, воздвигнутаго въ Кремлѣ въ честь Государя Императора Александра II.

Кончина батюшки и дивное небесное знаменіе, какъ ореоль его пастырскаго служенія.

Врачуя, исцѣляя и наставляя, медленно догоралъ великій свѣточъ, великій праведникъ, который пятьдесятъ лѣтъ на своемъ пастырскомъ посту совершилъ безчис-

ленное множество подвиговъ и чудесъ. Все слабѣе и слабѣе становился онъ, все сильнѣе и сильнѣе возносился онъ мыслями и чувствами къ небесамъ, за всехъ скорбя, всехъ жалѣя, всехъ утѣшая.

Съ великими рыданіями приходили прощаться къ нему его духовныя дѣти, чувствуя, что недолго имъ наслаждаться благодетнымъ присутствіемъ среди нихъ ихъ неопѣннаго хранителя-батюшки, что скоро его бессмертный духъ улетитъ отъ нихъ восиѣвать и славословить Сладчайшаго Спасителя.

Насталъ и тотъ ужасный роковой день, когда праведникъ опочилъ спомъ смерти и упокоенія, успокоился отъ своихъ тяжкихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій.

Что случилось съ несчастной, осиротѣвшей его паствой!

Тутъ только вияла она, кого она потеряла; тутъ только постигла она глубочайшее ангельское понеченіе о ней батюшки, неутѣшно зарывавъ самыми искренними, горькими воплями.

Не стало незабвеннаго общаго отца и благодѣтеля, не стало дорогаго утѣшителя; тучи самой безутѣшной скорби окружили гробъ пастыря.

Знатность, богатство, убожество, бѣдность, дряхлость, молодость—все объединилось и сгѣшило онить къ дорогому домику, чтобы въ послѣдній разъ войти въ него и поклониться драгоценнымъ останкамъ незабвеннаго пастыря.

Истинно—это была картина слезъ и страданія: столько безысходной самой тяжелой скорби, столько сильнѣйшихъ рыданій, безмѣрнаго неутѣннаго горя!

Вотъ покоится тѣло дорогаго пастыря въ гробу, вотъ

его лицо, прикрытое воздухомъ. Замкнулись, огибѣли уста, которыя такъ обильно утѣняли и наставляли всѣхъ! Вотъ и руки его сложены на груди, тѣ руки, которыя такъ ласкали, благословляли и освящали приходившій людъ.

Не встанетъ уже больше ихъ дорогой утѣнитель, не скажетъ больше благодатнаго словечка отрады и облегченія!

Терзалась и стонала душа каждого при этихъ тяжелыхъ проходахъ своего незабвеннаго дорогого ангела-хранителя изъ земной доли въ міръ славы и блаженства.

Вотъ принесли гробъ настыря въ храмъ, отслужена заунывная всенощная, а на другое утро благолѣпно совершился былъ должный обрядъ отиѣванія; понесли дорогое тѣло батюшки на Ваганьковское кладбище, куда онъ самъ пожелать лечь, какъ смиренный настырь, уклоняясь и здѣсь отъ славы и восхваленія.

Духовныя дѣти съ любовью, тихо, торжественно несли гробъ настыря, еще не во всей полнотѣ понимая, кого и куда они несутъ.

Безчисленная толпа сопровождала шествіе; съ ифмою скорбью и страданіемъ шли духовныя дѣти, не зная, какъ они смогутъ жить послѣ такой тяжелой утраты.

Никакой пышности не пожелъ дорогой батюшка, но ясный солнечный день, торжественность шествія какъ-то особенно дѣйствовали на всѣхъ, наполняя душу трепетомъ и благоговѣніемъ.

Не пожелать дорогой настырь никакого отличія, никакого восхваленія, но Самъ Господь пожелать прославить праведника Своимъ небеснымъ откровеніемъ.

Когда внесли гробъ настыря въ Святые ворота кладбища, и священнослужители стали совершать литію, то одинъ изъ песенныхъ праведные останки настыря взираетъ на небо, и что же онъ видитъ?.. величественное небесное знаменіе, которое онъ удостоивается лицезрѣть, по своему христіанскому смиренію и по безграничной любви своей къ настырю: онъ видитъ небеса отверсты и безчисленное множество серафимовъ, парившихъ надъ гробомъ въ высотъ. Серафимовъ было такое множество, что и пересказать невозможно; они потрясали крыльями, радуясь блаженной кончинѣ великаго праведника, душу котораго съ торжествомъ готовились принять и вознести къ Престолу Царя Славы, Господа Вседержителя.

Вотъ какъ чудно великъ былъ смиренный праведникъ, вотъ какимъ небеснымъ свѣтомъ сіялъ онъ и радовалъ свѣтозарныхъ небожителей.

Смиренный и великій въ своемъ смиреніи настырь принимается сонмомъ ангеловъ, возносится на небеса, а мы простые, грѣшныя люди подходили къ нему, охранялись имъ, наставлялись. Какая радость—«при сей погребальной скорби!»...

Много рѣчей, много ораторскихъ словесъ вѣнчаетъ знаменитыхъ дѣятелей при ихъ погребеніи, слагаясь въ громкія, достойныя эпитафіи; здѣсь же Самъ Сладчайшій Спаситель удостоить изречь Своё божественное слово, удостоить проявить Свою небесную почесть.

Кончилась литія, понесли гробъ настыря къ приготовленной могилкѣ и зарыли его.

Дуть только всё вдрогнуло и какъ бы ономылилось при совершившемся печальномъ событіи—кончинѣ доро-

того, незабвеннаго настыря, который былъ для всѣхъ, жившихъ его, счастьемъ и утѣшеніемъ въ жизни.

Постояли несчастныя, одинокія сироты и разошлись по домамъ, полныя тѣжкой горя.

Теперь одна отрада—прийти къ дорогой могилкѣ и выливать на ней свои скорби и страданія.

Надо было видѣть, какъ недавно плакала на могилѣ батюшки одна прѣзжая графиня Б., чтобы понять, сколь дорого былъ для своей настыи этотъ великій настырь, который смогъ и такую знатную личность надѣлать великими чувствами преданности и благодарности къ іерею Васкію.

Если уже ее, избѣженную аристократку, незабвенный настырь могъ воспитать такъ, что она рыдала самыми неудержимыми рыданіями около его могилки, то все онъ могъ сдѣлать съ простой, податливой, безыскусственной душой, измученной среди житейскихъ невзгодъ и скорбей.

Дѣл. поетини, горячо любили батюшку и благоговѣли передъ нимъ его духовныя дѣти.

Самъ настырь видимо радовался этому и высоко цѣнилъ такую горячую преданность, потому что, когда ему рисъ сказали: «батюшка, какъ васъ все любятъ», то онъ родостно отвѣтилъ: «да, славу Богу! а то для чего и жить-то».

Думается, онъ и теперь радуется, видя, что такъ же продолжаютъ чтить и любить его.

О, чудный незабвенный настырь! Я ли, малая, ничтожливый былинка, смогу описать все славныя разнообразности твоей поразительной, блестящей духовной дѣятельности; и ли, малое неопытное существо, смогу разобраться во

всѣхъ дивныхъ, мудрыхъ движеніяхъ твоего разума и мысленія? Только великіе славные свѣточы могли вполне понимать тебя и восхвалять за твои удивительныя настырскіе труды.

Самъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, уже признанный теперь всеми великій свѣтильникъ Русской Церкви, говорилъ о батюшкѣ москвичамъ, которые обращались къ нему за совѣтами: «что вы бѣгаете ко мнѣ, у васъ въ Москвѣ есть свой великій настырь, отецъ Валентинъ, который лучше меня, къ нему и обращайтесь».

А въ Воронежѣ въ прошломъ столѣтіи жилъ Преосвященный Іосифъ, который двадцать семь лѣтъ былъ на покой безъ зрѣнія и отличался великимъ духовнымъ разумомъ и прозорливостью.

Сей старецъ, благословляя, однажды, одного господина на отъѣздъ въ Москву, сказалъ ему: «тамъ, около Спасскихъ воротъ, есть маленькая церковка, въ которой служитъ великій настырь—отецъ Валентинъ, ему и открывай свою душу».

Потомъ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ сей старецъ опять разговаривалъ съ тѣмъ же господиномъ, то сказалъ ему, что батюшка, отецъ Валентинъ, все отдался поочечію о своихъ близкихъ и прибавилъ: «какъ бы ему не надѣть такой же схимы, какъ у меня», т.-е. схиоту, пророчествуя о великомъ предсмертномъ подвигѣ батюшки.

Потомъ, вотъ что еще разсказывалъ одинъ монахъ, бывший прежде духовнымъ сыномъ батюшки—Ипатій. Онъ поѣхалъ на Афонъ, поступилъ тамъ послушникомъ въ одинъ изъ монастырей. Однажды ему пришлось быть по послушанію у одного извѣстнаго пустынника, въ скромной

белѣи котораго онъ увидалъ портретъ своего родимаго батюшки. Въ восторгъ остановился онъ передъ портретомъ и съ любовью сталъ глядѣть на него.

Пустынникъ поинтересовался узнать, почему онъ такъ порадовался портрету, и, когда пришедшій объявилъ ему, что онъ былъ духовнымъ сыномъ этого батюшки, то пустынникъ сказалъ ему на это съ великимъ чувствомъ: «ближенъ ты, чадо, что былъ духовнымъ сыномъ такого великаго свѣтлышка».

Вотъ какіе высшіе духовные авторитеты познавали и высоко чтили дорогого батюшку!

Если они, не пытавшіе на себѣ всей дивной мощи его любви и милосердія, съ великимъ благоговѣніемъ воздавали ему должное, то какъ же намъ, малымъ, недостойнымъ людямъ, пытавшимся на себѣ несказанныя милости его щедротъ, помощи и цѣленія, не рыдать слезами великой скорби и тоски при его отшествіи изъ нашей земной доли.

Да, тяжкое горе испытываютъ теперь всѣ истинно любящіе дорогого батюшку; тяжелое время одиночества и сиротства переживаютъ они.

Но пѣтъ!! Пастырь во вѣкъ живъ!!!

Онъ съ неба такъ же цѣлитъ и согрѣваетъ насъ, такъ же учитъ и направляетъ, и если теперь не можемъ мы наслаждаться его благодатнымъ видимымъ присутствіемъ на землѣ, его цѣлительными, всенравляющими совѣтами, то будемъ чаще возноситься всѣми своими чувствами, мыслями и желаніями къ нему, нашему дорогому хранителю, и будемъ въ немъ искать утѣшенія въ нашихъ скорбяхъ, горестяхъ и невзгодахъ.

Господь есть свѣтъ міру.

Преславный пастырь всю свою жизнь положить на насъ, чтобы очистить нашу духовную храмину и сдѣлать ее доступной къ воспріятію высшихъ духовныхъ наслажденій.

Направимъ же всецѣло свой умъ, сердце и волю къ достойному приятію Божественной Святости Тѣла и Крови Христовыхъ; будемъ усердно посѣщать храмы Божіи; будемъ ревностными сынами Церкви Православной и по вѣрѣ, и по жизни. Это будетъ «лучшій» надгробный вѣнокъ нашему дорогому отцу и пастырю.

Часть II-я.

Отдѣльные случаи прозорливости пастыря.

Укажемъ нѣкоторые изъ случаевъ прозорливости батюшки: одна вдова рано лишилась мужа, проживъ въ замужествѣ всего пять лѣтъ.

Сначала горевала, конечно, о немъ, но потомъ мало-по-малу горе ся стало утихать, и ей все хотѣлось пожить на свободѣ, ни отъ кого не зависѣть, никому не подчиняться, быть вольной птицей.

Вотъ стоитъ она разъ въ церкви противъ царскихъ вратъ; раздастся поучительное чтеніе Дѣяній Апостольскихъ. Стоитъ и думаетъ: «ну вотъ, заживу я теперь, какъ захочу; тетки не стану слушаться, она стара, па что она мнѣ, а сестеръ я не боюсь, онѣ мнѣ не указка, значить отлично, никого не буду сираниваться, буду жить, какъ захочу».

Стоитъ она и размышляетъ такъ. А батюшка за престоломъ, на горнемъ мѣстѣ. Посмотрѣла она на него, а онъ головой покачиваетъ, да такъ сердито глядитъ на нее; ничего она не поняла, однако же продолжаетъ свою мудреную думу.

Кончилась обѣдня. Уходитъ батюшка, идетъ, благословляетъ. Она подходитъ, проситъ благословенія, а батюшка на нее даже и не смотритъ, такъ сердито отворачивается.

Что такое? не понимает она; то съ одной стороны подойдетъ, то съ другой, батюшка все сердито отворачивается. Что тутъ дѣлать? Ужасно тяжело стало у ней на душѣ.

«Батюшка дорогой!» закричала она уже громко, какъ то пробравшись совсѣмъ близко къ батюнкѣ, «да благословите же меня, ради Бога!»

«Благословить тебя, это на какую же жизнь благословить тебя?»

«Навѣрно теперь думаешь: нынѣ какъ мнѣ хорошо! Мужъ умеръ, тетки я не стану слушаться, она стара, но что она мнѣ, а сестеръ я не боюсь, онѣ мнѣ не указка! Буду жить, какъ захочу. Нѣтъ, голубушка! Знай же, я буду слѣдить за тобой, не дамъ тебѣ воли, будешь меня слушаться, не выйдешь изъ подъ моей власти, каждый шагъ твой буду знать. А то, видите ли, нынѣ какая умная, я, да я, какъ я хочу, какъ я захочу, всю обѣдню меня смущала, все я да я».

«Такъ помни же теперь: ты должна во всемъ меня слушаться, не смѣй ничего дѣлать по своему».

Вотъ тебѣ и разъ! Огорчилась, приуныла моя бѣдная провинца, да ничего не подѣлаешь! Съ такимъ пастыремъ не станешь спорить или противорѣчить ему.

«Вотъ какой батюшка великій прозорливецъ», прибавила она: «повторилъ мнѣ всѣ тѣ слова, которыя я мысленно произносила во время обѣдни, узналъ мои сокровенныя думы, открылъ мои еретныя желанія».

А то вотъ еще что передавала мнѣ та же вдова: «стою я разъ за обѣдней противъ алтаря и все никакъ не могу проникнуть въ глубину премудрости батюшкиной. Ну,

положимъ, батюшка крупныя мои поступки и дѣла знаетъ, а вотъ, напримеръ, мелкіе какіе-нибудь, «съ булавочную головку», развѣ можетъ онъ все это знать,—конечно не знаетъ, это невозможно!» Подумала это она такъ и успокоилась, что не все же знаетъ батюшка! Кончилась служба, подходитъ она къ сѣвернымъ дверямъ, батюшка выходитъ изъ алтаря, обращается къ ней и говоритъ: «Нѣтъ ли у тебя булавки?»—«Нѣтъ, дорогой батюшка», отвѣчаетъ она, «сейчасъ попрошу у кого-нибудь». Тогда батюшка начинаетъ нехать у себя и говоритъ: «Нынѣ какъ жалко, вотъ вѣдь нѣтъ у меня булавки, и «булавочной головки» нѣтъ».

Тутъ ужъ не смогла она больше вытерпѣть: съ воплями бросилась она къ батюнкѣ въ ноги: «батюшка, дорогой святитель», заголосила она, «прости меня, что я усумнилась въ тебѣ. Все то ты знаешь, теперь твердо вѣрю я въ это».—«Вотъ видишь», ласково поднимаетъ ее батюшка, «а ты вотъ за обѣдней все сомнѣвалась, все смущала меня, не дала мнѣ спокойно служить; и что это у тебя въ головѣ все какія мысли бродятъ? Не знаетъ, не узнаетъ, да за кѣмъ другимъ, а за тобой меньше «булавочной головки», все буду знать, потому что за тобой особенно надо слѣдить, ты ужъ очень у меня мудреная: во всемъ разбираешься, до всего допытываешься, какъ, да что, все хочешь по своему, а этого никакъ нельзя!»

А то разъ одна женщина подходитъ къ кресту и думаетъ: вотъ вѣдь батюшка другимъ даетъ просфорочки, а мнѣ, конечно, не даетъ.

Прикладывается она къ кресту, а батюшка подаетъ

«не просфоры и говоритъ: «не только одну, даже двѣ».

А то вотъ еще былъ замѣчательный случай батюш-
инной прозорливости: у одной молодой женщины былъ
вѣкъ четыре года въ сумасшедшемъ домѣ. Она очень
любила его, такъ какъ хорошо прожила съ нимъ: онъ
ее берегъ и лелѣялъ, хотя былъ гораздо старше ея, и
она была выдана за него круглой сиротой.

Конечно, она очень мучилась за мужа, зная его ве-
личія страданія, и первые два года его болѣзни ей еще
можно было навѣщать его, а послѣдніе два года—это
было совсѣмъ лишнее, такъ какъ больной не узнавалъ
жены, и каждый разъ такое посѣщеніе терзало еще
больше ея наболѣвшую душу.

Батюшка, видя ея страданія за мужа и понимая, что
такими посѣщеніями она растравляла свою душевную
рану, запрещалъ ей навѣщать мужа, надѣясь, что время—
лучшій цѣлитель всякаго душевнаго горя скорѣе зату-
шитъ ея тоску.

Но своевольная особа не хотѣла понять всей благой
цѣли запрета батюшки. Ей казалось это запрещеніе не-
приличнымъ, такъ какъ въ исполненіи его ей представ-
лялось нарушеніе женскаго дома по отношенію къ боль-
ному мужу.

Но не смѣя ослушаться батюшки, она волей-неволей
миралась и покорялась.

И, вотъ, однажды пришла ей въ голову «благая» мысль:
буду ходить къ мужу потихоньку, не спрашиваясь, ба-
тюшка и не узнаеть; что все спрашивать, я и такъ
пойду!

Стоитъ она въ церкви и такъ думаетъ, а ужъ не смѣетъ

подойти къ батюшкѣ за благословеніемъ, такъ какъ
тайный голосъ говоритъ ей, что она скверно поступаетъ,
рѣшаясь на такое своеволие.

Подаютъ лошадей батюшкѣ, она стоитъ, провожаетъ его,
а сама все старается спрятаться, чтобы не понастѣя
ему на глаза, такъ какъ ей уже много разъ приходилось
испытывать на себѣ случаи его дивнаго провидѣнія.

Садится батюшка въ сани, она стоитъ за спиной его
и думаетъ: ну что, батюшка, видишь, пойду и не спро-
саясь, а то еще не пускаль, я и сама пойду.

Вдругъ батюшка оборачивается, прямо въ упоръ смо-
трить на нее и говоритъ: «А кто едѣлаеть безъ спросу,
тотъ останется безъ носа». Сказалъ, отвернулся и ве-
лѣлъ кучеру ѣхать.

Она однако же на такія странныя, неожиданныя, слова не
обратила должнаго вниманія и преспокойно пошла на-
вѣщать мужа.

Что же! Немного не доходя до сумасшедшаго дома,
переходя мостовую, она неосторожно прошла близко отъ
ломовой лошади, которая стояла, дожидаясь своего хо-
зяина.

Лошадь вдругъ схватила зубами за ея рукавъ и такъ
сильно прокусила пубу, что добралась до руки. Видитъ
она: бѣжитъ мужикъ и кричитъ что-то ей, а она стоитъ
ни жива, ни мертва, странно испуганная. Подбѣжала
мужикъ, отдернула лошадь и говоритъ: «развѣ можно
такъ близко подходить къ ней, еще счастье ваше, что
такъ обонялось, а то она могла бы вамъ и голову про-
ломить, или *носъ откусить*, она очень злая.—«Да гдѣ
же ея намордникъ?»

Видеть: намордникъ валяется на мостовой, какъ-то соскочилъ.

Несчастная особа, та чуть не лишилась сознанія отъ пережитаго тревоженія.

Рукавъ былъ у ней сильно разорванъ, рука болѣла и шала. Кое-какъ надѣвъ платокъ на плечи и прикрывъ разорванный рукавъ, она все-таки пошла въ сумасшедшій домъ. Но оказалось, что почему-то въ этотъ день ее не пустили, хотя пришла она въ пріемные часы: въ видѣ ея разстроенный видъ возбудилъ подозрѣніе, и не побоялись пустить къ больному.

Итакъ, не достигнувъ цѣли, напрасно пройди такой длинный конецъ, да, вдобавокъ, еще переживъ такое потрясеніе, она измученная вернулась домой. Рука ужасно горѣла, стала она растирать ее, боясь опасныхъ послѣдствій такой лошадиной ласки.

Вдругъ точно кто озарилъ ее: это Господь наказалъ ее за мое непослушаніе, вѣдь батюшка же сказалъ мнѣ: «кто едѣласть безъ спросу, тотъ останется безъ носа»—и мужикъ вѣдь поманулъ: могла бы она вамъ и носъ откусить.

Вполнѣ поняла она теперь, какъ опасно своевольничать и не слушаться мудраго наставника.

Теперь только она убѣдилась, что онъ все знаетъ, за всемъ слѣдитъ, обо всемъ заботится, все охраняетъ. Страхъ быть сильно наказанной Господомъ за непослушаніе, глубокое сознаніе своего проступка—такъ все это и действовало на нее, что ею овладѣло отчаяніе.

А рука все пухнетъ и горитъ. Съ горькими слезами умолилась она батюнкѣ: «прости, дорогой святитель,

не накази, больше не буду провиняться тебѣ, не дай мнѣ остаться безъ руки».

Такъ плача и причитая, надумала она помазать руку батюшкинымъ свитымъ масломъ, которое онъ самъ освящалъ.

И что же! Сжалился Господь: рука еще нылаетъ, а боль утихаетъ, мало-по-малу жаръ уменьшается, къ ночи почти совсѣмъ проходитъ, только красноватые полосы еще свидѣтельствуютъ о бывшей опасности; смилостивился Господь, улыбался волею ея и исцѣлитель руку.

На утро, кое-какъ натянувъ рукавъ она опухшую еще руку, она пошла въ церковь, стоять, дожидается батюнку, а сама думаетъ: «ну, разгнѣвался теперь батюшка на меня, совсѣмъ прогонитъ отъ себя». А батюшка идетъ, благословляетъ народъ, подходитъ къ ней и говоритъ: «Ну что, рука цѣла? Ну, пожалѣлъ я тебѣ вчера, удержалъ лошадь, а то быть бы тебѣ безъ носа». А потомъ, какъ бы размысливъ о чемъ, говоритъ: «Инь вѣдь и намордникъ соскочилъ, ну счастлива ты, что все такъ обошлось, благодарн Господа и помни, что значить не слушаться».

Ну не дивный ли пастырь: почти что все онъ знаетъ, только скрывается подъ покровомъ смиренія.

Аша Ивановна Варданкишна захотѣла поѣхать въ Кіевъ. Батюшка не пускаетъ, отговариваетъ, но трудно покориться и смириться и разстаться съ любимой мечтой: давно хотѣлось побывать въ этомъ городѣ, а тутъ представляется удобный случай.

Нѣсколько разъ просила она батюнку, но онъ все не

онамался. Она все продолжала притавать. Тогда батюшка очень сердито благословилъ ее, какъ бы давая ей понять, что это противъ его желанія. Обрадовалась она, поехала вдвоемъ со своей знакомой.

Что же! Прїѣзжаешь въ Кіевъ, останавливается въ гостиницѣ, разбалтываются у ней вдругъ ноги, да такъ значительно, что хоть на крикъ кричи.

Долго пришлось пролежать въ гостиницѣ, пока боль немного утихла, и явилась возможность, хотя съ великимъ трудомъ, доставить ее на поѣздъ и отвезти въ Москву. Прїѣхала она домой совсѣмъ больная, долго еще пролежала въ постели, пока, наконецъ, батюшка, по слезной просьбѣ ея, смилостивился и простилъ ее.

Что же! съѣздила она въ Кіевъ, сдѣлала по своему, но пойдъ не удалось ей побывать ни въ одномъ храмѣ: то что влекло ее туда, то было закрыто для нея, потому что она исполнила только свое желаніе, слушалась только своей воли, не согласуясь съ волей Божьей, что яено доказалъ ей попятъ дорогой настырь, заранѣе предвидѣвшій печальную развязку ея своевольнаго поведенія.

Какъ мощный дивный орелъ, постоянно парилъ онъ надъ своимъ духовнымъ стадомъ и охранялъ слабыхъ, помытныхъ овечекъ отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Заранѣе зналъ онъ, гдѣ и кому грозитъ опасность, заранѣе предупреждалъ ихъ, дисциплинируя упрямыхъ и своевольныхъ, награждая покорныхъ и послушныхъ.

А если только замѣтить, что сильный бьетъ слабого, сейчасъ же вступитесь за обиженнаго и придетъ къ нему на помощь.

Вотъ дивный случай его покровительства и защиты:

одна уже не молодая женщина Марья Федосимовна, очень чтившая батюшку и около двадцати лѣтъ жившая подъ его спасительнымъ руководствомъ, въ ужасномъ горѣ подходитъ разъ къ батюшкѣ и говоритъ: «батюшка, сестра выгнала меня отъ себя и не велѣла больше приходить къ ней».

«Что это ты говоришь!» утѣняетъ ее добрый настырь, «какъ выгнала»? «Она комнату твою заново убрала, оклеила новыми обоями, полировала мебель, бѣлья занавѣски повѣсила, такъ все и блестяще—а ты говоришь: выгнала, иди-ка посмотри, да не плачь, плакать не о чемъ!»!

«Что это толкуетъ батюшка!» подумала она; прекакую это комнату онъ говоритъ, видно шутить, чтобы усюконтъ меня и, но правдѣ сказать, не придавала она значенія этимъ словамъ, такъ какъ сестра ея, уже давно недовольная ею, за ея «шатанье» по церквамъ, рѣшилась совсѣмъ отдѣлаться отъ нея и преспокойно утромъ выгнала ее изъ своей квартиры и выбросила все ея вещи въ сарай.

А потому обиженная женщина, несмотря на приказаніе батюшки, не пошла изъ церкви къ сестрѣ, а пошла къ теткѣ, которая жила на одномъ дворѣ съ ея сестрой.

Сидитъ она, убитая горемъ, и рассказываетъ теткѣ объ утреннемъ прощесствіи, вдругъ вбѣгаетъ ея сестра, и говоритъ: «пойди-ка посмотри, какъ я комнату твою убрала, новая жилица переѣдетъ, пойдемъ-ка со мной».

Печальная изгнанница, конечно, и не смотритъ на свою сестру, такъ какъ еще кипитъ въ ней злоба за ея

нога

тениною продѣлку, но сестра ея начинаетъ умолять ее простить ее и пойти съ ней посмотрѣть комнату.

Дѣлать нечего, согласилась она.—Приходитъ и видитъ, что комната оклеена новыми обоями, мебель полирована, занавѣски бѣлыя, а въ переднемъ углу внести все ея вещи, которыя утромъ были вынесены изъ комнаты.

Все ея вещи стоятъ на прежнемъ мѣстѣ: все такъ и блеститъ.

Ничего не понимая, озирается она кругомъ; вдругъ промелькнули слова промелькнули у нея въ головѣ: «Твоя комната заново оклеена, мебель полирована, занавѣски бѣлыя повѣшены».

Не смогла она дальше выдержать, съ воплями и рыданиями упала передъ святыми иконами и стала громко высказывать: «пророкъ, чудотворецъ, святитель, все то ты слышишь, все рѣшительно, а сама такъ и рыдаетъ, никакъ не можетъ успокоиться».

Долго она плакала, долго съ благодарностью прославляла Господа за такую защиту и помощь.

Сестра ея, слыша непонятныя ей слова: «пророкъ, чудотворецъ», въ недоумѣніи поглядывала на нее, боясь во ей разсудокъ.

Но когда она успокоившись, передала сестрѣ батюшкины дивныя слова, то послѣдняя съ своей стороны разсказала, какъ батюшка вразумилъ ее поправить утреннее «молитвеніе».

«Выпроводишь тебя»,—такъ передавала она выгнанной сестрѣ своей,—«я не находила мѣста отъ внутренней ужасной тоски и утѣшительной совѣсти. Мнѣ какъ бы кто властно приказывалъ опять помириться съ тобой и вы-

за
бы

просить прощеніе за обиду. Вдругъ я надумала заново оклеить комнату, какъ можно лучше убрать ее и поставить твои вещи на прежнее мѣсто».

«Сразу же почувствовала себя легко и отрадно и быстро принялась исполнять свое намѣреніе».

Ну, какъ же послѣ этого не убѣдиться, что батюшка былъ освѣненъ великой благодатью, которая раскрывала ему невидимое, объясняла неизнаемое.

И вотъ теперь, когда не стало дорогого пастыря, теперь только вполнѣ понимаешь, кого лишились люди въ лицѣ его.

Куда ни пойдешь, повсюду такой стонъ и вопли безъ него, такая нищета въ семьяхъ, нужда, уныніе, безотрадность, что и не понимаешь, какъ эти несчастныя вдовы и сироты, безродныя, одинокія, будутъ жить безъ батюшки. Многія съ горя и отчаянія бросились по другимъ пастырямъ, ища поддержки и отрады, но не удовлетворились въ своемъ неканіи и стремленіи и уныло должны были сознаться, что не найти имъ ничего подобнаго, и что надо оставаться теперь въ тоскѣ и безотрадности.

Вотъ еще о какомъ случаѣ батюшкиной прозорливости разсказываетъ Праксѣевъ Филимоновичъ Григорьевъ: пошла она какъ-то къ знакомымъ, къ которымъ былъ приглашенъ странникъ Арелій, многими очень уважаемый; и вотъ когда, по примѣру прочихъ знакомыхъ, она подошла къ нему, то онъ рѣзко положилъ ей свою руку на голову и сказалъ: «Не такъ живешь», и такая тоска отъ этихъ словъ напала на нее, что она не находила себѣ мѣста, не знала куда дѣваться. Пришла она къ батюшкѣ, который увидя ее въ такомъ ужасномъ удручен-

состояніи духа, сказалъ: «Тебѣ надо причаститься», и велѣлъ ей вѣтать на пеповѣдь.

Во время пеповѣди, онъ положилъ свою руку ей на голову и сказалъ: «Дѣточка, какъ я тебя люблю за то, что ты у меня очень хорошо живешь», и отъ этихъ словъ батюшки у ней тоска моментально прошла, и у ней стало такъ покойно и радостно на душѣ, что она не могла, какъ и благодарить батюшку за его помощь и обреченіе.

Вотъ еще какой былъ замѣчательный случай: подходитъ одинъ человѣкъ, по имени Онуфрій, къ Кресту, а батюшка обращается къ нему и говоритъ: «Что это ты за обѣдней не быть?» Удивленный Онуфрій сѣвшитъ обвинить батюшкѣ: «какъ же, батюшка, я не былъ за обѣдней, я еще раньше вашего пришелъ въ церковь». «Нѣтъ, не былъ», подтверждаетъ мудрый пастырь, «ты былъ въ ходу». Тогда Прокофья Филимоновна подходитъ къ нему и интересуется узнать, о чемъ онъ это думалъ во время обѣдни, такъ какъ батюшка обличилъ его.

«Да, грѣшнень я», сознался Онуфрій: «во время обѣдни я все обдумывалъ, какъ изъ церкви пойду къ брату, тамъ попьемъ чайку, закусимъ и пойдемъ въ аптеку приказъ (около Храма Василия Блаженнаго) покупать саногн, а если тамъ не найдется хорошихъ, то и въ другое мѣсто придется отправиться».

И вотъ какія житейскія думы занимали его во время обѣдни, и мудрый пастырь проникъ въ нихъ и обличилъ его въ неумѣстномъ суетномъ размысленіи.

Одинъ разъ на панерти Архангельскаго собора послѣ

службы обращается батюшка къ Матренѣ Арефьевнѣ и говоритъ: «Матрена Арефьевна, а кто у тебя Евстафій?» «Братъ родной, батюшки, а что?» сѣвшитъ отвѣтить М. Ар., недоумѣвая, почему это батюшка спросилъ о немъ. «Ничего», возразилъ пастырь. Что же? приходитъ она домой, а ее уже дожидается телеграмма, возвѣщающая о смерти ея брата.

Одна женщина была брошена мужемъ на произволъ судьбы съ тремя дѣтьми.—Она очутилась въ безвыходной бѣдности и, не имѣя силъ переносить свое тяжкое положеніе, рѣшилась покончить съ собой; съ младенцемъ на рукахъ направилась она къ Москвѣ-рѣкѣ, но невидимая сила удержала ее и не дала ей возможности исполнить ея безумное намѣреніе.

Однако же, гнетущая крайность заставляла ее многократно возобновлять ея попытку, и она все прохаживалась около рѣки, лица какъ бы поудобнѣе привести въ исполненіе свой ужасный планъ.

Такое многократное появленіе около рѣки женщины возбудило подозрѣніе въ мѣстномъ городскомъ, который, наконецъ, рѣшительно обратился къ ней съ вопросомъ: почему она все бродитъ около воды?

Тогда несчастная чистосердечно признается ему въ задуманномъ предпріятіи, говоря, что она не можетъ больше переносить такого тяжкаго бѣдственнаго положенія, такъ какъ должна умереть съ дѣтьми съ голоду, а потому она и рѣшилась покончить съ собой.

Городовой, видимо вѣрующій и сердечный человѣкъ, сталъ уговаривать женщину и отклонить отъ такого ужаснаго шага.

«Что ты», съ жалостью сказалъ онъ ей: «да сходи приобщись, и Господь утѣшитъ тебя».

Несчастная, истомленная душевной мукой женщина съ радостью беретъ за эту мысль и разсираниваетъ добродетельнаго городского, въ какомъ же храмѣ ей можно приобщиться Святыхъ Танинъ (такъ какъ это были мясоеды). Тогда онъ указалъ ей на церковь «Нечаянной Радости», говоря, что тамъ служитъ великій пастырь, у котораго всегда бываетъ много причастниковъ.

Женщина отпрашивается туда и становится на исповѣдь. На исповѣди она чистосердечно признается батюнкѣ, что хочетъ покончить съ собой, такъ какъ ей совѣсьмъ нечѣмъ жить съ тремя дѣтьми.

«Что ты! Господь съ тобой», ласково вразумляетъ ее благой пастырь; «вѣдь у тебя два крыла, ты еще высоко будешь летать и мы богатой рукой еще заживемъ съ тобой».

Тогда женщина, успокоенная такой благодатной ласковой заботливостью пастыря, немного уже начинаетъ приходить въ себя и интересуется узнать у батюнки, про какія это два крыла говорилъ онъ ей. Пастырь объясняетъ ей, что два крыла это—ся двое сыновей. Женщина спѣшитъ возвѣстить батюнкѣ, что у ней не двое, а трое дѣтей, но батюнка настаиваетъ на своемъ.

Непонятная и непонятливая женщина ветунаетъ въ пререканіе съ нимъ и опять утверждаетъ, что вѣдь у нея три мальчика: два уже порядочные, а третій маленький. А батюнка и не слушаетъ ее. Что же оказывается? Маленькій мальчикъ векорѣ послѣ того заболѣлъ и умеръ, двое же другихъ по молитвамъ благого попечителя-

батюшки опредѣлились въ ученіе къ Густаву Листъ и стали получать ежедневно по сорока коп., потому мало-помалу они дошли до дѣла и получали прекрасное жалованье: одинъ—семьдесятъ, и другой сто руб. Они оказались примѣрными сыновьями, покормили мать и дали ей возможность жить прилично, имѣть хорошую квартиру и прислугу.

Вотъ какъ вырывалъ изъ пучины грѣха и смерти благой пастырь цѣляя семьи и ставилъ ихъ на твердую почву порядочности и благоустройства.

Одна изъ батюнкиныхъ духовныхъ дочерей, Авдотья Петровна, подходитъ къ батюнкѣ, онъ подаетъ ей просфору и говоритъ: «Она очень тяжелая, но Богъ поможетъ, ты перенесешь».

И что же случилось? Мужъ ее былъ старостой въ одной артели, онъ былъ крѣпкій, видный, здоровый мужчина, пошелъ онъ вечеромъ въ тотъ день въ артель, внезапно съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ векорѣ скончался.

Вотъ о какомъ случаѣ сообщаетъ Марія Гавриловна Мѣникова. Идетъ она разъ съ исповѣди, счастливая и довольная и наталкивается на одну Дуню (тоже духовная дочь батюшки), которая много времени никакъ не могла понасть на исповѣдь. Эта Дуня въ пылу ропота и говоритъ: «нужно будетъ идти къ другому священнику, къ батюнкѣ никакъ не понадеи!» Марья Гавриловна начинаетъ урезонивать ее и говоритъ: «что это ты, Дуня, такъ говоришь, да не возьми меня батюшка годъ, не возьми два, не возьми три, я и то ни къ кому не пойду». Сказала она такъ, и совѣсьмъ позабыла объ этомъ.

Что же случилось? Прошло нѣкоторое время; становится она на исповѣдь, батюшка ее не беретъ, всю ея недѣлю каждый день становится, батюшка никакого вниманія на нее не обращаетъ, на другую недѣлю въ субботу становится, батюшка не беретъ, такъ проходитъ нѣсколько недѣль, но все безуспѣшно.

Ничего не понимаетъ она, сильно начиная скорбѣть и беспокоиться, не зная, за что батюшка разсердился на нее.

И вотъ наступаетъ Успенскій постъ; тринадцатаго августа, послѣ ночного крестнаго хода въ Успенскій соборъ, батюшка остался исповѣдывать; это была послѣдняя исповѣдь постомъ, потому что въ Кремль готовились къ торжеству открытія памятника Государю Императору Александру II-му.

Стоитъ она, глаза у нея все опухли отъ слезъ, такъ какъ ее нестерпимо давила тоска. Батюшка не бралъ ея, хотя она стояла впереди, народъ начиналъ кругомъ роптать, требуя, чтобы она уходила. Она видитъ, что дѣйствительно ей лучше уйти, и уже собирается отойти отъ дверки, вдругъ батюшка отворяетъ дверку, выпускаетъ одну исповѣдницу, беретъ другую, а ей говоритъ: «Стой». Потомъ выходитъ, беретъ ее и спрашиваетъ: «о чемъ же ты плакала?»

«Какъ же, дорогой батюшка», съшить объяснить ему все измученная несчастная Марія Гавриловна: «вы такъ долго меня не брали?»

«Какъ долго», какъ бы недоумѣваетъ удивленный пастырь: «развѣ прошелъ годъ или два, или три»? Тутъ только поняла она, почему это все такъ мудро устроилъ

батюшка и за что онъ такъ долго не бралъ ея, и какъ бы въ подтвержденіе ея догадки батюшка даетъ ей спасительное наставленіе: «Смотри же, никогда больше не хвались».

Да, она похвалилась, она сказала, что если ее батюшка и годъ, и два, и три не возьметъ на исповѣдь, то все она будетъ терпѣть и дожидаться, а тутъ вдругъ не смогла и нѣсколько недѣль терпѣливо подождать.

Великій пастырь знаетъ, какъ опасно самохвальство для человѣка, и какъ оно губительно дѣйствуетъ на душу, ослабляя ея лучшіе благородные порывы.

Врагъ всячески старается уязвить душу человѣка и затемнить ее губительными изгибами духовной гордости и восхваленія.

Ничто такъ не противно Господу, какъ это недостойное киченіе человѣка, который, будучи ничтожнымъ малымъ созданіемъ, мнитъ о какомъ-то своемъ достоинствѣ и превосходствѣ.

И вотъ великій пастырь зорко слѣдилъ за такой высокопарной порывистостью, мудро, спасительно охлаждая ее вразумительными уроками.

Измученная продолжительными нравственными страданіями, душа понимала, въ чемъ она провинилась, и не изъявляла уже большаго охоты къ дальнѣйшему высокопарному паренію.

Одна изъ батюшкннхъ духовныхъ дочерей, Авдотья Петровна, собиралась однажды въ Свѣтлый день Пасхи къ вечернѣ въ Соборъ; вдругъ неожиданно пришли къ ней гости. Наскоро нановъ ихъ чаемъ, она уговорила ихъ

пойти вмѣстѣ въ Соборъ; гости согласились, и вотъ Лидогья Петровна дорогой все думаетъ: Господи! хотѣла бы батюшка подольше потянуль, чтобы застать его въ храмѣ. Что же? Къ удивленію своему приходитъ и застаетъ еще копецъ вечерни; потомъ батюшка по окончаніи ея идетъ по паперти, подходитъ къ ней, благословляетъ и говоритъ: «Ну, Дунечка, тянулъ, тянулъ, насили потянулъ», давъ ей понять, что ему извѣстно было ея волненіе и поздній приходъ въ храмъ.

Марія Викторовна стоитъ въ Соборѣ (въ день памяти святаго Виктора) и думаетъ: когда же память моего отца? Вдругъ слышитъ: батюшка въ алтарѣ громко поминаетъ Виктора; подходитъ она къ кресту, а батюшка и говоритъ ей: «Слышала, какъ я поминалъ твоего отца?» Отимъ онъ отвѣтилъ ей на ея недоумѣніе по поводу памяти ея родителя.

Двоюродная сестра матушки Елизаветы Васильевны Воскресенской—Ксенія Николаевна Тарарухина, пришла рано въ церковь «Нечаянной Радости» и очень сожалѣла, что не взяла съ собою записки о родныхъ, чтобы подать батюшкѣ за молебномъ.—Вдругъ она слышитъ, что батюшка явственно поминаетъ всѣхъ ея родныхъ, какъ она обыкновенно записывала ихъ на запискѣ. Дочь ея обращается къ ней и говоритъ: «слышишь, мама, батюшка читаетъ нашу записку?» и тутъ только понимаетъ пораженная Ксенія Николаевна, что за дивный прозорливецъ былъ батюшка, который, чтобы успокоить ее, самъ и безъ всякой записки переименовалъ всѣхъ ея дорогихъ близкихъ родныхъ.

Марфа Евдокимовна Суханова подходитъ разъ при-

кладываться къ кресту, а батюшка и говоритъ ей: «Прыгалка моя, прыгалка».

Она обидѣлась на такое замѣчаніе пастыря и подумала: «что это меня батюшка называетъ по дѣтски, какая я прыгалка, что это онъ придумалъ?»

Кончилась обѣдня; пошла она иѣшкомъ въ село Мазилово (за Дорогомилловской заставой), и пришлось ей все перепрыгивать черезъ канавы; она была еще молодая, незамѣтно перепрыгнула пять-шесть канавъ, но такой непривычный маневръ скаканія заставилъ ее немного призадуматься, ей припомнились странныя слова батюшка: «прыгалка моя, прыгалка». Посмотрѣла она случайно въ бокъ и вдругъ видитъ: ѣдетъ батюшка (онъ тогда тоже жилъ въ Мазилѣ).

Увидавъ ее, онъ крикнулъ: «Ну что, прыгалка, не правда ли, вѣдь я вѣрно называлъ тебя, а ты еще обидѣлась на меня и подумала, что я зря сказалъ».

Да, передъ батюшкой все ясно раскрывалось: наша порочность, неправды, неправильности, грѣховность,—онъ все видѣлъ, во всемъ могъ разобраться, а потому можно понять, сколь безиредѣльно велика была его пастырская дѣятельность при такой поражающей массѣ несмѣтныхъ семей, личностей, жизней. Надо было все распредѣлить, выровнить, устроить; надо было всѣхъ заставить вѣровать, каяться, умиляться, молиться. Истинно дивный, великій, былъ нашъ незабвенный старецъ - пастырь! Старчество — это великое подвижничество на землѣ. Старцы—это высшее духовное воинство, назначенное и поставленное Господомъ для руководства и спасенія людей,—они высоко чтутся во всѣ времена.

Если при монастырѣ бываетъ старецъ, то передъ нимъ преклоняется весь монастырь; игумень, и тотъ руководствуется его совѣтами и наставленіями.

Вотъ такого-то великаго старца далъ намъ Господь въ наставники и руководители, а потому какъ горячо мы должны благодарить Господа, что удостоились знать его, наставляться имъ, получать его настырское благословеніе.

А то разъ готовилась одна духовная дочь батюшки къ исповѣди; стоитъ, дожидается, а въ головѣ ея пробѣгаетъ соблазнительная мысль: «какъ хорошо она послѣ обѣдни попьетъ кофе съ приготовленными сливками». Зоветъ ее батюшка; входитъ она къ нему исповѣдываться, а онъ вдругъ отвѣчаетъ на ея суетное желаніе: «А вѣдь кошка разлила ваши сливки!»

Можно понять, какъ поразилась такому провидѣнію смущенная барыня; приходитъ она домой, а кухарка со слезами сообщаетъ ей, что кошка разлила все сливки.

Монахиня Князе-Владимірскаго монастыря, лежащаго близъ Одинцова, просила написать слѣдующее: когда она поступала въ монастырь, то пришла къ батюшкѣ просить его благословенія. Онъ благословилъ и сказалъ: «Черезъ десять лѣтъ тебѣ придется побыть въ міру и пострадать».

И дѣйствительно, черезъ десять лѣтъ послѣ поступленія въ монастырь, пришлось ей по послушанію поѣхать въ Москву. Приѣхала она въ Москву, вдругъ почувствовала себя нехорошо, заболѣла у нея голова, затряслись руки, прилегла она, а ее стало тошнить кровью, и такъ много вышло крови, что она уже и не думала, что останется жива.

Позвали доктора, онъ велѣлъ ей лечь въ больницу отравили ее въ Старо-Екатерининскую больницу. Не успѣла она выздоровѣть, какъ началось у нея воспаленіе легкихъ, и она тяжело страдала, и пролежала два мѣсяца. Великій настырь за десять лѣтъ предупредилъ ее что съ ней будетъ, и все въ точности такъ и исполнилось.

Одинъ человекъ шлѣ вино; батюшка разъ исповѣдывалъ его въ церкви «Нечаянной Радости», ударилъ его по шеѣ и сказалъ: «Смотри, не пей, а если будешь пить то умрешь ударомъ». Но онъ не послушался благоумразумленія настыря и черезъ нѣсколько лѣтъ, дѣйствительно, умеръ отъ удара.

Одна женщина никакъ не могла понасть на исповѣдь къ батюшкѣ; стоитъ она и думаетъ: а что, если подойти безъ исповѣди, батюшка и такъ причаститъ, вѣдь и одинъ же онъ исповѣдуетъ, а также и отецъ Платонъ: почему онъ можетъ узнать—исповѣдывалась я или нѣтъ. Батюшка въ это время стоялъ и приобщалъ народъ. Вдругъ раздаются грозныя слова батюшки: «Ты у кого исповѣдывалась?» Смущенная женщина, помысливши о возможности причащенія безъ исповѣди, видитъ, что стоитъ передъ Святой Чашей какая-то фигура въ черномъ платкѣ и ничего не отвѣчаетъ батюшкѣ.—Тогда батюшка опять гнѣвно повторяетъ свой вопросъ; обвиненная женщина бросается ему въ ноги и признается, что она и у кого не исповѣдывалась. Можно понять, что почувствовали окружающіе при такомъ грозномъ обличеніи настыря. «Пошла вонъ изъ храма», слышался карающій возгласъ батюшки, и трепещущая личность поспѣши поскорѣ удалиться.

Та же женщина, которая помыслила так сдѣлать, сама трепетала всѣми своими членами, какъ бы обличенная пастыремъ въ ея тайныхъ подобныхъ думкахъ. Онъ показалъ, что отъ него никакъ не укроешься; если онъ допускалъ людей къ Святымъ Тайнамъ, то онъ конечно знаетъ, кого онъ допускаетъ, никто не смѣлъ подойти къ Святой Чапѣ неприготовленнымъ и не очищеннымъ искреннимъ, горячимъ покаяніемъ.

Одна бѣдная женщина, не имѣя средствъ къ жизни, придумала нанять побольше квартиру и сдавать комнаты жильцамъ, чтобы какъ-нибудь обезпечить свое тяжелое существованіе. Подыскала она подходящую квартиру и пришла къ батюшкѣ попросить его совѣта и благословенія. Батюшка одобряетъ придуманный ея планъ и благословляетъ ее.

Сняла она квартиру, внесла за мѣсяць; но недѣля, другая проходитъ, а жильцовъ все нѣтъ. Въ сильномъ безпокойствѣ не знаетъ она, какъ ей быть, чѣмъ опять заплатить за квартиру, и вотъ подходитъ она къ батюшкѣ, и проситъ помолиться, говоря, что комнаты ея не сдаются, и она не знаетъ, что ей дѣлать. «Хорошо, скаково утѣшаетъ ее дорогой пастырь—я завтра къ тебѣ приду».

Изумленная женщина не помнить себя отъ радости, сбѣжитъ скорѣе домой, начинаетъ мыть и украшать всю квартиру. Долго мыла и охорашивала она все помещеніе; долго самымъ тщательнымъ образомъ убирала свое жилище, чтобы какъ можно лучше приготовить все къ встрѣчѣ дорогого гостя; и, вотъ, на другой день приходитъ одинъ жилецъ и снимаетъ у нея комнату, по-

томъ другой, и тоже снимаетъ комнату, но хозяйка съ нетерпѣніемъ все ждетъ пастыря. День проходитъ въ томительномъ ожиданіи, батюшки нѣтъ, на другой день она тоже начинаетъ ждать и волноваться, но опять напрасно.

Тогда она идетъ въ Соборъ и въ тоскѣ обращается къ батюшкѣ и говоритъ: «что же это ты, драгоценный батюшка, только посмѣялся надо мной: обѣщалеся прійхать и не прійхалъ».—«Какъ»? спрашиваетъ ее удивленный пастырь. «Развѣ къ тебѣ не переѣхали жильцы»?—«Какъ же, переѣхали», съѣздитъ подтвердить женщина. «Ну, видишь, продолжаетъ дорогой попечитель—вотъ я и былъ у тебя».

Молитвенная дѣятельность батюшки и ея благотворныя дѣйствія.

Многочисленные исцѣленія также совершались по молитвамъ дорогого ходатая-батюшки.

Развѣ можно передать всѣ случаи головной или зубной боли, которую батюшка прекращалъ однимъ прикосновеніемъ своей руки къ больному мѣсту.

Кто испыталъ на себѣ мучительность этого страданія, тотъ вполнѣ понимаетъ, сколь отраднo было исцѣленіе, которое батюшка разливалъ кругомъ.

Живо припоминаю радость одного господина М. Н. Маслова, который долго мучился зубной болью: у него было сильное воспаленіе надкостницы, угрожала фистула. Испробовавъ неудачно медицинскую помощь,

онъ обратился къ батюшкѣ и сталъ жаловаться на мучительную боль.

Батюшка попросилъ его раскрыть ротъ и пальцемъ нѣсколько разъ провелъ по воспаленной деснѣ. Что же! боль сразу утихла, и онъ радостный возвратился домой. Вотъ что еще мнѣ рассказывала одна изъ батюшкиныхъ дубинныхъ дочерей,—Марія Викторовна Викторова: пришла она разъ въ Соборъ Великимъ постомъ къ вечернѣ послушать батюшкину бесѣду. Вдругъ сдѣлалось ей дурно, задыхается, падаетъ, не знаетъ, что и дѣлать.—Присѣла она на полъ, а уйти не хочетъ, потому что самъ батюшка будетъ говорить проповѣдь. Все хуже и хуже становится ей. Ну, думаетъ, умру и батюшку не увижу, а сама все мысленно проситъ батюшку подкрѣпить ее.

Слава Богу! дождалась батюшки. Вышелъ онъ на амвонъ, а самъ такъ и оборотился въ ея сторону, такъ пристально посмотрѣлъ на нее. «Что же, чувствую я, рассказывала она,—что при этомъ взглядѣ батюшки, какъ бы вдругъ какая тяжелая шуба спала съ меня, и сдѣлалось мнѣ такъ легко и хорошо, и я стала совсѣмъ здоровой, свободно простояла всё бесѣду, и когда батюшка уѣзжалъ, то благословилъ меня и спросилъ: «Ну что, перепугалась?»»

Никто не цолялъ, никто не зналъ, а между тѣмъ такое чудо милости и помощи Божьей совершилось.—Вотъ еще случай поразительнаго исцѣленія: болѣли у меня глаза, такъ что по временамъ совершенно застилалась какъ бы черной пленкой, и невозможно было по вечерамъ ходить по улицѣ. Еще днемъ, бывало,

кое-какъ вижу, а вечеромъ совсѣмъ темно въ глазахъ: ничего не видать!

Что тутъ будешь дѣлать!

А вѣдь батюшка служитъ всеюнощную, падо нтти. Кое-какъ, бывало, бредешь съ краю по мостовой, такъ какъ на тротуарѣ попадаются разные ступеньки и приступочки, и легко можно упасть.

Спотыкаясь и падая, медленно подвигаешься впередъ, но идешь, потому что хочется понасть на батюшкину службу.

Бывало догонитъ кто-нибудь изъ знакомыхъ, схватится и поведетъ подъ руку. Ужасное, безотрадное было положеніе, того и гляди упадешь и сломаешь себѣ руку или ногу, трудно и вести такую слѣбую.

Кое-какъ съ горькимъ чувствомъ безпомощности дойдешь до Собора, и что же! батюшка, види меня въ такомъ несчастномъ положеніи, сейчасъ же снѣшитъ ко мнѣ на помощь. Подойдешь подъ благословеніе, а онъ будто нечаянно проведетъ пальчиками по глазамъ и что же!—дивное величіе Божіе!—сейчасъ же темная пелена спадастъ съ глазъ и дѣлается свѣтло, и возвращаешься изъ Собора одна, совершенно свободно, и прославляешь и благодарилъ Госнода.

Такъ постоянно врачевалъ батюшка меня въ Соборѣ; но когда онъ самъ заболѣлъ и пересталъ служить, то, не получая благодатнаго исцѣленія, я совершенно потеряла зрѣніе и днемъ почти ничего не видала, не различала отбѣнковъ цвѣта.—Пастушиль постоянный мракъ, постоянное уныніе.

Что мнѣ было дѣлать слѣпой, одинокой, никому не нужной? Трудиться я не могла, потому что какая же педагогическая дѣятельность безъ зрѣнія?

Приходилось влачить жалкую безцѣльную жизнь!

Но батюшка, сама любовь и состраданіе, не далъ пощипнуть мнѣ, горькой сиротѣ.

Узнавъ о моей слѣпотѣ, онъ велѣлъ мнѣ лѣчиться, послалъ къ опытному окулисту Филатову, который ужаснулся, види въместо глазъ какую-то воспаленную бесформенную массу. Хотя не было никакой возможности, путемъ обыкновенной медицинской помощи, возстановить зрѣніе, но батюшка властно приказалъ мнѣ лѣчиться, и докторъ, по его просьбѣ, взялся за многотрудное дѣло. Молитва и помощь цѣлителя-батюшки быстро дѣлали свое: путемъ прижиганія, цусканія какихъ-то капель въ глаза возстановлялась нужная матерія, совершилось чудесное возстановленіе погибшаго органа, докторъ и самъ поражался такому удивительному случаю; совершенно атрофированный органъ опять получилъ прежнюю силу и способность; и я теперь, славу Богу, вижу и продолжаю занятія, благодаря которымъ могу жить и кормиться.

Приводили «порченныхъ» къ батюшкѣ для исцѣленія. Одну такую больную съ трудомъ могли сдержать четверо мужчинъ, она все металась и колотилась, не хотѣла подходить и кричала: «сѣмъ, сѣмъ».

Наконецъ, съ трудомъ удалось подвести ее. Тогда батюшка стоялъ на амвонѣ, давалъ цѣловать святой крестъ послѣ молебна.

Увидавъ ее, онъ обернулся къ алтарю, она же все

металась и бранила батюшку, крича, что онъ измучилъ ее, не даетъ ей покою.

Тогда батюшка обернулся къ ней, ударилъ ее крестомъ по головѣ, она ушла и затихла. Батюшка повелительно сказалъ ей: «Встань»,—она встала, приложила къ кресту и пошла совершенно спокойная и здоровая.

А то на моихъ глазахъ былъ вотъ еще какой случай исцѣленія. Привелъ какой-то мужичекъ въ Соборъ совершенно согнутую женщину, она не могла даже поднять головы, которая пригнулась къ ногамъ; невозможно было безъ жалости смотрѣть на такое ненормальное положеніе туловища и головы.

Подвелъ ее мужичекъ къ батюшкѣ, батюшка немного нагнулся къ ней и громко сказалъ: «Погляди на меня». Казалось, батюшка требовалъ невозможнаго, потому что все туловище неправильно еросло, и голова не могла подняться.

«Погляди на меня», опять повторилъ батюшка, и что же! больная, какъ бы по дѣйствию какой-то силы, научилась поднимать голову кверху и смотреть на настыря, а онъ нѣсколько разъ благословляетъ ее и отсылаетъ съ миромъ домой.

Еще два или три раза мнѣ пришлось ее видѣть въ Соборѣ, и каждый разъ все больше и больше разгибалась ея сведенные члены, и тѣло приняло, наконецъ, хотя наклонное, но почти нормальное положеніе—приняло человѣчeskій видъ.

Одной больной надо было сдѣлать операцію, такъ какъ у ней была очень опасная внутренняя болѣзнь. Пошла она въ Соборъ къ батюшкѣ попросить его святыхъ мо-

литвѣ, а батюшка прислалъ просфору. И вотъ какъ раз-
сказывала сама больная: «только что я съѣла кусочекъ
просфоры, такъ вдругъ точно что внутри ушло мнѣ въ
ноги, боль утихла, и я стала поправляться»,—Уже доста-
точно окрѣпнувъ, поѣхала она въ Соборъ благодарить
батюшку, а батюшка тутъ же взялъ ее на исповѣдь,
причастилъ Святыхъ Таинъ и больная совершенно вы-
доровѣла.

А то вотъ еще что рассказывали мнѣ: одна еще до-
вольно молодая женщина Зинаида Андреевна была при
смерти: ей надо было сдѣлать операцію, но доктора не
рѣшились, потому что больная была слишкомъ слаба и
не въ состояніи была перенести операціи.

Несчастный мужъ ея приходилъ въ отчаяніе. Господь
видя сжалился надъ нимъ и послалъ исцѣленіе.

Случайно въ это время къ кухаркѣ ихъ Татьянѣ
пришла сестра, которая знала батюшку и всегда бывала
въ Соборѣ.

Узнавъ о тяжкомъ горѣ въ семьѣ, она посоветовала
обратиться къ батюшкѣ и просить его святыхъ молитвъ
и помощи.

Братъ умирающей сейчасъ же поѣхалъ къ батюшкѣ,
который жилъ въ это время на дачѣ.

Батюшка принялъ его, и первыя его слова были: «Какъ
вы узнали обо мнѣ?»

Пріѣхавшій передалъ батюшкѣ, какъ было дѣло и
кто имъ указалъ обратиться къ нему за помощью.

«Ахъ, это Маша» возразилъ пастырь. «Чѣмъ я могу
быть вамъ полезенъ? рассказывайте»—продолжалъ па-
стырь и внимательно выслушалъ все.

Потомъ онъ взялъ два образка: Божіей Матери «Бла-
годатное Небо» и Цѣлителя Пантелеймона и велѣлъ
передать больной.

Наконецъ, подаль ему просфору и сказалъ: «А эту про-
сфору пусть больная скушаетъ». Пріѣхавшій поспѣшилъ
сообщить батюшкѣ, что больная давно уже ничего не
можетъ проглотить. «Ничего, дайте ей кусочекъ про-
сфоры, а потомъ четверть чашки бульону, пусть она под-
крѣпится, а завтра я пріѣду къ вамъ, благословлю
больную».

Взволнованный и радостный уѣхалъ домой посѣтитель.

Узнавъ о скоромъ посѣщеніи батюшки, больная сразу
оживилась, съѣла кусочекъ святой просфоры, выпила
четверть чашки бульону и почувствовала себя гораздо
лучше.

На другой день пріѣхалъ батюшка, прямо прошелъ къ
больной и долго стоялъ молча, около кровати, больная
видѣла, какъ онъ шевелилъ губами и смотрѣлъ на святыя
иконы, прося Господа исцѣлить ее.

Благословивъ и ободривъ больную, батюшка уѣхалъ,
попросивъ ее выпить полчашки бульона и съѣсть кот-
летку.

Больная видимо стала поправляться. Еще разъ ба-
тюшка навѣстилъ ее, послѣ чего она совсѣмъ выздоровѣ-
ла.

Вотъ какія были чудесныя исцѣленія! Развѣ возможно
ихъ все описать и перечислить!

Если батюшка, приобщая ребенка, покрывалъ лицо
его чашей, то это было несомнѣнный знакъ, что ребенокъ
скоро умретъ.

Лаская однажды младенца-дѣвочку, Женю Фролову, батюшка высоко поднялъ ее, какъ бы отдавая ее Господу на небо и сказалъ: «Прощай, дѣточка, молись за меня», и дѣвочка векорѣ неожиданно заболѣла и умерла.

У одной женщины, А. М. Булаткиной, появилась на лицѣ опасная рожа, все лицо превратилось въ опухшую массу. Пошла я къ батюнкѣ и попросила помолиться за нее.

Батюшка далъ мнѣ рубль и сказалъ: «Снеси ей».

Какъ только увидала больная присланный рубль, такъ съ благоговѣніемъ стала цѣловать и прикладывать къ опухшему лицу. Что же! Тутъ же почувствовала она себя гораздо лучше, и черезъ нѣсколько дней рожа безслѣдно прошла.

Вотъ какіе были чудесные случаи исцѣленія. Да развѣ возможно пересказать все, что совершалъ и какъ исцѣлялъ батюшка!

Всѣ духовныя дѣти его, это вѣнецъ его чудесъ и исцѣленій, всѣ они видѣли его чудеса, и рѣдко кто изъ нихъ не былъ вырванъ имъ отъ смерти или опасности.

Приведу и еще нѣсколько случаевъ: у одной духовной дочери батюшки родилась дочка, такая беспокойная, что дни и ночи все кричала.

Нанята была хорошая нянька, которая холила и мыла дѣвочку, но ничто не помогало.

Несчастные родители не знали, что и дѣлать; нѣсколько разъ осматривали они ребенка, боясь, не вошла ли въ его тѣльце игла или булавка, но ничего не замѣчалось, а потому можно представить, какъ велика была горестъ родителей, которые въ сильномъ недоумѣніи не пробовали

многія медицинскія средства облегченія, чтобы усюконтить свое дорогое, такъ давножданное дитя.

Но поленькая, здоровенькая съ виду дѣвочка не вымала никакимъ ласкамъ и заботамъ родителей и такъ сильно, такъ болѣзненно кричала, что доставляла имъ сильнѣйшее душевное страданіе. Что тутъ было дѣлать?

Но великій благодатный пастырь, принявъ подѣ свою спасительную опеку мать, пожелалъ озарить благодатью и новорожденное дитя, чтобы съдѣлать его сосудомъ чистоты и духовнаго, и правдивнаго богатства.

Однажды къ нимъ въ семью явилась посланницей и вѣстницей батюшкиной незначительности и его премудраго умотрѣнія, знакомая ихъ—Еленушка.

«Вы бы снесли ребенка къ батюнкѣ въ храмъ пріобщить его», събынить посоветовать она матери, понимая, что только благодать Божія можетъ помочь здѣсь и остановить такой непонятный, неестественный дѣтскій крикъ и плачь.

«Какъ же это можно, дѣвочка только недавно пріобщалась, зачѣмъ я понесу ее, развѣ можно такъ часто пріобщать ребенка», сердито отвѣтила ей мать, слегка возмущенная такимъ несвоевременнымъ заявленіемъ. Однакоже, ревностная ученица благодатнаго пастыря не унимается: «Ну, что же, что недавно пріобщали, а теперь снесите къ батюнкѣ въ его храмъ и пріобщите тамъ».

Но упрямую натуру матери, еще незнакомой съ благодатнымъ дѣйствіемъ Святѣйнаго Таинства, трудно было сломить.

Прежнія печальныя откуда-то взявшіяся убѣжденія о

нисконности и необходимости рѣдкаго приобщенія такъ глубоко и неосновательно вкоренились во всеѣ словъ обществѣ, что многой борьбы, многихъ тяжкихъ испытаній стоило пастырю переубѣждать людей въ ихъ жалкихъ и неосновательныхъ мысляхъ, насаждая сознание о необходимости для всякой вѣрующей христіанской души какъ можно чаще соединиться съ Сладчайшимъ Господомъ (по Его Святѣйшему непреложному глаголу), въ таинствѣ Святого Причащенія,—что же, можетъ быть, лучше и величественнѣе для человѣка такого высшаго блаженства на землѣ.

Чистосердечно, съ полнѣйшимъ смиреніемъ и раскаяніемъ, должно приступать къ Таинству Исповѣди и къ Святѣйшему Таинству Причащенія, и можно и здѣсь, на землѣ, предвкушать райское наслажденіе,—въ этомъ все наше спасеніе, вся наша отрада, все наше врачевство.

Что можетъ быть выше и дороже сего Преблагостнаго Дара, который святитъ, живитъ и воскрешаетъ грѣховно-испорченную, грѣховно-изломанную душу?

Что можетъ сильнѣе отражать мерзостныя козни лукаваго, который далеко бѣжитъ отъ этой Преблагостной Святыни?

Часто принимать Пречистое Тѣло и Всечестную Кровь Его — это соединиться часто съ Самимъ Сладчайшимъ Спасителемъ, цѣлиться Имъ, освящаться Имъ, вдохновляться Имъ!

Но слѣпой, непросвѣщенный людъ не можетъ понять этого и безжалостно осуждаетъ себя на мракъ и омертвѣлость.

Съ трудомъ удалось терпѣливой Еленушкѣ убѣдить

мать снести ребенка въ церковь къ батюшкѣ, чтобы приобщить его тамъ.

Ребенокъ такъ хорошо, такъ спокойно ведетъ себя, что мать, еще не понимавшая благодати Божіей, поражается этимъ, но все-таки, подходя къ Кресту, говоритъ батюшкѣ: «дѣвочка очень кричитъ у меня, что мнѣ съ ней дѣлать?»—«Приобщайте ее чаще», указываетъ ей пастырь на источникъ духовнаго цѣленія спокойнаго ребенка.

«Какъ же чаще, батюшка, вѣдь полагается чрезъ шесть недѣль, такъ и родители насъ учили, такъ и священники говорятъ».

«Нѣтъ, чаще», возражаетъ ей пастырь. Смущенная мать начинаетъ сбавлять назначенный срокъ и спрашиваетъ батюшку: «черезъ три недѣли?»

«Нѣтъ, чаще», продолжаетъ наставлять ее мудрый пастырь, разбивая ея неправильныя укоренившіяся понятія. «Когда будешь приходить въ церковь, тогда и приобщай ребенка», опредѣленно уже заявляетъ онъ, желая вразумить эту, еще духовно-неопытную женщину, что ея младенецъ, какъ чистое неспорченное существо, можетъ неосужденно принимать Пречистую Кровь Господа.

«Батюшка, да я каждый день буду ходить въ церковь, что же каждый день и приобщать ребенка?» пробуетъ она окончательно добиться толку и узнать, когда же ей приобщать ребенка.

«Вотъ это-то было бы очень хорошо, больше ничего и не нужно», слышатся дивныя пророческія слова пастыря, который на этомъ ребенкѣ показалъ, какъ велико и спасительно частое приобщеніе Святыхъ Таинъ.

Когда дѣвочку принесли домой, она все время спокойно спала, даже не принимала пищи.

Мать опять забеспокоилась, и на другой день утром, видя, что ребенокъ все спитъ, она было побоялась нести спилицую дѣвочку въ церковь, но, вспомнивъ наказъ батюшки, отправилась съ ребенкомъ къ обѣднѣ.

Въ церкви дитя проснулось и тихо приняло Святые Дары, послѣ чего опять заснуло.

Видя, что ребенокъ совсѣмъ пересталъ кричать, сталъ тихимъ и покойнымъ, отецъ съ радостью отпускалъ его въ церковь.

Такая удивительная перемена съ ребенкомъ показала родителямъ, сколь великъ батюшка, сразу остановившій рѣзкій постоянный крикъ младенца и научившій ихъ, какъ цѣлить его Святѣйшей Божественной Пищей.

Итакъ, дѣвочка, по милосердію Божию и по великому пастырскому попеченію, стала каждый день приноситься въ храмъ на батюшкины службы, приступать къ Божественной Трапезѣ, и, такимъ образомъ, она все больше и больше освѣщалась свѣтомъ вѣры и благодати.

Это былъ необыкновенный ребенокъ. Дѣвочка сильно полюбила батюшку, бывало такъ вся и затрепещетъ, когда его увидитъ, и бѣда, если матери не скоро удастся поднести ее къ батюшкѣ, она такъ начнетъ волноваться и беспокоиться, такъ начнетъ приставать къ мамѣ и клонать ее рученкой по щекѣ, что многіе съ удивленіемъ смотрятъ на нее и радуются ея дѣтскому чувству.

Когда же мать подносила ее къ батюшкѣ, то онъ цѣловалъ ее въ лобъ; тогда дѣвочка съ радости начинала прыгать на рукахъ у мамы и клонать рученками.

Это было особенное стремленіе къ благодати, и батюшка разъ за всюнощной дальъ понять матери, что у нея не простое дитя.

Какъ-то П. И. принесла дѣвочку ко всюнощной, вошла въ неповѣдальню и бережно положила ее тамъ. Батюшка во время каждаго по храму взшелъ въ неповѣдальню, подошелъ къ ребенку и нѣсколько разъ произнесъ: «Боже мой, Боже мой», какъ бы призывая этими величественными словами на него благодать Божию, потомъ, обращаясь къ матери, спросила: «Кто это у тебя?»—«Дѣвочка», простоудушно отвѣчала, ничего не называя, женщина.

«Да знаешь ли, кто это у тебя?» продолжалъ знаменательно допрашивать пастырь, какъ бы желая вразумить ее, чтобы она особенно берегла и охраняла своего ребенка.

Отецъ, ради спокойствія и счастья дочери, на все соглашался; видя, что послѣ того, какъ его дочку ежедневно сталъ пріобщать батюшка, она стала тихой, кроткой дѣвочкой, онъ не пренятетвовалъ женѣ возить ее въ церковь даже въ морозъ и въ сильную стужу; только какъ-то разъ, видя, что жена собирается ѣхать съ ребенкомъ въ храмъ, онъ сказалъ ей: «Хоть бы ты одинъ разъ осталась дома, посмотри,—сколько у насъ дѣлъ, одинъ разъ и пропустить можно».

Жена, не желая раздражать своего мужа, согласилась остаться.

Но самъ ребенокъ далъ понять своимъ родителямъ, что нельзя ослушиваться приказанія старца: дѣвочка въ этотъ день по прежнему такъ стала кричать и метаться, такъ измучила своихъ родителей, что мать на-

шлю могла дожидаться слѣдующаго дня, чтобы свезти ее въ церковь.

Это настолько поразило отца, что онъ уже больше никогда не покушался удерживать жену дома, а напротивъ еще самъ посылалъ ее въ Соборъ.

Это дитя было первое, которое стало ежедневно подпускаться батюшкой къ Святой Чашѣ, стало ежедневно оживаться и укрѣпляться небесной благодатью. Благодаря этому великому сладостному обилію благодати, дѣвочка удостоилась послѣ дивныхъ видѣній, неосуществимыхъ и недоступныхъ для простыхъ осуетившихся людей.

Батюшка строго приказывалъ матери, чтобы ребенка не цѣловали въ уста, говоря, что эти уста принимаютъ Святѣйшія Тайны, и не нужно, чтобы кто-нибудь прикасался къ нимъ, потому онъ не велѣлъ кому-нибудь отдавать ее на руки, видимо, онъ готовилъ эту дѣвочку къ Небесному Чертогу Царя Славы, чтобы она полетѣла туда во всей духовной красотѣ.

Это было дитя, испрошенное матерью у Царицы Небесной только на четыре года, по истеченіи которыхъ родители должны были покорно отдать ее на небо, какъ не принадлежавшее имъ сокровище, но родители, страшно любившіе свою дочку, не могли разстаться съ ней.

Назначенные четыре года приходили къ концу. Вдругъ дѣвочку поражаетъ первый ударъ паралича: красивое полное личико вдругъ дѣлается изуродованнымъ, глаза сканчиваются, ротъ тоже, ребенокъ, къ ужасу своихъ родителей, сразу дѣлается несчастнымъ существомъ. Это случилось въ пятницу на Святой недѣлѣ, въ день празднованія Божіей Матери «Живородный Источникъ».

Въ страшномъ испугѣ и отчаяніи, бросается мать къ пастырю и передаетъ ему о своемъ несчастіи. Услыхавъ о такомъ горѣ родителей, батюшка сильно заволновался и велѣлъ П. И. съ ребенкомъ отправиться къ доктору Корнилову, который, осмотрѣвъ дѣвочку, сказалъ, что она не переживетъ этой недѣли: должна умереть или помѣшаться.

Мать въ ужасѣ бѣжитъ къ батюшкѣ и умоляетъ его спасти ребенка, говоря, что и мужъ ея находится въ страшномъ отчаяніи.

«Что вы просите меня, возражаетъ пастырь: Самъ Господь принялъ за ней и беретъ ее къ Себѣ; Онъ потому и послалъ параличъ, чтобы вамъ легче было съ ней разстаться, а то тяжело было бы вамъ, если бы она умерла у васъ такой красавицей».

Но материнская скорбь металась, рыдала и молила батюшку сжалиться надъ ними, несчастными, и упросить Господа оставить имъ ихъ дитя. Батюшка больше ничего не возразилъ, но, видимо, не могъ переносить такого отчаяннаго страданія родителей: онъ сталъ умолять Господа сжалиться надъ ними и не брать къ Себѣ ихъ дитя.

И вотъ дѣвочка видитъ во снѣ дивное видѣніе и рассказываетъ его матери, которая, ничего не понимая, начинаетъ опять умолять батюшку, съ иѣмымъ отчаяніемъ смотря на свою бѣдную больную дѣвочку.

Тогда батюшка, не просивъ у Господа оставленіе дѣвочки на землѣ, говоритъ матери: «Дочь ваша должна была идти на небо, но Господь сжалился надъ вами, поѣзжайте къ прендобному Сергію, тамъ получите она исцѣленіе: мѣняйте три раза ей на день рубанки и

каждый день приобщайте ее». И, действительно, когда дѣвочка приложилась къ благоуханнымъ моцамъ предобраго Сергія, то глаза ея и ротъ установились на мѣсто. Можно понять, что почувствовали скорбныя изнуренныя сердца родителей! Ихъ дорогое, неоцѣненное дитя опять съ ними, опять будетъ утѣшать и радовать ихъ.

Даже отецъ, еще не ходившій къ батюшкѣ, и тотъ возблагодарилъ величайшей благодарностью къ нему за такое дивное ходатайство предъ Богомъ.

Дѣвочка осталась на землѣ; только правая ручка и нога ея были повреждены, такъ что писать и работать она можетъ только лѣвой рукой.

Батюшка сказалъ: «Теперь я на четыре года беру ее на свои руки», и—дѣйствительно, батюшка зорко воспитывалъ ее, постоянно освящалъ ее Таинствомъ Святого Причащенія и часто бралъ ее на руки.

По прошествіи четырехъ лѣтъ онъ какъ бы передалъ ее матери и строго наказывалъ, чтобы она берегла и охраняла дѣвочку. «Какъ я долженъ сохранить епитрахиль, такъ и ты мнѣ, смотри, сохрани дочь, а то будешь отвѣчать за нее»,—строго приказывалъ онъ матери.

Восьми лѣтъ онъ велѣлъ ее учить грамотѣ и передъ началомъ ученія отслужилъ у нихъ на дому молебенъ, испрашивая ей у Господа душевныя и тѣлесныя силы для умственнаго развитія: дѣвочка, по его свѣтымъ молитвамъ, скоро и ловко научилась писать лѣвой рукой и въ короткое время читала очень порядочно.

Батюшка какъ-то пророчески сказалъ матери: «А все-таки она у васъ остается только до совершенныхъ лѣтъ, а тамъ уйдетъ».

Вотъ о какомъ чудесномъ исцѣленіи двухъ хромыхъ женщинъ рассказывала Прасковья Флимоновна: была одна женщина, у которой нога была подогнута, такъ что она ходила на костыляхъ, и вотъ видитъ она во снѣ, что какой-то священникъ отслужилъ ей молебенъ, и молился за нее, и нога ея исцѣлилась. И она долгие годы ходила по всемъ церквамъ и все разыскивала пастыря: видѣннаго ею во снѣ. Приходитъ она въ церковь «Нечаянной Радости» и, къ крайнему восторгу своему, видитъ, что здѣсь служитъ именно тотъ пастырь, который явился къ ней во снѣ и исцѣлилъ ея ногу.

Послѣ молебна она подошла къ батюшкѣ и сказала ему: «я васъ видѣла во снѣ, и вы исцѣлили мою болѣзную ногу», и она стала просить его свѣтлыхъ молитвъ. Тогда батюшка, вставъ передъ образомъ Царицы Небесной, сказалъ ей: «Помолимся», и такъ онъ горячо молился, что даже плакалъ, потомъ сказалъ женщинѣ «дай костыль»; она подала ему. Онъ поставилъ его около образа Царицы Небесной «Нечаянная Радость», и вдругъ женщина чувствуетъ, что кто-то по ногѣ ея такъ сильно ударилъ, что она даже вскрикнула, и при этомъ нога ея опустилась на полъ.

И что же? Женщина чувствуетъ, что нога ея, прежде недвижимая, теперь можетъ становиться на полъ и свободно передвигаться.

Не помня себя отъ радостнаго удивленія, такъ чудесно исцѣленная женщина хочетъ все-таки взять костыль, боясь оступиться, но костыль куда-то исчезъ, и она, заручившись какой-то тоненькой палочкой, свободно, бодро идетъ домой. И съ тѣхъ поръ она совершенно правильно

шли ступать и двигаться, такъ что даже не осталось никакого знака прежней хромоты.

А вотъ и другой случай исцѣленія хромой. Двѣ монахини пришли однажды въ больницу навѣстить одну свою знакомую, а она стала имъ рассказывать, что доктора назначили одной несчастной дѣвушкѣ отнимать ногу. Пришедшія монахини очень пожалѣли дѣвушку и сказали, что ужъ лучше помереть, чѣмъ быть искалѣченной на всю жизнь, и стали уговаривать ее какъ-нибудь уклониться отъ операціи, но больная дѣвушка сказала имъ, что нужно или рѣшиться на операцію или же уходить изъ больницы; но такъ какъ ей некуда было дѣться, то она и должна согласиться на операцію. Тогда сострадательныя посѣтительницы рѣшаются взять ее съ собой въ монастырь, чтобы избавить ее отъ такой ужасной операціи.

И вотъ онѣ все вътроемъ усаживаются въ пролетку извозчика и отправляются въ Вознесенскій монастырь, но по дорогѣ имъ приходится проѣзжать мимо Архангельскаго собора.

Много слыша о чудесныхъ исцѣленіяхъ батюшки, монахини останавливаются около Собора и рѣшаются больницу подвести къ батюшкѣ. Батюшка служилъ въ это время вечерню, и послѣ вечерни народъ сталъ подходить къ кресту прикладываться. И бѣдная дѣвушка съ трудомъ могла стоять, такъ какъ у нея страшно болѣла нога, которую она сильно натрудила, и слезы ручьями лились у нея изъ глазъ. Она подошла на костыляхъ къ кресту, и батюшка сурово обратился къ ней, говоря: «Что это ты шони распустила?» Больная посигѣшила оправдаться

и сказала, что у нея сильно болитъ нога. «Какое мѣсто?» продолжалъ допрашивать благой пастырь. Она показала выше колѣна; тогда онъ три раза сильно ударилъ ее рукой по больному мѣсту и сказалъ: «Неправда, у тебя здѣсь и не болитъ!» и велѣлъ солдату дать ей святого масла.

Прасковья Филимоновна, не понявъ благого дѣйствія пастыря, возронтала въ души на него и подумала: «ишь, вѣдь, какъ батюшка обошелея сурово съ ней, развѣ онъ не видитъ, что она еле жива, да еще какъ ударилъ по больному мѣсту; потомъ, сострадая несчастной, она подошла къ ней и стала разспрашивать: больно ли батюшка ее ударилъ по ногѣ? Но больная однако же съ радостью возвѣстила ей, что, при такомъ рѣзкомъ дѣйствіи пастыря, она не почувствовала никакой боли, напротивъ, ей такъ легко стало на сердцѣ, а то раньше оно сильно замирало. Пришла она въ монастырь, помазала ногу святымъ масломъ, и нога стала крѣпнуть, такъ что черезъ два дня она явилась въ Соборъ уже съ однимъ костылемъ и объявила, что ея рану уже стало затягивать, а черезъ три дня она пришла въ Соборъ совсѣмъ безъ костыля и горячо благодарила дорогого цѣлителя-батюшку; она ходила въ Соборъ недѣли двѣ и такъ какъ она была одинока и не имѣла пріестаница и никакихъ средствъ къ жизни, то батюшка далъ ей два рубля и благословилъ ее торговать деревяннымъ масломъ. Торговли ея пошла очень удачно, такъ что на выручаемыя деньги она могла существовать и кормиться.

Вотъ какъ цѣлилъ, училъ и поддерживалъ насомыхъ забвенный пастырь; вотъ какъ быстро согрѣвалъ онъ

и оживлялъ уже почти совсѣмъ онѣмѣвшіе безжизненные члены, а главное, заботился о томъ, чтобы люди, при неѣхъ своихъ опасныхъ заболѣваніяхъ, прежде всего обращались къ врачевству небеснаго цѣленія и съ чувствомъ смиренія и раскаянія приступали бы къ Святымъ Животворящимъ Тайнамъ. По его горячимъ молитвамъ неѣ, съ вѣрою и благоговѣніемъ приступающіе къ сему Божественному Дару, получали быстрое исцѣленіе. Дочь Прасковьи Филимоновны—Анюту батюшка пожелалъ приобщать каждое воскресенье, а въ дни большихъ праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова, черезъ день,—говоря, что родители въ малолѣтствѣ его заботились, чтобы онъ приобщался каждый день Святыхъ Таинъ.

Однажды Прасковья Филимоновна Григорьева встрѣчаетъ въ Соборѣ свою знакомую и спрашиваетъ ее, почему давно не было видно ее въ церкви, а знакомая рассказываетъ ей, что съ ней сдѣлался параличъ, стнялись рука, нога и языкъ, и она ничего не могла промолвить, и, вотъ, подь самое Рождество во снѣ пришелъ къ ней батюшка, положилъ руку ей на голову и заплъ: «Рождество Твое Христе Боже нашъ» и «Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ», и она стала подѣвать ему, такъ что даже домашніе ея слышали, какъ она плъ ночью, а когда она проснулась, то, къ изумленію родныхъ, вдругъ стала говорить и рассказала объ явленіи къ ней во снѣ батюшки. На другой же день послѣ этого она пошла въ Архангельскій соборъ, чтобы поблагодарить своего чуднаго исцѣлителя.

Одна духовная дочь батюшки, Ольга Ивановна, страдала внутренней болѣзною, она была сильно больна, такъ что

ее даже съ трудомъ поворачивали на простынѣ. Послала она прислугу свою Марфушу къ Соборѣ къ батюшкѣ, чтобы выпрестить у него благословеніе лечь ей въ больницу, но такъ какъ огромная толпа тѣпилась и подходила къ кресту, то она никакъ не могла подойти къ батюшкѣ и вдругъ слышитъ она, что батюшка съ амвона громко говоритъ: «Марфуша, Ольгу Ивановну не надо въ больницу, я завтра самъ къ ней приѣду». Она идетъ и возвѣщаетъ объ этомъ своей хозяйкѣ. Ольга Ивановна жила на Моховой, и вотъ Марфуша на другой день, убирала комнаты, посмотрѣла въ окно и увидала, что ѣдетъ батюшка; она сейчасъ же бросилась сказать Ольгѣ Ивановнѣ, которая, бывши до тѣхъ поръ почти безъ движенія, вдругъ при такой радостной вѣсти поднялась съ подушки, спустила ноги и завернулась въ простыню.

Батюшка вошелъ въ ея комнату, подошелъ къ больной,—благословилъ ее, осмотрѣлъ всѣ реценты и сказалъ: «Да, болѣзнь очень серьезная», потомъ помолился и, обратившись къ Ольгѣ Ивановнѣ, промолвилъ: «приходи въ Соборъ, причастись», послѣ чего батюшка простился со всѣми и уѣхалъ.

На другой день больная дѣйствительно встала и отправилась въ Соборъ, но она еще еле стояла и была безжизненная и желтая, какъ воскъ, а когда приобщилась Святыхъ Таинъ, то стала оживленная, радостная, вернулась домой и даже не легла на постель и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣла.

Дочь Прасковьи Филимоновны, Анюта, четырнадцатилѣтъ сильно захворала горломъ, которое распухло, такъ что она не могла ни дышать, ни говорить. Приняла мать

къ батюшкѣ на домъ на Воздвиженку и сказала, что у дочери сильно захватило горло и что можетъ быть надо пригласить доктора. «Конечно, позовите доктора», посоветовали ей батюшка: «а сначала дайте ей вотъ этотъ апельсинъ». Но Прасковья Филимоновна возразила на это, что она совсѣмъ не можетъ глотать.

Тогда батюшка велѣлъ, по возвращеніи домой, выжать сокъ изъ него на ложечку и дать дѣвчкѣ, потомъ ложку молока, а за докторомъ непременно послать.

Мать такъ и сдѣлала: пришла домой, выжала сокъ изъ апельсина и дала больной. Какъ только дѣвочка проглотила сокъ, такъ вскрикнула и послѣ того выпила ложечку молока. Анисья же—пришедшая знакомая— была послана за докторомъ. Пришелъ докторъ и, осмотрѣвъ горло дѣвочки, обратился къ матери и съ удивленіемъ спросилъ: «Чѣмъ вы прорвали?» Больная стала поправляться. И въ другой разъ Анюта захворала, съ ней сдѣлалась, вѣроятно, скарлатина. Пришла Прасковья Филимоновна къ батюшкѣ, а онъ велѣлъ ей купить карболовой кислоты и вспрыснуть все въ квартирѣ и даже далъ ей двадцать копеекъ, сказавъ: «На, возьми, у тебя нѣтъ», и правда, у нея не было съ собой денегъ. Она купила карболовой кислоты и вспрыснула кругомъ, и больной стало лучше.

У одной женщины, Татьяны Михайловны, былъ въ тѣлѣ блуждающій желвакъ, который какъ-то странно блуждалъ по тѣлу. Ее положили въ больницу; желвакъ появился въ ногѣ выше колѣна, доктора назначили сдѣлать ей операцію.

Явились они на операцію осматривать больную, а желвакъ исчезъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ оказался въ другомъ мѣстѣ, опять назначена была операція, опять явились врачи, а желвакъ, какъ бы пенулавшись такого дерзкаго покушенія на его свободу и самостоятельность, вновь скрылся подальше, и такъ много времени мучилъ онъ ее, операція не пришлось дѣлать и Татьяна Михайловна должна была выписаться изъ больницы. Она сняла комнату у Прасковьи Филимоновны, которая первымъ дѣломъ посоветовала ей приобщиться Святыхъ Таинъ. Но духовно-неразвигая женщина все отговаривалась и не слушала благого совѣта.

Наступила Великая пятница. Прасковья Филимоновна уже окончательно пристала къ ней, чтобы она вмѣстѣ съ ней пошла въ церковь и исповѣдывалась у батюшки.

Чтобы какъ-нибудь избавиться отъ надоѣдливыхъ представаній, Татьяна Михайловна согласилась пойти въ церковь, но сама же (какъ послѣ призналась) рассчитывала какъ-нибудь ускользнуть изъ церкви и вернуться домой.

Однакоже, мудрый пастырь распорядился иначе: онъ явился на помощь Прасковѣ Филимоновнѣ.

Едва только она взяла свою непокорную знакомую въ церковь и подвела къ неовѣдалищѣ, какъ вдругъ около нихъ очутился батюшка и указывая на Т. М., сказалъ: «Дайте мнѣ эту душевно-больную».

Прятаться и бѣжать было некуда, и она волей-неволей пошла исповѣдываться.

Батюшка велѣлъ ей чаще приобщаться Святыхъ Таинъ, и она при такомъ благодатномъ освященіи сначала физически, а потомъ и духовно стала возрастать и укрѣпляться. Прежде, временами, она ходила совсѣмъ согнутая,

такъ какъ желвакъ вступалъ ей въ спину, а при частомъ приобщеніи Святыхъ Таинъ она совсѣмъ перестала чувствовать боль, ходила бодрая и прямая и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣла; желвакъ исчезъ, и она стала крѣпкой и идоровой.

Вотъ что сообщила о великой помощи благого пастыря Екатерина Ниловна Быкова.

Мужъ ея, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Быковъ, пилъ запоемъ, сама же она знала батюшку и высоко чтила его и скорбя объ ужасномъ состояніи мужа своего, обратилась какъ-то къ батюшкѣ и стала просить его помолиться за ея мужа, но пастырь строго крикнулъ на нее: «Сама спасайся!»

Однако же, настрадавшаяся женщина не унимается; она не обижается гнѣвному оклику батюшки; она понимаетъ, что любвеобильный пастырь не можетъ отвергнуть измученное сердце, если оно съ вѣрой и горячей мольбой прибѣгаетъ къ нему, а потому вторично умоляетъ батюшку сжалиться надъ ея мужемъ и спасти его.

Такая искренняя, смиренная скорбь, такая неустанная просьба трогаетъ пастыря; съ лаской и съ нѣжностью онъ принимаетъ неутѣшную мольбу и озаряетъ истомленную женщину лучами своего благодатнаго свѣта.

«Дѣточка», кротко, радостно ласкаетъ онъ ее: «хорошо, помолюсь».

И вотъ мужъ ея, пропадавшій пять дней, пришелъ домой и вдругъ самъ сказалъ: «я пойду въ соборъ, хоть около дверей стою». Можно ли было повѣрить, что этотъ несчастный алкоголикъ, которой дни и ночи проводилъ въ буйствѣ и въ ньянствѣ, вдругъ самъ пожелалъ идти въ храмъ Божій!..

Такая переменна неостыжима была простому разуму, но она глубоко понималась вѣрующей скорбящей душой жены.

Да, эта простая, незначащая женщина удостоилась видѣть такое всеблагое милосердіе Божіе, которое, по молитвамъ достойнаго пастыря, сразу вырвало погибающую душу грѣшника изъ тонкой всасывающей пучины: несчастный, распятый, развинченный больной человѣкъ быстро приводится въ здоровое, осмысленное состояніе.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ останавливается у дверей храма, а жена входитъ во храмъ и молится. Шла всенощная. Екатерина Ниловна подошла къ св. Евангелію, приложилась и сказала батюшкѣ, что пришелъ ся мужъ. «Пойди, скажи ему, чтобы онъ подошелъ ко мнѣ, я желаю съ нимъ познакомиться», любяще обратился къ ней пастырь.

Обрадованная женщина спѣшитъ сообщить объ этомъ мужу, но онъ не соглашается подойти къ батюшкѣ, такъ какъ прежняя пагубная жизнь оставила на немъ неизгладимый слѣдъ и онъ боялся подойти къ благодатному пастырю.

И, вотъ, пока жена убѣждала и уговаривала мужа, все уже подошли къ Евангелію, а батюшка все стоялъ и дожидался его.

Батюшка великій, праведный, дивный старецъ стоялъ и дожидался,—кого же? Ничтожнаго, заблуднаго человѣка, всего загрязненнаго, всего пропитаннаго губительнымъ зельемъ!

Вотъ до чего доходила ангельская любовь пастыря! вотъ до чего простиралось его великое милосердіе къ несчаст-

шамъ, грѣшнымъ, заблудшимъ людямъ! Онъ не гнушался грязи, порочности, онъ звалъ ее, просилъ, ждалъ!

Да, незабвенный, благостный пастырь! Онъ, великій мужитель храма, стоялъ среди его и ждалъ ничтожнаго, послѣдняго раба.

Наконецъ, удалось женѣ почти насильно подвести мужа къ батюшкѣ.

Пастырь съ любовію принимаетъ его къ себѣ.—Онъ подводитъ его къ мощамъ Дмитрія Царевича, около которыхъ встрѣтилъ грѣшника, долго, пламенно молится, потомъ идетъ къ Чудотворному Образу Владычицы — «Благодатное Небо», наконецъ, къ мощамъ князя Михаила и боярина Θεодора, Черниговскихъ Чудотворцевъ, все время читаетъ надъ грѣшникомъ молитвы, призывая благодать Божию, всеисцѣляющую и всеукрѣпляющую.

Потомъ, благословивъ его, уходитъ въ алтарь. Когда же Ек. Нил. подошла къ батюшкѣ поблагодарить за мужа, то батюшка сказала: «Аминь» и велѣлъ ей прийти на другой день, говоря, что пошлетъ ея мужу просфору.

На другой день батюшка дѣйствительно послала просфору. Оед. Оед. съ тѣхъ поръ не сталъ брать въ ротъ вина, пересталъ даже курить.

Жена не знала, какъ и благодарить благого пастыря и сказала ему: «батюшка, онъ не сталъ совѣмъ пить и даже не курить теперь».

Но провидецъ-батюшка отвѣтилъ ей: «Вина-то онъ не станетъ пить, а курить-то будетъ». И дѣйствительно онъ послѣ сталъ курить.

Оправивъ и укрѣпивъ такимъ образомъ несчастнаго, едва не погибшаго, человѣка, батюшка повелъ его даль-

ше по пути вѣры и исправленной нравственности. Онъ устроилъ его управляющимъ къ Н. Гр. Вельтищевой

Такая трудная отвѣтственная должность сильно испугала неумѣлаго и малограмотнаго человѣка, но батюшка благословилъ его, сказавъ:—«Со Христомъ ничего». Пастырю нужна была его честность и добросовѣтность, а дальше онъ благодатно могъ и неумѣлаго, неразвитаго человѣка поставить въ должныя рамки умѣнія и порядка.

Неученый, малоопытный человѣкъ дѣйствительно пришелъ къ мѣсту, сдѣлался вполне пригоднымъ, дѣльнымъ управляющимъ, такъ что даже архитекторъ поражаемаго его толковому, правильному наблюденію за всѣмъ, его основательной дѣятельности и спрашивалъ его: «не въ Техническомъ ли училищѣ онъ окончилъ?» Потомъ, когда домъ перешелъ въ другія руки, батюшка устроилъ его надсмотрщикомъ къ княгинѣ Н. В. Шаховской, гдѣ онъ и прожилъ до конца своей жизни.

Приведу и еще одинъ случай, о которомъ рассказывала М. З. З.

Въ молодости она десять лѣтъ сильно хворала: у нея было пораженіе легкихъ и разстройство первой системы; она лѣчилась, но здоровье ея не поправлялось, а все больше и больше слабѣло, такъ что стала идти кровь гортанию, но Сама Владычица «Взысканіе погибшихъ» помогла ей и простерла Свою дивную помощь; она стала поправляться и немного окрѣпла силами.

Дочь ея, Варя, на второмъ году стала говорить, но Господу угодно было послать великое испытаніе несчастной матери: дѣвочка сдѣлалась глухонѣмой. И когда ей исполнилось семь лѣтъ, то мать отдала ее въ училище

для глухонѣмыхъ, но сама все-таки часто была больна, и вотъ тутъ-то М. З. случайно попала въ Соборъ и узнала батюшку: Господь сжалился надъ несчастной женщиной и послалъ ей пастыря, который своею благодатью сталъ озарять ее и направлять къ пристани спасенія. Дѣвочка стала понемногу привыкать къ ученію, но здоровье ея тоже было очень плохо, такъ что батюшка велѣлъ взять ее изъ училища.

Перваго февр. М. З. въ первый разъ пришла къ батюшкѣ на исповѣдь и онъ сказалъ ей: «Трифонъ мученикъ поможетъ».

Ей стало лучше, уже не было такой изнурительной слабости, какъ прежде; во второй разъ попала она на исповѣдь наканунѣ Николина дня и послѣ приобщенія Святыхъ Танинъ она совсѣмъ исцѣлилась и окрѣпла силами и стала быстро ходить, тогда какъ прежде доктора не позволяли ей этого, теперь же она цѣлыми днями бывала на ногахъ и не чувствовала никакой усталости. Вотъ какъ быстро поднялъ ее дорогой цѣлитель-батюшка!

Мужъ ея Петръ прежде пилъ запоемъ.—Сокрушаясь о такомъ горестномъ состояніи своего мужа, М. З. убѣждала его пойти къ батюшкѣ, но сколько она ни звала его, онъ и слушать не хотѣлъ, говоря: «и въ нашемъ приходѣ есть священникъ, зачѣмъ я пойду въ Соборъ».

Такъ три года ничего не могла сдѣлать съ нимъ несчастная женщина; это были такіе ужасные томительныя для нея годы, что она и вспомнить не можетъ о нихъ.

Чтобы возбудить въ пей горячность молитвы за мужа, батюшка наложилъ на нее продолжительную энтимию, почти не подпускалъ къ себѣ, строго держалъ вдали, а

это было ужаснѣе всего. Немилость пастыря доставляла всегда человѣку такое ужасное душевное страданіе, что невозможно и передать этого. Три года молилась несчастная женщина, изнывая въ тяжелой скорби, наконецъ душевный карантинъ окончился, милосердіе Божіе пролилось на М. З.

Батюшка, видя чистосердечное сокрушеніе ея о мужѣ, умолилъ Господа и его принять въ число достойныхъ чадъ Своей Церкви: тяжелое трехлѣтнее испытаніе окончилось и принесло желанную радость: мужъ ея озарился свѣтомъ вѣры и вступилъ въ духовное стадо благодатнаго пастыря.

Это случилось такъ: въ концѣ трехлѣтняго тяжкаго искуса М. З. подходитъ къ батюшкѣ около мощей Черниговскихъ Чудотворцевъ—князя Михаила и боярина его Осодора,—подастъ ему записку о мужѣ и три рубля денегъ. Батюшка не беретъ ни записки, ни денегъ, но видимо смягчается и уже не такъ порывисто—строго отно-сится къ ней.

Мужъ ея внезапно заболѣлъ: у него опухли и закрылись глаза, такъ, что онъ ничего не видѣлъ, съ нимъ сдѣлался сильный жаръ. М. З. идетъ въ Соборъ, молится за мужа, беретъ святой воды и приноситъ домой. Когда она омочила святой водой глаза больного мужа, то у него сейчасъ же открылся одинъ глазъ, а черезъ нѣсколько времени и другой, и онъ быстро выздоравливаетъ.

Такое чудесное исцѣленіе сильно подѣйствовало на него и видимо послужило для него спасительнымъ толчкомъ, такъ что онъ наканунѣ двадцать второго октября пошелъ въ Соборъ ко всепощной и получилъ благословеніе отъ

батюшки, а двадцать второго октября, въ день празднованія Казанской Божіей Матери, онъ опять пошелъ въ Соборъ, батюшка исповѣдывалъ его около жертвенника и сказалъ ему: «Оставимъ вино, оставимъ пиво, оставимъ паширосы курить»; для закрѣпленія такого великаго благостнаго рѣшенія батюшка сказалъ ему: «Давай помолимся», и сталъ возносить горячую молитву о вновь обращенномъ на путь истины и спасенія грѣшникѣ.

Велика, горяча, благодатна была молитва праведника о заблудшей овцѣ, потому что—Петръ Петровичъ (такъ звали мужа М. З.) съ того времени до самой смерти своей не взялъ въ ротъ ни спиртныхъ напитковъ, ни паширосъ.

Вотъ какъ спасительно могъ дѣйствовать пастырь на людей: давъ имъ нѣкоторое время пострадать для укрѣпленія ихъ вѣры и молитвы, онъ зато озарялъ ихъ такимъ яркимъ свѣтомъ своей благодати, что они навсегда уже укрѣплялись въ своемъ радостномъ, благодатномъ состояніи; все приготовлялось долгимъ продолжительнымъ терпѣніемъ, долгими, горячими молитвенными рыданіями изнывающей скорби, но зато увеличивалось неописаннымъ восторгомъ удовлетворенной мольбы и обращенія ко Господу, высшимъ чувствомъ безпредѣльной благодарности къ пастырю, благоговѣйнымъ преклоненіемъ передъ его величіемъ, передъ его безграничной любовью къ ближнимъ и тѣмъ навсегда приводило къ его стопамъ.

Однажды у Маріи Гавриловны Мѣнковой сильно заболѣли бокъ и грудь; такія поднялись колики, что она не могла дышать, всю ночь на крикъ кричала и вся почернѣла. Съ великимъ трудомъ собралась она утромъ и

пошла въ Соборъ, чтобы попросить у батюшки благословенія лечь въ больницу. Пошла она изъ дома и сначала хозяйкѣ, что отправляется въ больницу, такъ она дѣйствительно думала прямо изъ Собора отправиться туда.

Пришла она въ Соборъ, села на ступени; батюшка былъ на амвоиѣ, обернулся онъ, посмотрѣлъ на нее и махнулъ ей идти къ образу Василия Великаго, что около сѣверныхъ дверей; встала она, пошла, приложилась и хотѣла уже сходить съ амвона, вдругъ выскочилъ батюшка, всё бросилъ къ нему, онъ строго приказалъ имъ всѣмъ сойти, а Марью Гавриловну взять за руку и поставилъ передъ аналоемъ. Смущенная М. Г. сообщила батюшкѣ, что она совѣмъ и не готовилась къ послѣдствію, ѣла вчера мясо; тогда батюшка отвѣтилъ ей: «Я тебя не спрашиваю, что было вчера, я знаю, что нужно тебѣ сегодня», потомъ прочелъ ей разрѣшительную молитву и велѣлъ положить три земные поклона.

Приобщила она Святыхъ Таинъ, боль быстро прошла; ночью она не могла даже пошевеливаться, а теперь свободно двигалась и легко дошла домой.

Хозяйка, видя ее совѣмъ здоровою и счастливою, стала спрашивать ее: «откуда она пришла», подумавшая, какъ могла совершиться съ ней такая дивная перемѣна.—Марія Гавриловна сообщила ей, что она причащалась въ Соборѣ у батюшки, и съ тѣхъ поръ колотыя совѣмъ прошли и боль не возобновилась.

Анатолій Гавриловичъ Князевъ рассказываетъ, что ихъ двухъ-недѣльная дѣвочка Леночка однажды начала худѣть, такъ что остались почти одніе косточки, которые собирались и прыгали какъ бы въ широкомъ мѣшечкѣ,

тѣлице почти все истлѣло отъ тяжелаго опаснаго недуга. Горестные родители, видя близкій конецъ, написали батюшкѣ письмо и просили его помолиться, чтобы Господь исцѣлилъ ихъ умирающую дѣвочку.

Проходить недѣля, ребенку становится все хуже, отъѣта отъ батюшки нѣтъ никакого; наконецъ, несчастные родители видятъ, что ихъ дорогая неоцѣненная дѣточка видимо кончается, холодѣетъ; они бережно кладутъ ее на столъ, зажигаютъ восковую свѣчу, ожидая, что скоро ангельская душа отлетитъ ко Господу. Однакоже, яркій лучъ надежды на батюшку еще горитъ въ ихъ измученныхъ сердцахъ, и всю ночь проводятъ они въ томительномъ ожиданіи среди безнадежной горести разлуки и радостнаго блаженнаго исцѣленія.

Проходить ночь, вдругъ получается письмо отъ батюшки. Въ трепетномъ страхѣ распечатываютъ они его и читаютъ дорогія незабвенныя строки своего ангелхранителя батюшки: «Радуюсь вашему счастью, молюсь за всю вашу семью».

Такія знаменательныя благодатныя слова драгоценнаго цѣлителя-батюшки, разомъ воскрешаютъ ихъ упавшее упованіе, и что же? Эта радостная вѣсть какъ бы подлетаетъ и къ младенцу, будитъ его отъ сна смерти, радостно призывая къ жизни; дѣвочка чудесно исцѣляется и тѣмъ приводитъ въ неописуемый радостный трепетъ изстрадавшихся, измученныхъ родителей.

Матрена Михайловна Гостева или болящая Матрена, какъ называлъ ее всегда батюшка, сильно хворала все время, такъ что дошла до полнѣйшаго слабосилія и истощенія организма.

Къ довершенію горя, у ней открылась бессонница, она такъ ослабла нервами, что стала всего бояться. Узнала она батюшку въ 1894 г., когда онъ служилъ въ Соборѣ.— Пришла она разъ въ Соборъ за вечерню, отстояла вечерню, послѣ которой батюшка сталъ читать акаанетъ Царицѣ Небесной «Благодатное Небо». По окончаніи службы всѣ стали подходить къ батюшкѣ подѣ благословеніе, подошла и М. М. и стала проситься у батюшки позволить прийти ей къ нему на исповѣдь.

«Зачѣмъ тебѣ?» спросилъ ее пастырь. «Для здоровья», отвѣтила ему М. М. Онъ позволилъ ей на завтра прийти къ нему на исповѣдь.

На другой день онъ, дѣйствительно, взялъ ее исповѣдовать, при чемъ самъ назвалъ ее имя, а когда она подошла къ Святой Чашѣ, то онъ громко сказалъ: «Болящая Матрена причащается»; съ тѣхъ поръ она стала чувствовать себя лучше и лучше, боязни какъ и не бывало, явился хорошій сонъ и аппетитъ. Матрена Михайловна быстро окрѣпла силами и перестала лѣчиться, тогда какъ до батюшки ходила по разнымъ лѣчебницамъ, много потратила денегъ на докторовъ. Она и послѣ своего чудеснаго исцѣленія нѣсколько разъ прихварывала, но всякій разъ выздоравливала по молитвамъ дорогаго пастыря, даже и теперь, послѣ его кончины, чувствуетъ на себѣ великую цѣлительную помощь благого пастыря, потому что стоитъ ей только съ усердіемъ и съ любовью обратиться къ дорогому своему незабвенному хранителю-батюшкѣ, какъ онъ сейчасъ же отзывается на ея просьбу и является къ ней на помощь.

Три года болѣли у Ольги Егоровны Игнатьевой зубы,

она сильно мучилась, потомъ пришла къ батюшкѣ, а онъ тронулъ ее рукой за больную щеку, и зубная боль прекратилась.

Сынъ ея Константинъ любилъ ѣздить въ Останкино, тамъ останавливался у одной старушки и часто отправлялся на охоту. Въ одно время его нашли несчастно скончавшимся въ лѣсу. Сострадательная старушка похоронила его и съ честью проводила на кладбище. Матери же никто не далъ знать о его смерти, только разъ, во время молебна батюшка вдругъ беретъ чью-то записку и возглашаетъ: «А эта записка о новопреставленномъ Константинѣ, чья она?» Это именно и было въ то время, когда онъ скончался; такимъ образомъ, прудрый пастырь хотѣлъ дать понять Ольгѣ Егоровнѣ о постигшемъ ее несчастіи.

Но она не догадалась и ничего не подозрѣвала о смерти сына.

И вотъ черезъ недѣлю послѣ его кончины, во время панихиды, кто-то сообщаетъ Ольгѣ Егоровнѣ о смерти ее сына.—Съ ужаснымъ крикомъ отчаянія бросается она къ батюшкѣ со словами: «мой сынъ погибъ».—«Нѣтъ, строго останавливаетъ ее пастырь,—онъ не погибъ, а несчастно скончался». Потомъ обращается ко всѣмъ присутствующимъ, просить ихъ встать на колѣни и помолиться о новопреставленномъ Константинѣ; всѣ усердно молятся, самъ батюшка колѣнопреклонно возноситъ за него горячее моленіе къ Господу.

Однакоже, несчастная мать, въ порывѣ ужаснаго горя, хочетъ извести себя голодомъ, съ ней дѣлается нѣчто въ родѣ припадка безумія. И вотъ ужасное горе водво-

яется въ семьѣ, отецъ и дочь не знаютъ, какъ успокоить страдалицу-женщину; страшное неразумное намѣреніе могло бы осуществиться и привести несчастную къ гибели, если бы не ангельское любвеобиліе батюшки, который разсѣкаетъ висящій Дамокловъ мечъ и приводитъ смятенную душу несчастной женщины въ нормальное состояніе.

Къ ней приходитъ отъ батюшки старушка Александрушка съ просфорой и говоритъ, что батюшка прислалъ ей просфору и проситъ съѣсть ее. Но отуманенная горемъ Ольга Егоровна съ сердцемъ отстраняетъ присланное и твердо стоитъ на своемъ ужасномъ планѣ. Однако же, вѣрная посланница настойчиво заявляетъ, что она до тѣхъ поръ не уйдетъ, пока не исполнитъ возложеннаго на нее порученія.—Начинается долгая, упорная борьба. Молитвы праведника сламливаютъ рѣшимость матери, она беретъ просфору и проглатываетъ кусочекъ. Послѣ такой продолжительной голодовки, желудокъ плохо принимаетъ пищу, происходитъ сильная боль.

Александрушка ежедневно появляется отъ пастыря, который понемногу начинаетъ вытаскивать изъ мучины погибающую душу.

Укрѣпивъ святой просфорой духовно-страждущую женщину, батюшка призываетъ ее къ себѣ на исповѣдь, при чемъ снисходительно объявляетъ ей, что сынъ ея не погибъ, а явился мученикомъ. Потомъ батюшка началъ объяснять ей слѣдующее: «Такъ какъ я половину твоего креста взялъ на себя, то я могъ бы умереть или мужъ твой, но все это перенло на твоего сына, который, такимъ образомъ, явился мученикомъ за семью, а потому по-

страдалъ невинно». Эти основательные, успокоительные доводы живительнымъ бальзамомъ отрезвили ея измученную душу, направивъ на возделѣнный путь духовнаго успокоенія. Она вполне этимъ вразумляется, начинаетъ вести правильный образъ жизни подъ руководствомъ благого пастыря.

Папа Кузьминскій будучи мальчикомъ, однажды сильно испугался кошки, которая бросилась въ форточку окна и отъ испуга онѣмѣлъ,—можно представить скорбь родителей!

Родственница ихъ обратилась къ батюшкѣ и попросила его помолиться за мальчика. Батюшка велѣлъ привести его въ Соборъ. Когда его стали будить, чтобы собираться къ обѣднѣ, то онъ вдругъ, будучи долгое время нѣмымъ, воскликнулъ: «Куда? къ батюшкѣ» и послушно сталъ одѣваться.

Батюшка пріобщилъ его Святыхъ Тиннъ; мальчикъ сталъ говорить довольно хорошо и свободно, только во время испуга или волненія онъ немного заикался. И вотъ мальчика стали готовить къ экзамену. Пошелъ онъ на экзамень, но отъ волненія онъ сталъ сильно заикаться и не удовлетворилъ экзаменатора.—Это было передано батюшкѣ, который позвалъ его на домъ къ себѣ, все лагаль его и разспрашивалъ, по какимъ предметамъ Папа держалъ экзамень и, отпуская его отъ себя, успокоительно сказалъ: «Богъ дастъ, выдержимъ». И дѣйствительно, Папа вскорѣ отлично выдержалъ экзамень и больше совсѣмъ уже не заикался.—Онъ окончилъ курсъ наукъ и теперь служитъ въ Государственномъ банкѣ.

Сестра его Соня Кузьминская долго не начинала хо-

дить. Крестная мама, знающая батюшку, привезла ее на домъ къ нему и горячо просила его помолиться за дѣвочку, жалуясь ему, что она такъ долго не ходитъ.

Батюшка, видя дѣвочку слабенькой и худенькой, съ жалостью промолвилъ: «Кому и ходить-то» и благословилъ ее. Что же! Дѣвочка стала послѣ того ходить, теперь растетъ крѣпенькой и здоровой.

Дѣвочка Люба Мизикина два раза была опасно больна: въ первый разъ у нея сдѣлалось осложненное воспаление легкихъ, влѣдствіе простуды послѣ кори.

Позванъ былъ лучший докторъ, но онъ, къ прискорбію родителей, не могъ успокоить страданія умирающей дѣвочки, которая металась и бредила въ страшномъ жару.

Идутъ къ батюшкѣ, просить его святыхъ молитвъ; онъ посылаетъ ей пузырекъ со святой водой и наказываетъ дать больной.

Какъ только воспаленная, умирающая дѣвочка выпила нѣсколько капель святой воды, то сразу успокоилась и тихо заснула. Это было началомъ ея чудеснаго выздоровленія; потомъ она скоро поправилась и забѣгала шустрими, бойкими пожатками, заставляя своимъ чудеснымъ исцѣленіемъ часть родителей передъ батюшкой съ искренними, благодарными слезами благоговѣйнаго умиленія.

Послѣ того съ ней какъ-то сдѣлалось опасное кишечное заболѣваніе. Паскоро приглашенный докторъ не помялъ болѣзни и успилъ ее согрѣвательными компрессами.

Бросились къ батюшкѣ, который сейчасъ же велѣлъ перемѣнить доктора.—Обратились къ профессору Гольдъ,

который круто повернулъ лѣчение: онъ велѣлъ приклады-
вать ледъ къ тѣлу больной, но болѣзнь все-таки усили-
лась. Мать въ горести не знала за что хватиться: ба-
тюшка видимо готовилъ хорошаго вѣрующаго ребенка
къ лучшей блаженной жизни.

Но развѣ могъ любящій, жалостливый пастырь устоять
предъ рыданіями несчастнаго отца, который съ пылкой
тѣрой въ милосердіе Божіе просилъ пастыря помолиться
и спасти его умирающую дѣвочку.—Батюшка, глубоко
любя отца, сталъ ходатайствовать передъ Господомъ объ
исцѣленіи его больной дочери.

И что же? Несмотря на ужасные симптомы болѣзни,
несмотря на несомнѣнные признаки приближенія пе-
чальнаго конца, дѣвочка, послѣ тяжкаго кризиса бо-
лѣзни начинаетъ выздоравливать и тѣмъ приводитъ въ
крайнее изумленіе даже доктора, который совсѣмъ не
разсчитывалъ на выздоровленіе и незадолго передъ этимъ
привезъ даже шприцъ отцу и научилъ, какъ имъ дѣй-
ствовать, въ случаѣ сильныхъ предсмертныхъ страданій
дѣвочки.

Всѣ эти приготовленія къ несомнѣнной печальной
развязкѣ доставляли, конечно, несчастнымъ родителямъ
страшную муку, а потому можно понять, какъ возникли
они, какъ возблагодарили они Господа за чудесное исцѣ-
леніе ихъ дочери по молитвамъ дивнаго пастыря.

Вотъ что рассказывала Матрена Арефьевна Шкадрова:
однажды у мужа ея Оседора Дмитріевича на лѣвой сторонѣ
горла вдругъ появилась внутренняя шишка — наростъ,
которая стала сильно давить на горло, такъ что онъ го-
ворилъ женѣ, что еще немного, и онъ можетъ умереть.

Она посоветовала ему сходить приобщиться у батюшки.
Оседоръ Дмитріевичъ послушался жены, и во время
исповѣди батюшка одной рукой оперся ему въ правое
плечо, а другой сталъ растирать его шишку. Поражен-
ный О. Д. не понимаетъ, къ чему это дѣлаетъ пастырь,
и не догадывается о его благодатномъ врачевствѣ. Приоб-
щается онъ Святыхъ Танихъ; послѣ того шишка его
мало-по-малу исчезаетъ. Умиленные супруги не знаютъ,
какъ и благодарить своего незабвеннаго цѣлителя-ба-
тюшку.

Потомъ какъ-то разболѣлся у него правый глазъ.—
Приказчики магазина, гдѣ онъ служилъ, совѣтуютъ ему
сходить въ глазную больницу, говоря, что онъ долженъ
заняться этимъ, а то можетъ остаться безъ глаза.

Приходитъ онъ домой и сообщаетъ женѣ о вполне
основательномъ совѣтѣ сострадательныхъ сотоварищей,
но жена его оказывается болѣе разумной совѣтницей, она
указываетъ ему на единственное надежное врачевство—
приобщеніе Святыхъ Танихъ.

Мужъ слушается ея и идетъ къ батюшкѣ. Батюшка
исповѣдуетъ его съ вечера, а на другой день приобщаетъ
его Пречистыхъ Животворящихъ Танихъ, притомъ по его
благому устроенію мужъ и жена вмѣстѣ подходятъ къ
Святой Танѣ. Великій пастырь обращается къ Матренѣ
Арефьевнѣ и, показывая на мужа ея, говоритъ: «Сведите
его въ глазную лѣчебницу, а то онъ можетъ остаться
безъ глаза»,—дословно повторяетъ недавній совѣтъ его
сослуживцевъ.

Но крѣпкая вѣрой, въ чудодѣйственную силу Святого
Танства Приобщенія, Матрена Арефьевна понимаетъ,

что это величайшее Таинство несравненно выше и дороже для человека всех лекарств, и по его воле Господь посылает исцеление его мужу... «По воле вашей да будет вамъ». Въ воскресенье онъ причащался Святыхъ Таинъ, а въ понедѣльникъ пошелъ на службу съ обоими здоровыми глазами, при чемъ пораженные, такимъ быстрымъ выздоровленіемъ, приказчики начинаютъ спрашивать его: у кого онъ лечился? «Меня лечилъ очень хорошій докторъ, который сразу мнѣ помогъ», отвѣчалъ уклончиво, но вполне правдиво, спрощенный Федоръ Дмитріевичъ, понимая, что узкому недуховному круговору его сотоварищей все равно не понять величія его исцеленія.

Мальчикъ Алексѣй Булаткинъ заболѣлъ дифтеритомъ; мать бросилась на домъ къ батюнкѣ, но такъ какъ батюшка въ то время жилъ на дачѣ, то вышедшая няня успокоила взволнованную женщину и сказала, что она пошлетъ ему телеграмму, но духовное сообщеніе съ батюшкой не нуждалось ни въ какихъ телеграммахъ, быстро долетѣла до него вѣсть объ опасной болѣзни мальчика, быстро сталъ онъ спрашивать у Господа ему исцеленія, такъ что, когда мать возвратилась домой, то она застала сына уже сидящимъ на постелькѣ, совсѣмъ почти здоровымъ и веселымъ.

Одна изъ духовныхъ дочерей батюшки, старушка Александрушка, опасно заболѣла; почувствовавъ свой смертный часъ, просила она передать объ этомъ батюшкѣ; батюшка прислалъ ей сказать, что самъ придетъ причастить ее. Приѣхавъ онъ, тутъ присутствовали двѣ его духовныя дочери: Пелагея Алексѣевна и

Анна Сергѣевна. Всталъ батюшка около постели и началъ такъ горячо молиться объ ея исцеленіи, что слезы ручьями текли изъ его глазъ. Приобщилъ онъ Александрушку Святыхъ Таинъ. Когда присутствующія подошли къ батюшкѣ поды благословеніе и спросили о больной, батюшка возразилъ: «Она назначена была идти ко Господу, но я вымолилъ ее у Господа, а вмѣсто нея отдамъ Господу Матрешу, дочь Прасковьи Васильевны». Все были въ недоумѣніи, слыша такія дерзновенныя слова пастыря. Прощаясь съ Александрушкой, батюшка сказалъ: «Ну, Александра, ты должна была умереть, но я выпросилъ тебя у Господа, потому что ты мнѣ нужна и другимъ нужна, а вмѣсто тебя я обѣщался отдать Господу Матрешу, дочь Прасковьи Васильевны».

Александрушка стала поправляться, и въ восторженномъ недоумѣніи размышляла о величій и праведности пастыря, который имѣлъ такое дерзновеніе передъ Владыкой, что могъ спрашивать у Него жизнь и здравіе однимъ и вмѣсто нихъ отдавать Господу другихъ.

Передъ этимъ только приходила навѣстить Александрушку Матрена съ матерью. Матрена была совершенно здорова и нельзя было думать о ея смерти. Что же! Черезъ недѣлю опять приѣзжаетъ батюшка причащать Александрушку и говоритъ: «ну, Александра, ты теперь выздоравливаешь, а вотъ отъ тебя я поѣду къ Матрешѣ, она больна, и ѣду напутствовать ее къ смерти, ты остаешься на землѣ, а я обѣщалъ ее отдать за тебя Господу». Дѣйствительно, Матрена въ непродолжительномъ времени скончалась.

Вотъ какъ духовно величествененъ и силенъ быть

пашь дорогой пастырь, все могъ онъ выпросить у Господа. Развѣ это не великое чудо: поднимать съ одра смерти человѣка и вмѣсто него отдавать Господу другого, менѣе полезнаго и пригоднаго къ жизненной дѣятельности?

Александрюшка осталась жить и утѣшать духовныхъ чадъ пастыря, потому что онъ всюду разсылалъ ее по больнымъ, несчастнымъ, скорбящимъ со словами привѣта, отрады и облегченія.

Вотъ умираетъ сынъ несчастной матери, сама она въ тяжкомъ горѣ душевнаго страданія, измученная безсонными долгими ночами, постоянными муками среди надежды и отчаянія, сама больная, ослабла. Кто успокоитъ и утѣшитъ ее? Кто принесетъ ей слово радости и надежды? И вотъ является сіяющая радостная Александрюшка съ присланными отъ батюшки образкомъ и профессорой, съ дорогой вѣстью о несомнѣнномъ спасеніи и выздоровленіи больного сына, сразу оживляя и воскрешая всю семью, которая, измучившись тяжкими симптомами опасной болѣзни, долго была лишена отрады и покоя. Вотъ какія нибудь матеріальныя горести и лишения, нужда, безвыходность и опять является радостная, сіяющая старушка съ вѣстью о грядущемъ довольствѣ, счастіи и удовлетвореніи; тамъ рожденіе дѣтокъ, сговоръ невѣсть, — нужно мудрое наставленіе и указаніе отъ пастыря—и опять все Александрюшка, такъ какъ при огромномъ числѣ насомыхъ, пастырю всюду самому невозможно было бы уснѣвать.

И вотъ повсюду являлась благодатная вѣстница щедротъ и милостей батюшки, всюду своимъ радостнымъ

присутствіемъ приносила благодать и утѣшеніе отъ него, надолго вливая счастье и радость въ пострадавшую семью.

Но, для того, чтобы она была достойной посланницей, батюшка старался самое Александрюшку набогатить духовными дарами вѣры и благодати. За послѣдніе годы своего служенія въ Соборѣ, почти каждую субботу свою приготовлялъ онъ ее къ достойному приобщенію Святыхъ Пребожественныхъ Тѣлъ Христова.

Такое обиліе благодати смывало ее слабости и недостатки, все больше и больше украшая ее духовною храмноу.

Но зато надо было только послушать ее рѣчи. Какая преданность и любовь къ пастырю дѣлала въ каждомъ ей словѣ, въ каждомъ благодарномъ воспоминаніи объ его великихъ неслыханныхъ дѣяніяхъ.

Александрюшка твердо, несокрушимо вѣрила въ батюшку, она вѣрила, что если онъ ее куда пошлетъ, если что поручитъ, она должна это исполнить, хотя бы ей предстояли на пути всевозможныя препятствія и препятствія; батюшка зналъ и понималъ ее безграничную любовь и преданность,—а потому охотно посылалъ ее со всевозможными трудными порученіями, и все она исполняла во славу Божию, въ честь и хвалу достойнаго служителя Христова, который даже черезъ повелѣнію могъ обильно расточать дары благодатной помощи и исцеленія.

Гдѣ бы батюшка ни былъ, на молельныхъ, въ домѣхъ, онъ всюду тогда позволялъ являться и Александрюшкѣ и все болѣе и болѣе показывалъ ей разумъ и мудрость явленія своей праведности и мудрости.

Когда батюшка оставил служение въ Соборѣ и принималъ наставу у себя на дому, то Александрюшка съ просфорами ежедневно являлась къ батюшкѣ, такъ какъ и на дому батюшка продолжалъ свое великое дѣло помощи и исцѣленія всѣхъ скорбныхъ и недужныхъ, призывающихъ подъ его молитвенный кровъ и защиту. Такъ, онъ посылалъ Александрюшку съ отвѣтами на полученные письма, посылалъ со словами цѣленія, утѣшенія, укрѣпленія.—Теперь еще больше было просьбъ, недоумѣній и вопросовъ, теперь то еще больше было мольбы, такъ какъ несчастная настрада, лишенная служения своего настыря, вся изнемогала среди душевныхъ тревогъ и опасеній; вѣрная Александрюшка всюду шествовала, смиренно сознавая, сколь отвѣтственная, великая обязанность поручена была ей, и какъ правильно и вѣрно она должна исполнить возложенное на нее дѣло. Вотъ почему великій настырь, призывая ее отъ смерти къ жизни, сказалъ: «Ты мнѣ нужна и другимъ нужна».

Да, онъ все зналъ и провидѣлъ, все мудро устроилъ и распредѣлялъ.

Марія Петровна Какорина, много лѣтъ бывшая подъ спасительнымъ руководствомъ батюшки, пожелала намъ сообщить: пріѣхала она изъ деревни съ мужемъ и не знала батюшки; сестра ей какъ-то сказала, что въ церкви «Печальной Радости» есть очень хорошій священникъ, о. Валентинъ, и пригласила пойти туда. М. П. согласилась—она была въ болѣзненномъ положеніи.

Сестра привела ее въ церковь, поставивъ около свѣчнаго ящика. Вдругъ батюшка увидалъ ее, самъ направился къ ней, положилъ ей крестъ на лицо, благословилъ

ее, потомъ рукой провелъ по лбу и сказалъ: «Береги свое здоровье, благословлю на добрыя дѣла и на хорошее здоровье». Благодать праведника сразу озарила ее, она поняла, что это—великій настырь, стала горячо вѣровать въ него и ходить на его службы.

Подходить она разъ къ батюшкѣ, а онъ даетъ М. Евд. много крестиковъ. Та не беретъ ихъ, говоритъ, что ей довольно и одного; тогда онъ подаетъ Мар. Петр. и прибавляетъ: «Ну, эта дѣточка моя не откажется, вотъ мужъ поѣдетъ въ деревню, тамъ и раздадите». М. П. недоумѣваетъ, зачѣмъ ей такъ много крестиковъ—70. Что же оказалось? Поѣхали они въ деревню, рассказала она свекрови объ этомъ и спросила: не нужно ли здѣсь кому крестиковъ? Свекровь отвѣтила, что не нужно, такъ какъ здѣсь у всякаго есть. Въ это время увидели онѣ повивальную бабу Елену, которая знала батюшку и глубоко чтила его. Марія Петровна сообщила ей, что батюшка прислалъ въ деревню крестики, чтобы раздать. А Елена и воскликнула: «истинно батюшка святой, все знаетъ; дѣйствительно, у многихъ здѣсь нѣтъ крестиковъ, придеши къ больной матери и видишь, что и у ней самой даже нѣтъ креста, такъ, что и многимъ сама покупала и давала».

Свекровь Мар. П-ны сначала мало знала батюшку; потомъ ей пришлось поѣхать въ Москву. М. П. повезла ее въ церковь «Печальной Радости» и посоветовала ей поговѣть у батюшки. Онѣ встали на поговѣдь, батюшка хотѣлъ взять свекровь, но она зацѣпилась за что-то и никакъ не могла подойти къ нему, онъ все бралъ другихъ; наконецъ, какъ-то и ей удалось, и батюшка

туть же на исповѣди самъ указалъ ей грѣхи и она поняла, что за дивный былъ пастырь, потомъ глубоко чтילה его за это, а онъ не оставлялъ ее своими молитвами и помощью.

Передъ концемъ ее жизни съ ней случился ударъ, отнялся языкъ, она была безъ сознанія и ничего не могла выговорить.—Тогда дочь ее, дѣвица, види мать въ такомъ опасномъ положеніи, глубоко сокрушаясь, что она не можетъ принести послѣдняго покаянія и получить благодатнаго разрѣшенія отъ грѣховъ—всей силой своей вѣры обратилась къ дивному ходатаю-батюнкѣ, умоляя его дать возможность ее матери получить послѣднее благодатное освященіе Пречистыми Пребожественными Тайнами; она взяла портретъ батюшки и съ глубокой вѣрой и сокрушеніемъ приложила его къ лицу больной, прося батюшку исходатайствовать у Господа, хотя на нѣкоторое время, разрѣшеніе узъ языка больной для достодожняго приготовленія къ отходу въ вѣчность.

Что же! Чудный благодатный помощникъ не замедлилъ откликнуться на волю вѣрующей души: вдругъ больная открыла глаза и заговорила. Это было небывалымъ явленіемъ среди обычныхъ, грозныхъ прогрессирующихъ симптомовъ паралича.—Больная ожила на короткое время, чтобы принести некрепнее сокрушеніе въ своихъ грѣхахъ и черезъ приглашеннаго духовника получить прощеніе и благодатное соединеніе съ Самимъ Господомъ.

Можно понять, какъ глубоко потрясены были всѣ присутствовавшіе такимъ дивнымъ чудомъ, можно понять, какъ горячо возблагодарила дочь умирающей за такое

скорое услышаніе своей мысленной мольбы къ великому пастырю.

И что же! Исполнивъ все пужное, больная вскорѣ мирно отошла ко Господу съ глубокой вѣрой и свѣтлой надеждой, что милосердый Богъ, давши ей при концѣ ее жизни благодатно соединиться съ Нимъ, не оставитъ ее и въ загробномъ мірѣ Своимъ милосердіемъ и упокоитъ ее идѣже ибѣтъ ни болѣзней, ни печалей, ни воздыханій.

Марія Петровна была опасно больна. Въ послѣднюю исповѣдь передъ окончательнымъ заболѣваніемъ, батюшка далъ М. П. понять, что ей назначено умереть; онъ воздѣлъ руки къ Господу и сказалъ: «Прими и не осуди».

И вотъ она слегла, прибывшій докторъ нашелъ ее положеніе безнадежнымъ и потребовалъ созванія консилиума изъ четырехъ докторовъ.

Мужъ въ отчаяніи обращается къ батюнкѣ и молить его помочь, заказываетъ обѣдно. Больная совѣмъ изнемогаетъ.

Тогда кто-то посоветовалъ обратиться къ одному изъ свѣтлѣйшему акушеру, поѣхали къ нему, акушеръ уже собрался къ другой больной и отказался поѣхать къ М. П-нѣ.—Его стали умолять, говоря, что положеніе отчаянное, мать умираетъ и остается восемь человѣкъ дѣтей, тогда мать доктора выходитъ къ нему и говоритъ: «Володя, поѣзжай ужъ сюда, ты видишь, какое горестное положеніе, ты здѣсь нуженъ». Докторъ, видимо сострадательный и вѣрующій, рѣшается поѣхать къ Мар. П-нѣ. Пріѣзжаетъ и видитъ, что больная совѣмъ умираетъ,

консилиумъ созывать уже поздно, а если онъ неудачно исполнить свое акушерское дѣло, то можетъ судебнo пострадать. Но раздумывать некогда, онъ рѣшается на славное дѣло; предаваясь волѣ Божіей, чудеснымъ образомъ, спасаетъ ребенка и, принявъ его почти мертваго вдругъ видитъ великое проявленіе милосердія Божія: ребенокъ въ его рукахъ оживаетъ, такъ что является возможность совершить надъ нимъ Таинство Крещенія, а самое главное, больная тоже спасена, хотя елишкомъ слаба и измучена.—Такое небывало-удачное окончаніе крайне опаснаго процесса принимается всѣми за явное чудо милосердія Божія. Врачи поражены, такъ какъ они видятъ совершенно новое, непонятное, для нихъ, явленіе—чудесную перемѣну къ исцѣленію и жизни. Медицина нѣма передъ такими дивными проявленіями милосердія и всемогущества Божьяго; правильно распланировывая ходъ извѣстныхъ болѣзненныхъ проявленій, по своимъ научнымъ законамъ, она съ благоговѣніемъ должна преклониться передъ небеснымъ гласомъ Милосерднаго Владыки, который и изъ камней можетъ воздвигнуть дѣтей Аврааму.

Вотъ что совершалъ праведникъ-батюшка, вотъ какія дивныя чудеса испрашивалъ онъ у Господа для своихъ духовныхъ дѣтей, чтобы они крѣпче вѣровали въ Господа, горяче любили Его и надѣялись на Его всепрощеніе и всемилосердіе.

И мужъ М. П.—Василій Филипповичъ былъ пораженъ такимъ духовнымъ величіемъ батюшки.—Это чудо охватило и укрѣпило его вѣру, придало прочный оплотъ его еще не совсемъ установившемуся настроенію. Какъ же было ему не проникнуться и не умилиться всѣмъ своимъ

сердцемъ, когда жена его, будучи уже всѣми осуждена на неизбежную смерть, вдругъ опять была оставлена на радость семьи.—Что онъ сталъ бы дѣлать съ малолѣтними дѣтками, если бы не милостивый настырь, который, понявъ своей всеобъемлющей любовью ужасную горестъ одинокаго отца, глубоко пожалѣлъ его и спасъ его отъ тяжелой, страдальческой участи; при своей трудовой жизни мужъ М. П. долженъ былъ бы неутихимо скорѣть, не зная, какъ приняться за сложное дѣло воспитанія своихъ малолѣтнихъ дѣтокъ.

Больная была спасена, но истощенный, измученный такой ужасной болѣзنیю организмъ былъ лишенъ со-всѣмъ силъ и дѣятельности.—Больная лежала въ забытѣ и не могла говорить; дочери поочередно читали около нея акафистъ и молились за нее, такъ какъ докторъ сказалъ, что еще три дня она будетъ въ сильной опасности. И вотъ вдругъ больная слышитъ въ передней голосъ батюшки: «Вотъ и я къ тебѣ пришелъ». Хотя она не можетъ открыть глаза, но чувствуетъ, что къ ней подходитъ батюшка, возлагаетъ крестъ на ее лицо и произноситъ: «Скорбями и болѣзнями должно намъ войти въ царство небесное». Потомъ она ощущаетъ, какъ батюшка прикасается своей рукой къ ее лбу и благословляетъ ее. Ей дѣлается такъ хорошо, что она открываетъ глаза и видитъ, что дочери стоятъ на колѣняхъ и молятся; тогда она спрашиваетъ ихъ: «гдѣ же батюшка, вѣдь онъ сейчасъ приходилъ ко мнѣ и благословилъ».

Присутствующіе, слыша ее странные слова, тревожно переглядываются, думая, что съ большой жаръ и она бредитъ, но они видятъ, что она совершенно сознательно

продолжает допрашивать: «Гдѣ же батюшка? вѣдь онъ сейчасъ былъ около меня!» Тогда ее стараются успокоить, но Марія Петровна чувствуетъ себя совсѣмъ легко и хорошо. Съ той минуты она начинаетъ выздоравливать, шопилѣ понимая, кому она обязана жизнью и спасеніемъ.

Батюшка вскорѣ прислалъ ей съ ся знакомой—Дуней, просфору и произнесъ: «Скажите М. П., что я былъ у нея». Такъ подтвердилось чудесное явленіе пастыря къ больной, которую онъ пожелалъ посѣтить и самъ принесъ ей благодатное исцѣленіе.

Новорожденный ребенокъ жилъ четыре мѣсяца. М. П. очень хотѣлось притти съ нимъ въ Соборъ, чтобы самъ батюшка совершилъ сороковую молитву, но мужъ ни за что не хотѣлъ отпустить ее туда, видя, что жена была еще слишкомъ слаба и истомлена.

И вотъ во снѣ явился батюшка М. П. и сказалъ: «Непремѣнно приходи въ Соборъ брать молитву, я жду тебя съ распростертыми объятіями.» Она рассказала свой сонъ мужу, и онъ уже не могъ противиться волѣ батюшки, и отпустилъ ее.

Батюшка обрадовался, увидавъ ее, сказалъ, что она была уже предназначена къ смерти и только по молитвамъ его опять возвращена къ жизни. Потомъ у нея родилась дѣвочка, Дунечка. Это былъ необыкновенный ребенокъ; батюшка еще въ самомъ началѣ сказалъ, что она предназначена на небо; дѣйствительно, Дуня умерла трехъ лѣтъ. Это былъ настоящій Ангелъ; бывало созываетъ сестеръ своихъ, заставитъ ихъ молиться, и сама горячо молится и кладетъ поклоны. У нея была необыкновенно чуткая любящая душа, но не долго пора-

довала она своихъ близкихъ, такъ какъ вскорѣ Ангеломъ улетѣла на небо.

Дочь М. П.—Паша, подавилась однажды костью; положеніе было крайне опасно, такъ какъ кость невозможно было вытащить. Тогда обратился къ батюшкѣ, прося его помощи; онъ прислалъ ей просфору; какъ только съѣла она кусочекъ просфоры, такъ кость вышла благополучно, не причинивъ никакого вреда.

Родственница М. П. Какоринной, золовка ся, была опасно больна: она вся опухла; доктора сказали, что у нея водянка и велѣли дѣлать ей пожныя ванны. М. П. навѣщала ее. Когда больная опустила ноги въ кадку, съ ней случился ударъ въ почки, полилась кровь изо рта и носа. Она закинула голову назадъ и все увидели, что она отходитъ. Послали за главнымъ докторомъ, который пріѣхавъ, посмотрѣлъ на больную и рѣзко замѣтилъ, что она уже скончалась, что теперь поздно, ничего уже не сдѣлать.

Мужъ въ отчаяніи сталъ метаться по комнатѣ. Тогда М. П., призвавъ на помощь своего дорогого батюшку, взяла его портретъ и стала съ вѣрою прикладывать его къ лицу больной, твердо уповавъ, что батюшка можетъ услышать ея горячую мольбу и быстро откликнуться своей помощью и благодатью. И что же! Вдругъ больная открыла глаза и ожила.

Тогда М. П. стала скорѣе водой отирать ее, такъ какъ цѣлые потоки крови всю залили ее; все надо было привести въ должный порядокъ. Обо всемъ сообщили батюшкѣ; онъ прислалъ образокъ великомученицы Варвары; стали читать акаонсть сей Святой. И что же!

Большая осталась жива и скоро оправилась отъ своей тяжелой болѣзни.

Одна родственница М. П. захотѣла поѣхать въ Кіевъ, стала и ее приглашать съ собою. Марья Петровна обратилась за разрѣшеніемъ къ батюшкѣ; онъ благословилъ и далъ образокъ Божіей Матери «Благодатное Небо» и св. Михаила Архангела. И когда онѣ ѣхали по Днѣпру на пароходѣ изъ Кіева въ Черниговъ, случилось несчастье: загорѣлось главное колесо отъ недостатка мазн; пароходъ началъ уже погружаться въ воду; М. П. несмотря на общую панику и ужасъ, оставалась совершенно спокойной, потому что твердо вѣрила въ батюшку и не сомнѣвалась, что разъ онъ благословилъ ихъ въ это путешествіе и далъ образокъ, то онѣ не погибнутъ.— Дѣйствительно, вѣкорѣ показался встрѣчный пароходъ, которому даны были тревожные свѣтки, и онъ оказалъ нужную помощь.

У дочери М. П.—Тани, очень болѣли руки; сколько она ни мазала ихъ, ни растирала—ничего не помогало.—Хотѣла она сказать батюшкѣ, да все забывала.—Вдругъ онъ на повѣди самъ спрашиваетъ ее: «Не болятъ ли у тебя руки?»

Таня подтвердила батюшкѣ, что дѣйствительно очень болятъ и по временамъ она не можетъ ничего дѣлать. Тогда онъ своими благодатными руками провелъ по ея рукамъ, послѣ чего руки сразу перестали болѣть.—По истеченіи нѣсколькихъ дней, Таня, не чувствуя боли въ рукахъ, недоумѣвала, почему прекратилась боль въ рукахъ и только уже послѣ сообразила, что батюшка исцѣлялъ ихъ своимъ прикосновеніемъ.

Родилась у ней дочка, назвали ее Антониной, безъ совѣта батюшки, такъ какъ это было на послѣднихъ годахъ его жизни, а они побоялись безпокоить его, и уже послѣ извѣстили объ этомъ. Батюшка отвѣтилъ, что нмѣ хорошее и прислалъ образокъ Александра-Невскаго.

Что же оказалось! тридцатаго августа—день Александра-Невскаго,—Татьяна Васильевна разбирала большой сундукъ въ своей комнатѣ, и такъ какъ крышка была очень массивна, то она подложила подставку, а сама некала въ сундукъ.

Въ это время какъ-то подвернулась ей трехлѣтняя дочка—Тоня, схватила подставку и... о ужасъ! Тяжелая крышка со всей силой опустилась на ея крошечныя ручки,—можно представить, что должно было случиться! Въ безмолвномъ ужасѣ приподнимаетъ Т. В. крышку, вполне рассчитывая на великое несчастье—и вотъ непоистижимое чудо! Ручки остались цѣлы и невредимы, безъ малѣйшаго поврежденія, только малая полоска свидѣтельствовала о совершеніи чудеснаго знаменія милосердія Божія, при содѣйствіи великаго помощника и покровителя—благого пастыря, который съ такою тщательностью и заботливостью охранялъ не только взрослыхъ людей, но и малыхъ, нѣжныхъ, хрупкихъ дѣтокъ, бережливо защищая ихъ отъ непредвидѣнныхъ опасностей и несчастій.

Можно себѣ представить, какъ горячо и глубоко возблагодарила мать своего дорогого охранителя и защитника-пастыря, какъ на всю ея жизнь это чувство величайшей благодарности будетъ горѣть яркимъ сохрани-

нымъ огонькомъ, постоянно возгрѣвая ея вѣру и любовь къ Господу.

Однажды Марія Петровна была очень опасно больна, долго страдала она, совсѣмъ ослабѣла, даже головы не могла поднять съ подушекъ.

Пошелъ Василій Филишовичъ къ батюшкѣ и сказалъ, что жена лежитъ почти безъ движенія. Батюшка спокойно возражаетъ на это: «Надо ей причаститься, пусть придетъ ко мнѣ въ церковь». В. Ф. взволнованно протестуетъ: «гдѣ же ей притти въ церковь, когда она головы не можетъ поднять».

«Ну, пусть прійдетъ», продолжалъ спокойно пастырь, желая дать понять разстроенному мужу, что у Господа все возможно, такъ какъ Онъ въ одинъ мигъ воздвигаетъ съ одра болѣзни и исцѣляетъ.

В. Ф. приходитъ домой крайне смущенный и передаетъ слова батюшки.—Это было въ воскресенье. Марья Петровна, слыша такія ободряющія слова пастыря, рѣшительно объявляетъ, что разъ батюшка велѣлъ, то она поѣдетъ приобщаться.

Но мужъ возстаетъ противъ этого, говоря, что это сумасшествіе—такой опасно больной встать съ постели и отважиться поѣхать въ Кремль.

М. П. съ вечера понедѣльника начинаетъ упрашивать мужа отпустить ее къ батюшкѣ, и говоритъ, что по святымъ молитвамъ его все совершится къ общему благу.

Дѣлать нечего, пришлось согласиться. Больная съ трудомъ встаетъ, одѣвается и отправляется въ сопровожденіи дочери въ церковь. Но каково спускаться съ

верхняго этажа! Еле-еле, съ отдыхомъ, передвигается она по ступенькамъ, садится въ пролетку и ѣдетъ.

Батюшка сейчасъ же беретъ ее на исповѣдь и сразу придаетъ ей силу и бодрости, такъ что она уже свободно передвигается по храму и прикладывается къ образамъ.

Приобщившись Святымъ Животворящимъ Таинъ, М. П., уже совсѣмъ бодрая и веселая, легко восходитъ вверхъ по лѣстницѣ и предстаетъ передъ удивленнымъ мужемъ, который сильно поражается такому явному чуду милосердія Божьяго.

Послѣ этого батюшка часто приобщаетъ ее Святымъ Таинъ, и она совсѣмъ исцѣляется.

Былъ и еще слѣдующій случай благодатнаго исцѣленія по молитвамъ старца-праведника. Екатерина Платонова, дочь свящ. о. Платона—сослуживца батюшки въ Архангельскомъ Соборѣ,—ѣздила къ своему свекру. Батюшка неохотно ее туда пускалъ и говорилъ: «Лучше бы и не ѣхать», но она настаивала и поѣхала, погостила тамъ, вернулась домой на дачу, и вскорѣ же вдругъ отнялись у нея руки и ноги, такъ что она кричала отъ боли и совсѣмъ не могла ходить.

Ея мать, Елизавета Васильевна, въ это время была въ Москвѣ, такъ какъ это было на недѣлѣ служенія батюшки. Вдругъ онъ обращается къ Е. В. и говоритъ: «Матушка, вамъ надо поскорѣе поѣхать на дачу, вы тамъ нужны».

Е. В., строго всегда исполняя наказы батюшки, собралась, поѣхала и что же! Застаетъ дочь совсѣмъ почти недвижимою въ постели, руки и ноги у ней сводило, и

она кричала отъ тяжелой боли. Е. В. стала ухаживать за ней. Боль все время не унималась. Ек. Пл. попросила послать за докторомъ, но матушка, не привыкшая прибѣгать къ медицинскимъ средствамъ, обратилась къ Высшей помощи и заказала обѣдно за ея здравіе въ Духовъ день; всю недѣлю она съ нѣжной материнскою любовью ухаживала за ней и пользовала ее святыней.—На батюшкину службу Ел. Вас. поѣхала въ Москву.

Батюшка освѣдомился у нея: «Какъ ваша больная?» Ел. Вас. сообщила батюшкѣ, что ей очень плохо. «Вѣроятно, у васъ тамъ доктора есть?» продолжалъ допрашивать настырь. «Навѣрно есть, но только я не обращалась къ нимъ, а пользовала ее святыней»—отвѣтила матушка, причемъ прибавила: «она проситъ вашей помощи». «Ну, я ей пошлю лѣкарства,—возразилъ милостивый настырь,—возьмите гусиного сала въ аптеку и помажьте ей больныя мѣста». Матушка въ точности исполнила указаніе настыря и привезла больной гусиного сала.

Екатерина Платоновна, узнавъ, какое лѣкарство прислалъ ей батюшка, сильно обидѣлась, заплакала и сказала: «вѣдь это имъ только обмороженныя мѣста мажутъ»!

Совѣтъ настыря былъ строго исполненъ, Е. В. мазала и руки и ноги больной гусинымъ саломъ, и ей стало немного лучше.

Чтобы сколько-нибудь усюконтъ страданія своей дочери, Е. В. всю ночь сидѣла около нея и мысленно возносила молитву за нее Господу: въ это время больная совсѣмъ утихала и засынала.

Когда же въ пять часовъ утра, матушка сама отъ вели-

каго утомленія уходила отдохнуть, то у ней опять поднимались сильнѣйшія боли и она жестоко страдала.

На слѣдующую службу батюшки, Ел. Вас. опять поѣхала въ Москву и сообщила ему о горестномъ состояніи больной.

Батюшка на этотъ разъ далъ ей іоду, велѣлъ кисточкой дѣлать точки и кружечки на больныя мѣстахъ и прибавилъ: «Я направлю отца Платона ее приобщить». Потомъ онъ приготовилъ Святые Дары и самъ принесъ дароносіцу о. Платону; при чемъ далъ образочекъ Гурія, Самона и Авива и сказалъ: «Если бы вы, матушка, смогли на мою недѣлю привезти ее ко мнѣ, она бы поправилась здѣсь совсѣмъ». От. Платонъ два раза приобщалъ свою дочь на дачѣ, а вмѣстѣ съ ней приобщался и нѣкоторые другіе больные.

Въ тотъ день, когда больная приобщалась, она чувствовала себя очень хорошо, все боли ее оставляли, она могла даже брать больными руками, но на другой день ей опять становилось хуже. И вотъ видя, что мама сильно переутомилась во время ея болѣзни, она рѣшилась сдерживать себя, стала бороться съ болѣзью и начала упрашивать мать пойти хорошенько отдохнуть. Матушка, чувствуя, что она совсѣмъ изнемогаетъ, отправилась въ совѣдную комнату.

Только что Ек. Пл. сидя расположилась провести ночь, вдругъ слышитъ около себя какое-то злорадное гоготаніе и чувствуетъ острую боль въ спинѣ, точно колъ вонзился туда.—Приходилось дѣлать немовѣрныя усилія, чтобы удержаться отъ крика и не испугать матушки.

Такая мучительная боль не прекращалась ни на ми-

нута, нельзя было ни прилечь, ни пошевелиться; больная, не смыкала глазъ, жестоко страдала и не знала, какъ дожидаться утра. На утро ей сдѣлалось полегче.

Слова пастыря: «Если бы вы, матушка, смогли на мою недѣлю привезти ее ко мнѣ», глубоко запечатлѣлись въ сердцѣ Ел. Вас. и она рѣшилась, во что бы то ни стало, отвезти ее въ Москву.

Вполнѣ сознавая большую трудность переѣзда больной, почти совсѣмъ недвижимой дочери, она возложила твердое упованіе на великія и сильныя молитвы пастыря и стала готовиться къ отъѣзду.

Надо было во что-нибудь обути сильно распухшія ноги больной; добыты были чьи-то плисовые сапоги и вотъ, накануне отъѣзда, Ел. Вас. уговорила дочь надѣть ихъ и попробовать сдѣлать по комнатѣ хотя нѣсколько шаговъ. Съ большимъ трудомъ больная обулась и едва переступая, передвигая принособленный для этого маленький столикъ, она сдѣлала нѣсколько шаговъ; потомъ въ крайнемъ изнеможеніи опять помѣстилась на постель.

Тяжело было ея положеніе: ноги не двигаются, руки не дѣйствуютъ. Еще молодая, полная силъ и энергіи, она приречена была къ томительной бездѣятельности, къ непрерывному мучительному страданію.—Но любвеобильный пастырь горячо вступился за нее передъ Господомъ и своими молитвами и ходатайствомъ не просилъ ей скорое, благодатное исцѣленіе.

Вотъ наступилъ и день отъѣзда. Въ четыре часа утра подана была лошадь, чтобы отвезти больную на вокзалъ.—Когда Ел. Вас. стала будить ее,—больная заплакала и сказала: «я такая слабая, могу ли я поѣхать въ

Москву?» Матушка не стала настаивать, сознавая, что силой и требованіемъ ничего не сдѣлаешь, а вмѣсто сего стала тайно возсылать моленіе Господу, понимая, сколь необходимо и важно свезти ее въ Москву. И вотъ Ел. Пл.—малу-но-малу начинаетъ сдаваться и рѣшается собраться въ путь, только просить натереть себя іодомъ, такъ какъ отъ натиранія боль прекращается.—Съ большимъ трудомъ одѣли, обули ее и повели подъ руки къ извозчику; поставлена была скамеечка, чтобы легче ей было подняться въ пролетку. Кучеръ-мальчикъ тоже услужливо помогалъ.

Наконецъ, больную уложили въ тарантасикъ и шагомъ повезли на станцію.—Дождались поѣзда; съ большимъ трудомъ и усилими ввели ее въ вагонъ. Здѣсь помягче постелили и на отдѣльной скамейкѣ уложили ее; все время чувствовала она сильныя боли. Матушка мысленно возносила великую благодарность Господу, что Онъ помогъ ей перевезти больную въ Москву. Приѣхали; опять томительный процессъ спуска на платформу, усаживания въ пролетку и медленнаго передвиженія по улицамъ города. Но вотъ и Архангельскій Соборъ. Съ трудомъ ввели больную въ неповѣдально и посадили на стулъ. Приѣхалъ батюшка. Елизавета Васильевна доложила ему, что она привезла больную дочь. Батюшка оживился и произнесъ: «Давайте ее сюда». Онъ взялъ ее неповѣдывать, потомъ, выпуская ее, воскликнулъ: «Боже мой, что съ ней сдѣлалось, она вся почернѣла!» Екатерина Платоновна все время сидѣла. Подвели ее къ Святой Чашѣ, батюшка приобщилъ ее Святыхъ Таинъ, ее хотѣли поддержать и повести, но пастырь торжественно

но возгласилъ: «Оставьте ее, она сама пойдеть», и что же?! Все, къ неопisanному удивленію, увидѣли, что больная сама потихоньку стала переступать и двигаться; какъ малое дитя, которое еще только учится передвигать своими слабыми неумѣлыми ножками, она, покачиваясь, шла сама, тихонько спустилась съ амвона и послѣ благодарственной молитвы свободно могла дойти до пролетки.

Тутъ все воочию убѣдились въ неопостижимой чудесной силѣ Величайшаго Таинства Святого Причащенія, тутъ все поняли, что никакія обиденныя лѣченія и лѣкарства не могутъ сравняться съ сей Пресладостной Небесной Пищей, которая обновляетъ, возраждаетъ и укрѣпляетъ немощность духа и тѣла и можетъ мертвенное и тлѣнное въ одинъ мигъ превратить въ безсмертное и нетлѣнное.

Итакъ Ек. Пл. сразу же послѣ Святого Приобщенія стала ходить и двигаться.

Батюшка велѣлъ ей приобщаться каждодневно всего его недѣлю, что она радостно и благоговѣнно исполнила; послѣ этого она съ матушкой поѣхала на дачу и тамъ своимъ чудеснымъ исцѣленіемъ привела всѣхъ въ трепетъ и недоумѣніе, такъ какъ за недѣлю видѣли ее всецѣмъ немощной и недвижимой.

Послѣ этого батюшка сталъ часто приобщать ее Святыхъ Таинъ и, видя ея глубокую вѣру, все больше и больше надѣлялъ ее высшими благодатными дарами, чтобы она и съ своей стороны могла бы въ другихъ насаждать основы вѣры и благочестія.

Татьяна Григорьевна Абросимова такъ рассказываетъ о своемъ чудесномъ исцѣленіи: была она однажды, (въ

воскресенье) въ гостяхъ у своей замужней дочери и уговаривала зятя пріѣхать къ нимъ во вторникъ, такъ какъ въ этотъ день общалъ къ нимъ пріѣхать батюшка и отслужить у нихъ на дому молебенъ. По зятю все отказывался, ссылаясь на службу (хотя онъ могъ свободно отпроситься на нѣсколько часовъ). Вдругъ почувствовала она сильную боль въ вискахъ, какъ-будто, кто молотомъ ударилъ по нимъ, она стала скорѣе собираться домой. Ее удерживали, но она чувствовала себя все хуже и хуже. Едва-едва дошла она до извозчика и поѣхала домой. Съ трудомъ, почти ползкомъ, векарабкалась она по ступенькамъ лѣстницы. — Домашніе недоумѣвали, что такое съ ней случилось, такъ какъ она отправилась всецѣмъ здоровой. Дыханіе у ней захватывало, она не знала, какъ дойти до кровати. Горло у ней все распухло и ощущалась такая сильная боль, точно острые иголки воткнулись въ него. Родные, опасаясь, чтобы не случилось съ ней удара, совѣтовали послать скорѣе за докторомъ, но она умоляла ихъ съѣздить къ батюшкѣ или, по крайней мѣрѣ, послать ему телеграмму и попросить его помолиться за нее; но, такъ какъ было позднее время, то побоялись беспокоить батюшку, а потому въ страхъ и недоумѣніи не знали на что рѣшиться.

Тогда Татьяна Григорьевна взяла маленькую карточку батюшки, крѣпко прижала ее къ себѣ и горячо стала просить его святыхъ молитвъ, такъ какъ чувствовала себя все хуже и хуже. Горло еще больше налилось и распухло.

И что же! Дорогой утѣшитель не замедлилъ откликнуться на ея горячій призывъ: онъ явился ей на воздухѣ

у крестомъ на груди, нѣсколько разъ какъ бы проле-
зла мимо нея и даже почувствовала она, что коснулась
ее своимъ наперснымъ крестомъ: вдругъ ей стало легко:
душе прекратилось, боль прошла; она, какъ бы не
вѣря происшедшему, открыла глаза и осмотрѣлась во-
кругъ. Видя испуганныя лица своихъ родныхъ, Т. Гр. въ
радостномъ восторгѣ поспѣшила возвѣстить имъ, что сей-
часъ являлся къ ней батюшка и исцѣлилъ ее. Она даже
свободно могла ходить по комнатѣ и разговаривать, хотя
за нѣсколько минутъ передъ этимъ совсѣмъ умирала и
не могла почти дышать.

Въ страхѣ и трепетѣ возблагодарила Татьяна Гри-
горьевна Господа за свое чудесное исцѣленіе.

Вотъ о какомъ еще исцѣленіи рассказываетъ намъ
Тат. Гр.: умирала ея маленькая внучка Аня. Пригласили
доктора, онъ прописалъ лѣкарство, но болѣзнь не умень-
шалась, дѣвочку все время потчивали разными лѣчеб-
ными снадобьями, отъ которыхъ у нея поднялась тош-
нота.

Тат. Гр. настояла, чтобы ребенка причастили; ее при-
частили, и она немного успокоилась, но была очень слаба
и еле дышала.

Приѣхалъ докторъ и откровенно заявилъ матери и ба-
бушкѣ, что ребенокъ долженъ умереть и лѣчить больше
нечѣмъ. Для успокоенія родителей онъ еще прописалъ
какое-то лѣкарство и посоветовалъ матери прилечь отдох-
нуть, такъ какъ она очень истомилась и ослабѣла.

Тогда Тат. Гр. встала и объявила, что она теперь пой-
детъ къ своему доктору, а когда врачъ заинтересовался
узнать—къ кому она хочетъ обратиться, то она заявила

ему, что пойдетъ въ Архангельскій Соборъ къ батюшкѣ
о. Валентину.

Докторъ, который тоже зналъ и чтить этого пастыря,
одобрилъ ея намѣреніе, говоря, что медицина предла-
гаетъ свои научныя средства, но что важнѣе всего обра-
щаться къ Всевышнему Врачу, Который Одинъ только
истинно можетъ помочь страждущимъ. Приходить она въ
Соборъ; батюшка самъ подходитъ къ ней и говоритъ:
«Поздравляю васъ съ причащеніемъ». Т. Гр. поражается,
почему это батюшка могъ знать, что они причащали
дѣвочку (она мало еще понимала тогда о величій па-
стари, потому что только-что начала ходить къ нему).

Тогда батюшка начинаетъ расспрашивать ее о дѣ-
вочкѣ, вынимаетъ просфору и велитъ покормить ее.
Т. Гр. въ недоумѣніи разсуждаетъ про себя: дѣвочка
совсѣмъ умираетъ, развѣ можно кормить ее? Однако
же по возвращеніи домой, сейчасъ же съ просфо-
рой подходитъ къ ребенку и видитъ, что у дѣвочки уже
останавливается дыханіе, но больная, какъ бы по повелѣ-
нію высшей власти, обращается къ ней, вдругъ откры-
ваетъ глазенки и ручкой беретъ просфору. Т. Гр. быстро
разламываетъ ее и даетъ ребенку. Умиравшая дѣвочка
уже нѣсколько дней ничего не могла ѣсть, такъ что у
нея во рту образовалась густая пленка, однакоже она
съ нетерпѣніемъ беретъ кусочекъ просфоры и проглаты-
ваетъ, потомъ другой, третій и такъ быстро съѣдаетъ всю
головку.

Тат. Гр. наливаетъ въ стаканъ Святой воды и внучка
ея (ей было годъ съ небольшимъ), съ полнымъ наслаж-
деніемъ кушаетъ всю просфору, послѣ чего вскорѣ же

встает на ножки, начиная прыгать и рѣзвиться, какъ совсѣмъ здоровая. Приходить послѣ отдыха ея мама и въ недоумѣніи останавливается, не вѣря своимъ глазамъ, но когда узнаетъ о чудесномъ исцѣленіи своей умирающей дочки, то горячо благодаритъ Господа за Его неизреченную милость.

Послѣ этого батюшка векорѣ присылаетъ другую просфору, и дѣвочка совершенно выздоравливаетъ. Мать Татьяны Павловны,—невѣстка Тат. Григ.,—Аграфена Андреевна опасно заболѣла. Дочь ея сильно горевала и все умолила батюшку помочь ея мамѣ.

Батюшка сталъ молиться за нее и она чудесно выздоровѣла, но векорѣ же заболѣла и умерла маленькая дѣвчурка Тат. Павл-ны.

Тогда Тат. Григ.,—ся свекровь,—послѣ этого пришла въ Соборъ, батюшка передъ ней взялъ исцѣленную Аграфену Андреевну и сказалъ: «Тебѣ назначено было умереть, но ты—грѣшная, еще не готова; я выпросилъ у Господа тебѣ исцѣленіе, а вмѣсто тебя отдалъ Господу твою маленькую внучку».

Послѣ этого батюшка бралъ ее на исповѣдь каждую свою службу и все больше и больше духовно возраждалъ ее. Онъ благодатно воспитывалъ ее цѣлый годъ, послѣ чего она, въ полной вѣрѣ и смиреніи, отошла ко Господу.

Дорогой настырь, такъ много потрудившійся надъ ней и неустанно ходатайствовавшій за нее у Бога, радостно насладился великимъ успѣхомъ своего труда и сказалъ ея роднымъ: «Какая она у насъ стала хорошая».

Тат. Григ. еще рассказывала, что у сына ея, Вити, одѣ-

лался на спинѣ около шеи карбункулъ; надо было рѣшиться на операцію, но Т. Григ. все мысленно молила батюшку помочь ему, и вотъ уже подана была лошадь, чтобы везти мальчика на операцію; вдругъ точно кто прокололъ нарывъ и изъ него сразу струей вытекла матерія.

Радостная семья отъ всего сердца возблагодарила Господа за Его дивныя милости, а также и праведнаго служителя Его, который неустанно ходатайствовалъ за своихъ духовныхъ дѣтей, охраняя ихъ отъ всѣхъ золъ, болѣзней и бѣдствій.

Одна изъ духовныхъ дочерей батюшки, Елизавета Дмитріевна Васильева, передала намъ о чудесномъ исцѣленіи своего мужа отъ чахотки по молитвамъ настыря.

Алексеѣй Васильевичъ сначала служилъ на одномъ мѣстѣ, но товарищъ сталъ переманивать его на другое. Когда обратились за совѣтомъ къ батюшкѣ, то онъ былъ противъ этого, говоря, что и камушекъ на одномъ мѣстѣ обрастаетъ, но А. В. не послушался, перешелъ на другое мѣсто, такъ какъ на прежнемъ ему было очень трудно. И вотъ, какъ бы за ослупаніе великому настырю, онъ векорѣ заболѣлъ.

Незадолго до его болѣзни, на святкахъ 1900 года, пришла Ел. Дм. въ Соборъ, укутанная по нездоровью въ черный платокъ сверхъ шапки и встала около мощей Св. Дмитрія Царевича. Батюшка въ это время пеловѣдовалъ народъ на лѣвой сторонѣ амвона, и все время свой взоръ направлялъ на нее; народу было очень много,—вдругъ батюшка оставилъ пеловѣдниковъ, сонель съ амвона и направился къ ней; онъ взялъ ее за руку и

сказалъ: «Я все глядѣлъ на тебя и думалъ, что это за старушенка (она была еще совсѣмъ молодой) стоитъ; потомъ вижу, что это моя. Скажи, зачѣмъ ты нарядилась во все черное, или у тебя горе, или трауръ, сейчасъ не надо ходить во всемъ черномъ; вотъ впереди у насъ съ тобой большое горе и много будетъ траура». У Ел. Дм. сейчасъ же мелькнула мысль, что у нея умрутъ старыя дѣдушка и бабушка, но батюшка тотчасъ же отвѣтилъ на ея мысль: «А ты снималась съ мужемъ? есть у тебя его карточка?» Она отвѣтила: «нѣтъ». Тогда батюшка возразилъ: «Пожалуйста, снимитесь вмѣстѣ и дай мнѣ карточку». Они снялись и дали батюшкѣ карточку.

Къ масленицѣ мужъ ея сталъ прихварывать и обратился къ докторамъ.

Ел. Дм. пошла къ батюшкѣ и попросила его помолиться за мужа. Батюшка приказалъ показать ему его рецепты, потомъ позвалъ фельдшерицу Мѣшкову, которая служила въ клиникахъ и попросилъ ее показать Ал. В-ча хорошему доктору. Когда докторъ осмотрѣлъ его, то написалъ батюшкѣ письмо, что больной безнадеженъ, что у него чахотка, одного легкаго нѣтъ, а другое заражено. Ел. Дм. понесла это письмо батюшкѣ, а онъ прочелъ и сказалъ: «Вотъ д-ръ пишетъ, что онъ безнадеженъ, а мы съ нимъ жить еще будемъ, я завтра приѣду его причастить».

Батюшка не замедлилъ это исполнить, на другой день приѣхалъ, причастилъ его и сказалъ Е. Д.: «Д-ръ говоритъ, что онъ безнадеженъ, въ больницу его не примутъ, а въ пензльчиму ю его жалко класть, ты за нимъ ходи, онъ выздоровѣетъ, д-ра ошибаются».

Каково было несчастной молодой женщинѣ переносить свое тяжелое положеніе: больной мужъ, требующій самаго тщательнаго ухода, его неизбежная смерть, будущее вдовство, беспомощность—все это настолько подрывало ея молодой организмъ тяжкими муками, что она не знала, за что взяться, къ кому обратиться. И вотъ иногда въ порывѣ такого тяжелаго душевнаго страданія, она бѣжала къ батюшкѣ, чтобы въ его любвеобильной ласкѣ найти выходъ изъ мучительнаго, непосильнаго горя, а дорогой пастырѣ, проникая заботливымъ взоромъ въ ея наболѣвшую душу, старался всей мощью своей благодати облегчить ее, успокоить.

Однажды, подъ давленіемъ скорби, приѣхала Ел. Дм. на вокзалъ Смоленской дороги,—батюшка долженъ былъ поѣхать на дачу,—и прижалась въ уголокъ.

Приѣхалъ батюшка, къ нему стали подступать собравшіеся на вокзалѣ, прося благословенія, вдругъ онъ всѣхъ повелительно отстранилъ и сказалъ: «Пустите, меня тутъ дожидаются». Онъ направился къ Ел. Дм. и какъ горячо любящій отецъ сталъ ласкать ее, стараясь успокоить ея порывистыя рыданія, ея тоску о тяжеломъ будущемъ.

Утѣшенная и обрадованная, Ел. Дм. возвратилась въ свой домашній уголокъ, но уже не прежней, унылой, безжизненной, а полной силъ, энергіи и надежды.

Былъ конецъ весны. Повезла она въ маѣ своего мужа въ Звенигородъ, гдѣ у нихъ былъ свой домикъ; Ал. Вас. тамъ жилъ безвыѣздно, а Ел. Дм. иногда приѣзжала къ батюшкѣ, и онъ все молился о больномъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Ал. Вас. сталъ проситься къ батюшкѣ и къ

д-ру (въ это время батюшка уже не служилъ въ Соборѣ: быть боленъ глазами). Поѣхала Ел. Дм. съ нимъ въ клиники; д-ръ Богдановъ, осмотрѣвъ его, сказалъ, что прочтетъ лекцію и объяснитъ его болѣзнь студентамъ. Пока приготовлялись къ лекціи, у Ал. Вас. сдѣлалось сильное трясеніе въ ногахъ, самъ онъ тоже весь сталъ трястись, лицо его приняло синеватый оттѣнокъ. Ел. Дм. сказала объ этомъ Над. Ник. Мѣшковой, та позвала доктора, онъ его опять осмотрѣлъ, и они ушли посоветоваться въ кабинетъ; черезъ нѣсколько минутъ позвали Ел. Дм. туда, и сказали ей, чтобы она его скорѣй везла и причастила бы и пособоровала, такъ какъ Ал. Вас. долженъ сегодня ночью скончаться! Ел. Дм. свезла его на квартиру, а сама, заливаясь слезами, побѣжала къ батюшкѣ, и плача, сообщила ему слова доктора, что мужъ ея въ ночь долженъ скончаться.

Батюшка далъ ей прежде успокоиться; потомъ повелъ ее въ пріемную комнату и, ставъ передъ образами, началъ горячо молиться.

Изливъ передъ Господомъ свою пламенную мольбу и духомъ получивъ удостовѣреніе въ несомнѣнномъ исполненіи просимаго, пастыръ опять съ великой лаской и любовью началъ утѣшать Ел. Дм-ну. Потомъ батюшка, благословивъ ее, сказалъ: «Жаль, что я не могу его причастить, потому что самъ боленъ, но скажи ему, что я буду за него молиться и приду къ нему»; потомъ еще прибавилъ: «причастить надо, а соборовать не надо, умереть онъ не умретъ, но еще поживетъ и поработаетъ, онъ намъ здѣсь еще нуженъ».

Ел. Дм. пошла отъ батюшки съ полной вѣрой; при-

шедши домой, она сейчасъ же позвала священника, больного причастил; онъ послѣ этого заснулъ, а Ел. Дм. пошла въ часовню Иверской Божіей Матери. Приходитъ она домой, мужъ ея уже проснулся, такой веселый и говоритъ: «какой я сонъ сейчасъ видѣлъ: будто бы пришелъ ко мнѣ батюшка, и далъ мнѣ кусочекъ просфоры, одинъ кусочекъ упалъ; батюшка говоритъ: «это твоя болѣзнь упала», а другой кусочекъ онъ положилъ мнѣ въ ротъ и сказалъ: «не унывай, ты выздоровѣешь»; потомъ благословилъ меня; у меня теперь ноги лучше, не такъ ломятъ (онъ у него передъ этимъ совѣмъ отнялись)». Къ Рождеству Христову больной сталъ вставать на ноги; Ел. Дм. опять увезла его въ Звенигородъ.

И вотъ Ал. Вас. чудесно сталъ выздоравливать, сталъ возвращаться къ жизни, послѣ того, какъ медки опредѣлили его близкій конецъ, и даже выдана была ему бумага о его безнадежномъ состояніи. Вотъ что писала она: «Ал. Вас. Васильевъ, страдаетъ бронхиальной астмой и туберкулезомъ легкихъ и совершенно неспособенъ къ работѣ, 30-го октября 1902 года, за подписью: д-ръ медицины Н. Богдановъ».

Итакъ, устами науки предписана была неизбежная быстрая смерть, устами же Божьяго служителя изречена вѣсть о его спасеніи и выздоровленіи. Здоровье Алексѣя Васильевича быстро стало крѣпнуть; больной своимъ обновленнымъ, жизнерадостнымъ видомъ прославлялъ Божіе всемогущество и милосердіе. Силы быстро стали цвѣсти и крѣпнуть, такъ, что въ скоромъ времени ощутилось радостное стремленіе къ труду и дѣятельности. Не доживъ до конца лѣта, въ іюль, наня супруги отпра-

вились въ Москву, чтобы опять начать дѣятельную трудовую жизнь. Ал. Вас. поступилъ на службу и сталъ работать, какъ вполне здоровый крѣпкій труженикъ, иногда только его душила астма.

Въ августѣ мѣс. пошли они въ клиники. Богдановъ былъ переведенъ въ отдѣленіе для лежащихъ; д-ръ Матвѣевъ его выслушалъ, очень поразился и сказалъ: «какая глубокая ошибка медицинская, у него легкія здоровы» и попросилъ показаться Богданову, но, такъ какъ къ нему было трудно пройти, то онъ далъ имъ письмо. Богдановъ его выслушалъ, тоже былъ пораженъ и въ недоумѣніи спросилъ: «чѣмъ вы лѣчились»? А. В. отвѣтилъ, что ничѣмъ не лѣчился, но его иногда беспокоитъ удушье. На это Богдановъ возразилъ: «ложитесь ко мнѣ въ клиники, я васъ совсѣмъ вылѣчу». Но Ал. Вас. не рѣшился и попросилъ подождать до завтра.

Пошли они къ батюшкѣ, все ему рассказали, а онъ на это отвѣтилъ: «Боже васъ избави ложиться въ больницу! имъ хочется узнать, чѣмъ мы лѣчились; нѣтъ, мы не покажемъ, чѣмъ мы вылѣчились». И онъ уже больше въ клиники не ходилъ.

Такъ совершилось великое исцѣленіе, великое дѣло милосердія Божьяго!

Догнивающій остатокъ легкаго, послѣдній процессъ обмѣна жизненныхъ соковъ, послѣдній процессъ догорания жизненной дѣятельности, и вдругъ вновь откуда-то полученный токъ жизни, движенія, токъ дыханія, кровообращенія, процесса пищеваженія!

И наука въ глубокомъ недоумѣніи, въ глубокомъ смущеніи, поникла передъ такой непостижимой тайной, и

ее вздохомъ должна была согласиться, что не всегда могутъ торжествовать ея законы и велѣнія, но что и надъ ними есть Высшая Благодатная Сила, Которая одна можетъ устанавливать ихъ и управлять ими.

Съ этихъ поръ прошло десять лѣтъ, а Ал. Вас. продолжаетъ жить и благоденствовать, чувствуя себя довольно крѣпкимъ и здоровымъ.

Такія великія чудеса совершались при батюшкѣ, все то онъ могъ попросить у Господа, чтобы порадовать и осчастливить своихъ духовныхъ дѣтокъ!

Есть у Васильевыхъ пріемная дочка Тансія, которая досталась имъ знаменательно. Ел. Дм. очень сокрушалась, что у нея нѣтъ дѣтей, и вотъ, зная ея безпокойство, батюшка какъ-то сказалъ: «У тебя будетъ дитя, но только великое дитя». И что же! Въ деревнѣ, гдѣ они жили, отдана была на воспитаніе дѣвочка изъ Воспитательнаго дома, которая была подкидышемъ. Это была несчастная заморенная дѣвочка, вся въ болячкахъ и струпьяхъ; невозможно было смотрѣть на нее, такъ она была изуродована. Ея воспитательница сама была больная и не могла ходить за ребенкомъ, и вотъ черезъ нѣкоторое время она умираетъ на рукахъ Ел. Дм. и передъ смертью проситъ ее взять на свое попеченіе несчастную дѣвочку. Ел. Дм. была въ крайней нерѣшительности, не зная, что ей дѣлать. Ребенокъ былъ одинокимъ, безпріютнымъ, и самъ бросился къ ней на руки, когда она поманила его, тогда она написала батюшкѣ, прося его благословенія, онъ отвѣтилъ, что это долгъ ея—взять дѣвочку къ себѣ. И вотъ она пріютила ее у себя, стала обмывать и очищать; мало-по-малу изъ ребенка выравнялась порядоч-

ная, умная дѣвочка, которая теперь уже и усыновлена ими и учится въ церковной школѣ Вознесенскаго монастыря. Ел. Дм. рассказываетъ еще, что дѣдушка ея Василій Ивановичъ Бабакинъ совсѣмъ ослѣпъ, у него была катаракта, д-ра сдѣлали ему операцію, но не могли снять ее. Когда сообщили объ этомъ батюшкѣ, то онъ сказалъ, что надо еще сдѣлать операцію. Обратились къ д-ру Крюкову. Осмотрѣвъ глаза больного, онъ объявилъ, что можно сдѣлать операцію, но только врядъ ли будетъ толкъ; ему сказали, что батюшка о. Валентинъ совѣтуетъ сдѣлать операцію. Глубоко почитая батюшку, проф. Крюковъ взялся за это дѣло и исполнилъ вполне удачно: старикъ сталъ видѣть хотя четвертью глаза, могъ ходить и различать предметы.

Часть III-я.

Чудеса и исцѣленія пастыря послѣ его блаженной кончины.

Дорогой хранитель-батюшка и по смерти не оставляетъ своихъ духовныхъ дѣтей и быстро отзывается на ихъ запросы и недоумѣнія. Рассказываютъ о безчисленномъ множествѣ случаевъ помощи и исцѣленія на его могилѣ, а также о его явленіи духовнымъ дѣтиямъ во снѣ съ мудрыми отвѣтными рѣчами.

Одна бѣдная старушка два раза удостоилась явленія усопшаго пастыря наяву. Въ первый разъ онъ явился къ ней въ золотой ризѣ и камилавкѣ, а во второй разъ въ сѣрой рясѣ съ крестомъ на груди. Это второе явленіе было очень дивно и знаменательно.

Стоитъ она передъ портретомъ Оптинскаго старца Амвросія и говоритъ: «вотъ вѣдь у этого батюшки всѣ его духовныя дѣти пристроены, а у нашего батюшки многія бродятъ по свѣту безъ крова и безъ средствъ»; потомъ мысленно она обращается къ своему дорогому пастырю и говоритъ: «что же это ты, дорогой нашъ батюшка, не пристройшь насъ куда-нибудь». (Такъ обращалась она и взывала къ батюшкѣ, потому что по старости и слабости ей уже трудно было жить непристроенной).

Вдругъ явился къ ней самъ батюшка въ сѣрой рясѣ и обѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ. Явленіе это было

столь тихое и благодатное, что Надежда Николаевна несколько не смутилась и даже сама вступила въ разговоръ съ усопшимъ пастыремъ. «Какъ тамъ живется, батюшка?» стала допрашивать она. «Да не такъ, какъ здѣсь», уклончиво возразилъ на это пастырь. «Батюшка, мнѣ очень трудно жить», съ жалобой обратилась она къ своему вѣрному хранителю-пастырю. «Потерпи», отечески ласково старался успокоить ее благой наставникъ. «Батюшка, я очень слаба, я скоро умру», продолжала жаловаться и повѣдывать свои скорби бѣдная старушка. «Нѣтъ, еще не умрешь: ты неготова», отвѣтилъ ей на это явившійся пастырь и нѣсколько разъ осыпалъ ее крестнымъ знаменіемъ, послѣ чего сдѣлался невидимымъ. Вотъ какого явленія удостоилась малая, незначительная старушка. Какъ при жизни онъ ласкалъ и утѣшалъ несчастный, бездольный, заброшенный людъ, такъ и теперь онъ явился къ горемычной, слабой, никому пенужной служанкѣ со словами утѣшенія и терпѣнія.

Другая старушка—няня Матрена, векоръ послѣ кончины батюшки получила великую помощь отъ него. Нечаянно иголка вошла у ней въ руку и причинила ей сильное страданіе; надумала она взять воску со свѣчь, который возжигаются на могилкѣ батюшки, приложила его къ больной рукѣ, крѣпко завязала на ночь повязкой и заснула. На утро просынается она и къ изумленію своему не ощущаетъ никакой боли въ рукѣ, развязываетъ она повязку и что же она видитъ?! Иголку, которая выпала на воскъ, какъ бы магнитомъ притягиваемая благодатнымъ воскомъ.

Вотъ какія явныя чудеса милосердія Божія удостои-

вались видѣть простыя вѣрующія души; своей горячностью и чистотой вѣры, своей незлобивостью и смиренностью онѣ уподоблялись тѣмъ младенцамъ, про которыхъ Самъ Господь нашъ Спаситель сказалъ,—что «Ихъ ангелы всегда видятъ лице Отца Небеснаго».

У одной дѣвушки, Мани, сильно болѣли зубы. Явился ей во снѣ батюшка и спросилъ, что съ ней? Она пожаловалась на сильную зубную боль; тогда батюшка провелъ своими пальцами по большой деснѣ; и она сразу же почувствовала сильное охлажденіе ея и сейчасъ же проснулась. Что же? Боль прошла, и до слуха ея донеслись даже удаляющіеся шаги пастыря.

Николай Васильевичъ отъ переутомленія страдалъ головной болью и первымъ разстройствомъ. Поѣхалъ онъ къ батюнкѣ на могилку и горячо просилъ его исцѣлить его. Благой пастырь на своей могилкѣ послалъ ему быстрое исцѣленіе, такъ что онъ совсѣмъ здоровый и бодрый вернулся домой.

Одна женщина проходила мимо могилки пастыря и, увидавъ, что служитъ архимандритъ, остановилась и стала усердно молиться; у нея было какое-то важное дѣло, и, вотъ, она стала просить батюшку помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Что же? Приходить она домой и, къ ея удивленію, все устранивается какъ нельзя лучше, и она постигаетъ, какъ великъ пастырь, о которомъ случайно узнала на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Одна дѣвушка—Павла Бородинна, долго была безъ мѣста и очень сокрушалась о своемъ бѣдственномъ положеніи. И вотъ она услышала отъ своихъ знакомыхъ, что на Ваганьковск. кладб. похороненъ великій пастырь, ко-

торый при жизни своей творилъ много чудесъ и исцѣлений, который и теперь благостно помогаетъ всѣмъ, съ вѣрою прибѣгающимъ къ нему.

Она идетъ къ нему на могилку и начинаетъ горячо просить его указать ей какое-нибудь мѣстечко (она была хорошей бѣлошвейкой). Что же? Приходить она съ кладбища домой, и къ вечеру вдругъ заявляется къ ней ея знакомая, которая хочетъ открыть мастерскую, и предлагаетъ ей поступить къ ней въ мастерицы. Павла, конечно, съ радостью принимаетъ выгодное для нея предложеніе и горячо благодаритъ дорогого пастыря, который такъ скоро помогъ ей и утѣшилъ ее. Она поступаетъ въ бѣлошвейное заведеніе Лебедевой-Демидовой и ведетъ дѣятельную жизнь честной труженицы.

Одна духовная дочь батюшки пріѣхала въ началѣ января мѣсяца прошлаго года къ своей знакомой въ с. Богородское. Дорогой она сильно простудилась и по пріѣздѣ—захворала: въ ночь съ нею сдѣлался большой жаръ, она металась и бредила. Знакомая ея не знала, что и дѣлать. И боясь какъ бы она не умерла, хотѣла уже извѣстить въ Москву объ ея болѣзни. Истомившись надъ больной всю ночь, она легла отдохнуть среди дня и заснула. И; вотъ, видитъ во снѣ, что входитъ въ комнату какая-то женщина, вся въ черномъ, и становится въ передній уголь, начинаетъ молиться, потомъ подходитъ къ ея постели и говоритъ: «успокойтесь, батюшка ее къ вамъ прислала на десять дней», послѣ чего величественно удаляется. Видѣніе это было такъ дивно и знаменательно, что она сейчасъ же проснулась, и въ глазахъ ея даже мелькнуло черное одѣяніе удалявшейся женщины.

Она вскакиваетъ съ постели, подходитъ къ больной и замѣчаетъ, что та ровно спитъ и дышитъ: больной стало лучше, но все-таки она была очень слаба и не могла вставать съ постели.

И дѣйствительно, девять дней она прохворала, а на десятый уже могла прохаживаться по комнатѣ и стала собираться въ Москву; такимъ образомъ, проживъ десять дней въ Богородекомъ, благополучно вернулась въ Москву и прямо поѣхала на могилку дорогого батюшки благодарить за свое исцѣленіе.

У Анны Петровны заболѣла очень поясница, такъ что она ходила согнувшись. Она съ трудомъ добралась до могилки. И вотъ со слезами припала она къ ней и стала просить дорогого цѣлителя-батюшку облегчить ея боль. И что же? Тутъ же у могилки она почувствовала себя легче и веселая и бодрая возвратилась домой.

У Вае. Игн. Гусевой очень заболѣли глаза, такъ что она ничего почти не видѣла; явился ей въ сновидѣніи батюшка: будто бы онъ находится въ Архангельскомъ Соборѣ, въ неповѣдальнѣ; она подошла къ нему, онъ дотронулся до ея глазъ, она проснулась и уже не стала ощущать никакой боли, и съ тѣхъ поръ она стала хорошо видѣть: дорогой пастырь какъ при жизни охранялъ ее и цѣлилъ ей глаза, такъ и послѣ смерти не оставляетъ ея и быстро является къ ней на помощь.

Сестра Варв. Ив. была больна, и, вотъ, увидала она во снѣ батюшку въ мраморномъ храмѣ. Батюшка подошелъ къ ней, въ золотой ризѣ и съ митрой на головѣ; онъ беретъ ее за руку и ведетъ въ храмъ молиться, послѣ чего она просыпается здоровой и бодрой.

Агафья Петр. рассказывала, что она видѣла на могилкѣ одну барыню, которая сообщила ей, что у нея умираетъ сынъ, и что она пріѣхала изъ Калуги, потому что ей во снѣ явился незнакомый старецъ и сказалъ ей: «Поѣзжай въ Москву на Ваганьковское кладбище и помолись на моей могилкѣ», при чемъ назвалъ себя, и она сейчасъ же собралась и поѣхала въ Москву.

Одна знакомая матушки Елиз. Вас. Воскресенской не знала батюшки, но слышала много отъ Елиз. Вас. про его великую помощь въ болѣзняхъ и скорбяхъ. Она сильно страдала болью въ ногахъ и, вотъ, когда она прочитала книжку о его пастырской дѣятельности, то горячо обратилась къ нему и просила его исцѣлить ее. Что же! На утро встаетъ она, но уже не чувствуетъ никакой боли. Не зная, какъ еще ей вѣрить этому, она прохаживается по комнатѣ, ступаетъ на ноги, но онѣ совсѣмъ крѣпко и безболѣзненно двигаются. Домашніе тоже поглядываютъ на нее, видя, что она радостно и бодро ходитъ по комнатѣ, тогда какъ прежде еле ступала и передвигалась и, наконецъ, всѣ должны были убѣдиться въ чудесной помощи дорогого пастыря, испосланной имъ при одномъ только молитвенномъ обращеніи къ нему.

Леночка Иванова лѣтомъ 1910 года поѣхала помолиться къ св. Тихону Калужскому. Пріѣхала она оттуда сильно взволнованная и стала проситься у матери отпустить ее туда въ монастырь, говоря, что она все хвораетъ въ міру, а въ монастырѣ ей будетъ легче жить.

Но мать ея еще при жизни батюшки видѣла, какъ онъ не любитъ неопытную пылкую молодежь отпущать въ монастырь, зная, насколько монашество—великій отвѣт-

ственный подвигъ, а потому она стала уговаривать свою дочь оставить свое намѣреніе и продолжать свою хотя и мірекую, но скромную и дѣятельную жизнь,—но никакія просьбы, слезы и уговоры матери не помогали. Сбитая съ толку, разстроенная дѣвушка все твердила свое, не слушая никакихъ доводовъ и резоновъ матери.

Тогда мать видя, что съ дочерью ничего не подѣлаешь, начала обращаться къ своему дорогому пастырю, который творилъ ей столько чудесъ при жизни своей, и просить его, чтобы онъ вразумилъ ея непокорную дочь и указалъ бы: угодно ли Господу ея своевольное намѣреніе. И, вотъ, въ одну ночь Леночка видитъ во снѣ батюшку: будто бы она стоитъ поодаль отъ него, а къ нему подходитъ его младшая дочь и проситъ у него благословенія пойти въ монастырь. Но батюшка видимо недоволенъ и взволнованъ ея просьбой, и говоритъ: «Итъ, въ монастырь я тебя не благословлю, жаль мнѣ тебя, итъ, итъ, тебѣ не надо идти въ монастырь».

Слыша такой строгій рѣшительный отказъ пастыря, Леночка стоитъ, не трогается съ мѣста и не рѣшается просить о томъ пастыря, отъ чего онъ строго отклоняетъ свою дочь.

И, вотъ, она просынается, и точно гора сваливается съ ея плечъ; у ней проходитъ желаніе идти въ монастырь, и мать, видя ее такой веселой, въ недоумѣніи спрашиваетъ ее, ужъ не открылъ ли ей чего во снѣ батюшка. Леночка передастъ ей свой сонъ, и мать ея, видя такое дивное заступничество дорогого пастыря, не знаетъ, какъ и благодарить его за его ангельское попеченіе о нихъ.

Знакомая ихъ изъ Третьяковской богадѣльни разска-
ывала, что она при жизни батюшки не знала его, но
послѣ его смерти, слыша о его чудесахъ и исцѣленіяхъ,
стала горячо призывать его въ молитвѣ и поминать его
имя при чтеніи псалтири. И, такимъ образомъ, она всей
душой стала стремиться къ нему и такъ увѣровала въ
него, такъ всѣмъ сердцемъ принимала дивные разсказы
о его праведности и прозорливости, что великая отрада
наполняла ея душу.

Но еще мало духовно-воспитанная душа ея искала
отклика и удостовѣренія въ правильности такого своего
горячаго стремленія къ незнакомому пастырю, и, однажды,
ложась въ постель, она со слезами обратилась къ небес-
ному праведнику съ такими чисто-сердечными словами
еще малой, но уже ярко зажегшейся вѣры: «Батюшка,
если ты такой великій служитель Христовъ, какъ го-
ворятъ о тебѣ, скажи мнѣ: угодно ли тебѣ мое обращеніе
къ тебѣ, принимаешь ли ты его—открой мнѣ, что ты не
отвергаешь моихъ грѣшныхъ моленій за тебя».

И умиленная, взволнованная, уѣмленная такимъ го-
рячимъ воззваніемъ къ пастырю, она засыпаетъ и, вдругъ,
слышитъ голосъ около себя, хотя ни фигуры человѣка,
ни облика не видитъ: «Многіе, многіе проминаютъ меня,
и ты поминай». Это повторяется до трехъ разъ, послѣ
чего она сейчасъ же просыпается.

Можно понять, съ какимъ восторгомъ и радостью она
принимаетъ этотъ отвѣтъ небожителя-батюшки и какъ
всѣ озаряется безконечной любовью и благодарностью
къ нему.

Да! Онъ и ее смиренную рабу Божию, не отверг-

нулъ, принявъ подъ свою защиту и покровительство и
разрѣшивъ ей невозбранно обращаться къ нему въ за-
упокойныхъ молитвахъ.

Это послужило благодатнымъ толчкомъ и въ даль-
нѣйшей ея дѣятельности; внослѣдствіи она часто обра-
щалась къ блаженно-почившему пастырю за помощью
и исцѣленіемъ.

Такъ, вскорѣ послѣ этого опасная болѣзнь изнуряетъ
ея организмъ и приводитъ къ дверямъ гроба, но
она не теряется въ своемъ печальномъ безнадежномъ
положеніи: недавній опытъ полученія чудеснаго отвѣта
отъ батюшки побуждаетъ ее вновь обратиться къ нему,
но уже не съ духовными запросами пытливости и не-
опытности, а съ мольбой о помощи и ходатайствѣ пе-
редъ Господомъ, и дивный праведникъ откликается ей
и не замедляетъ освѣтить еще неясную, неразвитую
душу ея яркими лучами Божьяго милосердія: она видитъ
во снѣ часовню Иверской Божіей Матери и двухъ свя-
щенниковъ, которые входятъ въ нее; въ одномъ—она по
портрету узнаетъ нашего батюшку, а другой—бѣлоку-
рый, высокій, и она обращается во снѣ къ этому послѣд-
нему и спрашиваетъ его, указывая на другого священ-
ника: «скажите мнѣ, что это—отецъ Валентинъ?» Полу-
чивъ утвердительный отвѣтъ, она подходитъ къ батюшкѣ
Валентину и проситъ у него благословенія. Онъ троекрат-
но благословляетъ ее, при чемъ проводитъ по ней кресто-
образную черту; она тотчасъ же просыпается и даже
чувствуетъ прикосновеніе холодной, благословляющей
руки пастыря. И что же? Болѣзнь ея проходитъ и она
быстро поправляется.

Дѣвушка Евгения страдала очень зубной болью. Ея знакомая посоветовала ей сходить на могилку батюшки, попросить у него исцѣленія. Она идетъ на могилку и прикладываетъ больную воспаленную щеку къ рыхлому снѣгу и съ горячей мольбой призываетъ батюшку и говорить: «не отойду, пока не поможешь мнѣ».

Казалось бы, по закону физики, при такомъ опасномъ прикосновеніи разгоряченной щеки къ холодной поверхности могла бы произойти весьма печальная реакція, но по закону вѣры произошло чудесное исцѣленіе: больная Евгения чувствуетъ, что боль ея утихаетъ, она уже возвращается домой радостной и счастливой.

У П. Т. Кузнецова, въ іюль 1910 года, оказались признаки холеры. Одинъ изъ мастеровъ его—П. Т. столяръ—Ал. Ивановичъ, отправился на могилку батюшки, взялъ листовъ съ лины растущей около его могилки, обварилъ ихъ горячей водой и далъ пить эту воду больному—больной сейчасъ же исцѣлился.

Одна духовная дочь батюшки видѣла его во снѣ въ среднихъ числахъ іюля 1910 года; батюшка сказалъ: «Мнѣ надо устроить столъ К-ымъ». И что же оказалось? Дѣвнцѣ К-ой въ тѣхъ же числахъ іюля пришлось познакомиться съ однимъ виднымъ молодымъ человекомъ, который 20-го іюля сдѣлалъ ей предложеніе, прося ея руки; родители, видя подходящую партію для своей дочери, ничего не имѣли противъ этого брака, и быстро все было собрано и приготовлено къ свадьбѣ, потому что самъ благой настырь взялся нынѣ устроить свадьбу и свадебный столъ.

Въ іюль 1910 года съ С. И. И-нымъ случился одинъ

неприятный финансовый казусъ. Владѣлецъ дома, въ которомъ помѣщается его большой ламповый магазинъ, объявилъ ему, что набавляетъ за помѣщеніе тысячу рублей и требуетъ заключенія контракта на шесть лѣтъ. Это было сказано такъ строго и рѣшительно, что сильно взволновала И-ва, которому угрожала, за несогласіе на это условіе, неприятность подыскиванія и переселенія въ другое помѣщеніе. Жена И-ва, видя, что единственная надежда на великую помощь ихъ ангела-хранителя батюшки, сейчасъ же ѣдетъ на кладбище, приглашаетъ священника и проситъ его отслужить панихиду, при чемъ обращается къ дорогому попечителю-настырю и горячо молить его вступиться своей благодетельной помощью и защитой.

Приѣзжаетъ она домой и къ своему крайнему изумленію узнаетъ, что въ ея отсутствіе хозяинъ призывалъ ея мужа къ себѣ и предложилъ ему набавку на помѣщеніе, вмѣсто тысячи рублей—только сто руб. и заключеніе контракта на три года.

Вотъ какъ быстро откликнулся неизмѣнный-драгоценный ихъ попечитель-настырь; вотъ какъ скоро могъ онъ загасить тревогу и водворить миръ и порядокъ, падѣлить счастьемъ и благополучіемъ людей, съ вѣрою и любовью обращающихся къ нему.

Татьяна Степановна, въ августѣ 1910 сильно была больна: болѣли у нея голова и бокъ; ей посоветовали съѣздить къ батюшкѣ на могилку и попросить священника отслужить панихиду. Она послушала и съѣздила. И послѣ того видитъ батюшку во снѣ, будто бы онъ служитъ въ малой церковкѣ, и во время молебна, при чтеніи Евангелія,

онъ приложилъ сію священную книгу къ ея больной головѣ, и во все время чтенія держалъ на ней; послѣ этого она проснулась совсѣмъ здоровой и не ощущала никакой боли.

Въ Успеневъ день одна женщина рассказывала на могилкѣ, какъ она чудесно исцѣлялась. Наканунѣ Преображенія заболѣла она рожей, все лицо ея распухло, и она съ ужасомъ подумала, что она вѣроятно долго будетъ хворать, а потому можетъ лишиться занимаемой должности.

И, вотъ, въ сердечной тревогѣ обратилась она къ батюшкѣ и просила исцѣлить ее. Она забылась и во снѣ услышала батюшкинъ голосъ, — батюшка служилъ. Послѣ этого пробудилось она отъ сна и почувствовала, что ей гораздо стало легче, опухоль быстро стала опадать, и въ короткое время она стала совершенно здоровой.

Двадцатаго августа, 1910 года, на могилку батюшки пришла одна женщина, которая рассказывала, что она цѣлый годъ добивалась узнать, гдѣ схороненъ батюшка, никакъ не могла дознаться, а ей очень хотѣлось побывать на могилкѣ, такъ какъ на нее напала сильная тоска, и она не знала, какъ избавиться отъ своего томительнаго состоянія духа. И, вотъ, девятнадцатаго августа, при шестивъ крестнаго хода въ Донской монастырь, съ ней разговори-лась одна ея знакомая, которая сообщила ей, что она долго была въ ужасномъ состояніи духа, но что ей по-совѣтовали сходить на могилку батюшки Валентина; она сходила, и на могилкѣ же его пронила тоска ея, и ей сдѣлалось легко и радостно. Слушательница поспѣшила узнать, гдѣ схороненъ батюшка Валентинъ и на другой же день пошла отыскивать его могилку.

Вотъ сколько было замѣчательныхъ случаевъ помощи и исцѣленій отъ батюшки послѣ блаженной кончины, да развѣ возможно пересказать все то, что расточалъ и расточаетъ повсюду дорогой нашъ хранитель-батюшка, великій молитвенникъ земли Русской! И въ богатыхъ красивыхъ хоромы и въ жалкія сырыя помѣщенія—всюду неустанно проникаетъ онъ и своей благодѣтельной небесной любовью и лаской събѣшить отереть слезы горя и страданія, събѣшить загасить тоску спротива и горемычности.

Какъ тепло и отрадно живется вѣсѣмъ подъ его охраной и любовью! Стоитъ только съ вѣрой и любовью обратиться къ нему, и онъ сейчасъ же отзывается полнотою своей ласки и любвеобилія.

Перваго сентября 1910 года, въ день памяти дорогаго батюшки (1-го сентября — день его рожденія) храмъ Ваганьковского кладбища приготовился къ великому торжеству. Преосвященный Владыка Трифонъ пожелалъ стелужить заупокойную литургію по усопшемъ пастырѣ. Невозможно передать того благоговѣйнаго восторга, который ощущался присутствующими при совершеніи этой высоко-умилительной торжественной службы. Совершена была заупокойная литургія соборнѣ, при участіи Архимандрита Чудова монастыря — Арсенія, Архимандрита Антиохійскаго подворья — Антонія, Афонскаго іеромонаха — Арестоклія и многихъ другихъ протоіереевъ и іеромонаховъ. Это было особенное общее ликованіе: великое благоговѣйное служеніе, чинное пѣніе прекраснаго хора пѣвчихъ, блистаніе свѣта множества возженныхъ свѣчей—все это приводило молящихся въ трепетное молитвенное умиленіе.

По окончаніи литургіи Преосвященный Владыка произнесъ высоко-прочувствованное слово о духовныхъ заслугахъ усоннаго пастыря и любви къ нему его духовныхъ дѣтей, и по совершеніи краткой панихиды въ храмѣ, онъ въ сопровожденіи всего духовенства съ крестнымъ ходомъ отправился на могилку батюшки для совершенія на ней литіи.

Какъ глубоко возрадовался и возликовали всѣ духовныя дѣти усоннаго пастыря, видя такое прославленіе ихъ дорогаго батюшки, видя, съ какимъ благоговѣніемъ и любовью собрались представители высшаго духовенства, чтобы почтить день его рожденія, день его вступленія на славное земное поприще.

Да! все больше и больше стала свѣтить міру наша дорогагого неоцѣненный пастырь!

Богъ дастъ, скоро, скоро, и ближніе и дальніе, и малые и большіе, и знаемые и незнаемые—будутъ познавать величіе и духовную красоту его мощнаго благодатнаго духа и больше и больше будутъ питаться и наслаждаться отъ щедротъ его.

Теперь же мы, всѣ духовныя дѣти сего пастыря, возблагодаримъ Бога о присланіи намъ такого великаго молитвенника-ходатая и изъ полноты глубоко-умиленныхъ, благодарныхъ сердець воскликнемъ: Кто Богъ велий яко Богъ нашъ. Ты еси Богъ творяй чудеса!

Двадцать четвертаго апрѣля 1911 года день памяти батюшки (день Ангела),—какъ и всѣ поминovenные дни,—праздновался очень торжественно.

Цѣлый день было несмѣтное множество народа; приходили духовныя дѣтки воздать поклоненіе своему нео-

цѣнному пастырю, которому они были всѣмъ обязаны: и счастьемъ, и радостями жизни, и духовнымъ, и материальнымъ благоустройствомъ. До поздняго вечера толпился народъ, будучи не въ состояніи оторваться отъ родной могилки, которая поклонила въ себѣ тѣло великаго молитвенника и дивнаго пастыря.

И, вотъ, поздно вечеромъ, приходитъ со службы на могилку одна барышня, тоже духовная дочь батюшки, сильно разстроенная и въ больномъ горѣ.

Поклонившись своему дорогагому пастырю, она обращается къ своей знакомой и рассказываетъ ей, что сестра ея, вдова—находится въ крайне опасномъ душевномъ потрясеніи. Она почти ничего не ѣсть, говоритъ о какихъ-то своихъ великихъ грѣхахъ, даже покушается лишить себя жизни. Можно понять, что должна была переживать семья, состоящая изъ старушки матери, сестры больной и ея сына, молодого человѣка, служащаго на приличномъ мѣстѣ.

Больная постоянно высказывается, что она такая величайшая грѣшница, что ей не можетъ быть и помилованія отъ Господа, а потому она должна покончить съ собой. Она избѣгаетъ храма и молитвы, боится всего духовнаго, забирается въ чуланъ и сидитъ тамъ цѣлые часы къ великому ужасу домашнихъ, которые въ постоянномъ страхѣ за нее, не знаютъ что дѣлать.

И, вотъ, измученная барышня (сестра больной) изливаетъ на могилкѣ все свое душевное страданіе и горечь.

Знакомая ея, которой она изложила свое горе, поручила ее, находившейся здѣсь же на могилкѣ, матушкѣ

Елизаветъ Васильевнѣ, которая, выслушавъ въ чемъ дѣло, рѣшилась помочь несчастнымъ.

Дорогой пастырь и по смерти облегчить горе. (Ел. Вас. узнала, что больная живетъ около храма Козельщанской Б. М., Чудотворная Икона была особенно чтима ею).

Ел. Вас. на другой же день отправилась къ больной. Та встрѣтила ее крайне сурово и не хотѣла говорить съ ней. Такой приемъ нисколько не устрасилъ матушку. Ей уже нѣсколько разъ приходилось имѣть дѣло съ подобными больными. Она знала, что въ такихъ случаяхъ нужно возложить все упованіе на помощь Божию. Она постепенно стала уговаривать больную ходить въ храмъ Божій, подготавливая ее къ Св. Таинству Приобщенія, которое своей всеславной благодатью единственно можетъ цѣлить и исправлять подобную духовную немощь.

Принявшись за такое благое дѣло, матушка рѣшилась не отступать отъ него, а потому, несмотря на обидныя увертыванія больной, преспокойно сама заходила за ней, и вела ее въ храмъ. Больная въ лицо ей говорила всевозможныя оскорбительныя замѣчанія, не хотѣла собираться, почти выгоняла матушку, но Ел. Вас. не смущалась этимъ. Она понимала, что врагъ всецѣло овладѣлъ своей жертвой и не можетъ легко разстаться съ ней. Но съ вѣрующей и смиренной матушкой врагу трудно было бороться: все его нападки она смѣло отражала силою Креста и Именемъ Господнимъ; посрамленный діаволь долженъ былъ удалиться.

Итакъ дѣло начато. Больная ходитъ въ церковь, вотъ ее уже приводятъ на исповѣдь къ весьма уважаемому

пастырю отцу А., (онъ служитъ въ маленькой церкви въ одномъ изъ переулковъ Пречистенки). Онъ исповѣдуетъ ее, очищаетъ отъ духовнаго омертвѣнія и допускаетъ къ Святѣйшимъ Таинамъ. Только того и надо было ревностной Ел. Вас-нѣ. Возрадовалась она, что омраченная діавольскимъ вторженіемъ, душа, наконецъ, очистилась и освятилась.

Дальше дѣло пошло быстро и радостно. Нѣсколько разъ больная приобщалась Св. Таинъ; стала чувствовать себя лучше и лучше. Ел. Вас. повезла больную на могилку къ батюшкѣ и горячо благодарила своего дорогого попечителя, что онъ далъ ей возможность несчастную, страждущую опять вернуть въ лоно церкви. Вскорѣ послѣ того больная разъ сидя въ комнатѣ, вдругъ ощутила такое снокойствіе, такое тихое блаженное состояніе, что вполне поняла, что съ нея все снято, и она совсѣмъ исцѣлилась отъ прежняго духовнаго недуга, который могъ повергнуть ее въ пропасть гибели и отчаянія. Теперь она совсѣмъ здорова, ходитъ въ храмъ Божій, часто приобщается Св. Таинъ, ходитъ на могилку къ дорогому пастырю и благодаритъ его за свое чудесное исцѣленіе.

Марфа Евдокимовна, послѣ смерти батюшки, все роптала, что ей нечѣмъ жить, и что батюшка ее никуда не устроилъ. Вдругъ во снѣ является ей батюшка, въ митрѣ, красивой ризѣ, затканной прекрасными цвѣтами и говоритъ ей: «Что ты все ропщешь на меня, что я тебѣ ничего не оставилъ, а крестъ на моей могилкѣ, развѣ я тебѣ не оставилъ его?—это мое наследство. На всемъ кладбищѣ нѣтъ больше моего креста».

Но М. Евд. возражаетъ ему: «крестъ-то большой, да мнѣ-то что?» Тогда батюшка подошелъ къ ней, съ великой любовью перекрестилъ ее и сказалъ: «Что же можетъ быть лучше креста?» Какъ бы давая ей этимъ понять, что онъ оставилъ ей высшее сокровище, которое драгоценнѣе всего для человѣка—это вѣру въ Господа и любовь къ Нему.

Въ другой разъ видитъ она во снѣ батюшку, онъ подходитъ къ ней и говоритъ: «Марфа, я за тобой пришелъ, я давно уже слѣжу за тобой, вижу, что тебѣ пора домой идти», и ее вдругъ охватываетъ такое состояніе, что она чувствуетъ, что она кончается. Тогда будучи еще сильно привязана къ жизни, она боится разстаться съ нею и говоритъ: «батюшка, погоди дорогой!»

Батюшка укоризненно говоритъ: «Все по твоему; какъ при жизни своей все по твоему дѣлалъ, такъ и теперь! Ну, хорошо, подожду. Приду, когда ты захочешь». Она въ страхъ и трепетъ проснулась; сильно была потрясена такимъ замѣчательнымъ и яснымъ сновидѣніемъ, которое показало ей, что ее дорогой хранитель-пастырь, болѣе двадцати лѣтъ при своей жизни руководившій ею, и теперь охранно и зорко наблюдаетъ за ней и спасительно ведетъ ее къ вѣчности, любяще предупреждая, что пора уже оставить все земное, а что надо стремиться всѣми своими мыслями, чувствами и желаніями къ единому, вѣчному и прекрасному, блаженному свѣту Божества.

Елиз. Вас. Воскресенская рассказываетъ, что она черезъ годъ послѣ смерти батюшки видѣла его во снѣ; онъ явился ей и сказалъ: «Матушка, возьмите къ себѣ Анну, она находится при учительницѣ, при школѣ, у ней

дочь», потомъ остановился и произнесъ: «Юлія». И что же! Внуку ея, Борисъ Викторовичъ вскорѣ самъ нашелъ себѣ невѣсту Анну; они счастливо обвѣчались; у нихъ родилась дочка, которую они и называли Юліей; теперь все вмѣстѣ живутъ съ матушкой (Анна Николаевна—супруга Бор. Виктор. дѣйствительно работала въ дѣвушкахъ при школѣ Ламановой).

У дочери Ан. Ник. Львовой—Лизы, сильно заболѣла рука; сдѣлалась рана, она пошла въ Екатерининскую больницу, тамъ осмотрѣли ее руку, перевязали и велѣли опять притти на перевязку. На другой разъ д-ръ сказалъ, что болѣзнь очень серьезная, можетъ произойти зараженіе крови, при чемъ предстоитъ операція, такъ что надо лечь въ клинику.

Лиза испугалась и пошла за совѣтомъ къ одной знакомой, которая первымъ дѣломъ направила ее на могилку къ батюшкѣ, чтобы попросить у него помощи и исцѣленія. Онѣ рѣшились вмѣстѣ на другой день поѣхать туда. Лиза приложила къ больной рукѣ земли съ могилки батюшки. Въ то же время ощутилась острая боль и руку сильно жгло. Но послѣ этого быстро почувствовалось облегченіе. Когда же она опять пошла въ больницу на назначенную ей перевязку, то д-ръ, осмотрѣвъ ее руку, съ удивленіемъ спросилъ ее, что она дѣлала съ рукой, ибо опасность миновала, такъ что не нужно и дѣлать операціи.

У старушки Александры Исаевны заболѣла поясница, боль была такая сильная, что она разогнуться не могла. Знакомый ея Сергѣй Васильевичъ навѣстилъ ее и сейчасъ же посоветовалъ ей съѣздить на могилку ба-

тошки. Александрюшка согласилась, только не знала, какъ она доѣдетъ до кладбища. Дѣйствительно, при каждомъ толчкѣ пролетки, была такая острая боль, что невозможно было сидѣть. Наконецъ, слава Богу, доѣхали и до кладбища. На могилкѣ Александрюшка припала къ землѣ и молила дорогого пастыря облегчить ея боль, такъ какъ ей трудно было дышать. И что же! тутъ же почувствовалось облегченіе, поѣхала домой, а боль совершенно уже утихла, такъ что явилась возможность на пути заѣхать къ знакомымъ.

У жены аптекаря М. была сильная внутренняя болѣзнь. Въ три мѣсяца она вся ослабѣла и извелась, все время лѣчилась, но никакія лѣкарства не помогли. Тогда она рѣшилась съѣздить на могилку батюшки. Кое-какъ доѣхала на извозчикѣ, насилу, насилу подошла къ могилкѣ. Она стала горячо молиться, просила батюшку облегчить ея болѣзнь и помочь ей, какъ онъ всегда помогалъ при своей жизни, взяла съ могилки землицы, насыпала за воротъ. И что же! Сейчасъ же почувствовала облегченіе, такъ что могла уже бодро и радостно дойти до извозчика; по приѣздѣ домой болѣзнь ея совсемъ прошла.

Марія Викторовна очень сильно заболѣла въ день Св. Михаила Архангела; десять дней пролежала она въ опасности, на одиннадцатый день видитъ во снѣ батюшку, будто бы онъ служитъ въ Соборѣ.

По окончаніи обѣдни подзываетъ онъ ее къ Сѣвернымъ дверямъ и говоритъ: «Пойди-ка ко мнѣ»; потомъ даетъ ей въ бѣломъ платкѣ просфору, она просыпается, ей становится лучше и она скоро выздоравливаетъ.

Въ другой разъ она заболѣваетъ глазами, является ей во снѣ батюшка и даетъ два свертка; она разворачиваетъ и видитъ въ одномъ старинный образокъ Св. Николая Чудотворца, а въ другомъ—Георгія Побѣдоносца. Просыпается, ей становится легче, идетъ она на батюшкину могилку, проситъ отслужить панихиду, беретъ земли съ могилки и прикладываетъ къ глазамъ. О. Иоаннъ, служившій ей панихиду, говоритъ ей, что по молитвамъ своего батюшки она нецѣлится. Дѣйствительно, глаза стали совершенно здоровы.

Соня Ушакова рассказываетъ, что три зимы трескались у нея пальцы. Наступала опять зима, она съ горечью думала, какъ она будетъ работать больными пальцами. Пошла къ батюшкѣ на могилку и стала просить его помочь ей. И, вотъ, послѣ того она видитъ во снѣ батюшку, онъ является ей и надѣваетъ ей на палецъ кольцо. Надо замѣтить, что такое точно кольцо лежало у нея, и она его не носила; оно было привезено ей изъ Кіева одной знакомой. Послѣ сна она сейчасъ же надѣла это кольцо и пальцы ея всю зиму не болѣли.

Одна духовная дочь батюшки А. П. рассказываетъ, что ея родетвенница, осенью 1911 г., получила сильный ревматизмъ и лежала недвижима, руки и ноги ея совсемъ опухли; она даже не могла сама напиться или взять платокъ.

Три д-ра ея лѣчили, удивляясь, гдѣ это она могла такъ сильно простудиться. А. П. душевно скорбѣла объ ней, поѣхала на батюшкину могилку и просила дорогого утѣшителя помочь больной; потомъ взяла съ могилки воску и вѣточку и прямо направилась къ больной. Она начала

И рассказывает сколько чудеснаго видѣла она отъ батюшки уже послѣ его смерти въ своей семьѣ.

Больная лежала недвижимо: казалось, она уже потеряла всякую надежду на чью либо помощь. Однако же яркіе живые рассказы подѣйствовали и на нее: маленькая тонкая искорка вспыхнула въ ней слабымъ, боязливымъ огонькомъ, готовая при каждомъ мгновеніи быстро потухнуть. Но пастырь недаромъ прислалъ къ ней свою преданную духовную дочь; онъ захотѣлъ и ее спасти и ей возвратитъ счастье и здоровье.

И, вотъ, больная пожелала имѣть что-нибудь съ могилки батюшки. Тогда А. Н. положила кусочекъ воску (со свѣчъ, которые часто возжигаются на могилкѣ) въ бутылку, налила ее водой и дала больной выпить этой воды. Больная пила эту воду пять дней, на пятый день руки и ноги у нея зашевелились; мало-по-малу она стала владѣть и руками и ногами, потомъ нѣсколько разъ ѣздила на могилку батюшки; теперь чувствуетъ себя совершенно здоровой.

Трехлѣтняя дѣточка—Леночка Князева, какъ-то неправильно наступила на ножку, и почувствовала такую сильную боль, что не переставая кричала отъ боли. Что тутъ дѣлать, дѣвочка уже тяжелая, нести ее трудно, а надо во что бы то не стало скорѣе отправиться на дорогую могилку. И, вотъ, несмотря на холодъ и сильную вьюгу, (это было 9 декабря), мама съ великимъ трудомъ усаживаетъ ее въ коляску и тихо, осторожно везетъ на кладбище (онѣ жили недалеко отсюда). Подѣзжаютъ къ могилкѣ, она сажаетъ свою дѣточку на могилку, а сама проситъ дорогого цѣлителя обратить на нихъ милостивый

свой взоръ и помочь дѣвочкѣ. И вотъ она уже не кричитъ, боль есть, но уже не такая острая, она даже слегка можетъ ступить на ножку.

Усаживаетъ мама ее опять въ коляску и везетъ обратно, при чемъ сторожъ съ удивленіемъ поглядываетъ, какъ это мать рѣшилась въ такую ужасную погоду везти по стужѣ ребенка.

Однако же все получено; семья опять счастлива и спокойна. Привезла она Леночку домой; та сейчасъ же крѣпко заснула; проснулась и свободно уже могла ходить по комнатѣ.

Поля Илларионова опасно заболѣла, она была въ сильномъ жару, вся воспалилась и тяжело дышала. И, вотъ, при такомъ страданіи она обращается къ мамѣ и говоритъ: «мама, я чувствую, что я умру». Мама ее, вся измученная опасностью ея положенія, начинаетъ успокаивать ее, однако же она хорошо понимаетъ, что воспаленное состояніе быстро можетъ пріесть жизнь дочери.

И, вотъ, садится она около дочери, съ безпокойствомъ наблюдаетъ за ней и въ то же время горячо проситъ дорогого своего покровителя-пастыря спасти ее дѣвочку. Вдругъ видитъ она, что жаръ у больной какъ-будто сталъ уменьшаться, дыханіе сдѣлалось правильнѣе, ровнѣе, вотъ и лобъ пѣзъ воспаленно-краснаго принялъ слегка красноватый оттѣнокъ.

Не вѣря своимъ глазамъ, она подходитъ, щупаетъ лобъ, и—о чудо!—онъ сдѣлался влажнымъ. Дѣвочка тихо, спокойно спала. Что же! проснулась больная и порывисто заговорила: «сейчасъ приходилъ ко мнѣ батюшка Ва-

внтинъ и сказалъ: «Дѣточка! зачѣмъ ты боишься, что будешь горькую чашу пить (она отъ кого-то слышала, что человѣку передъ смертью даютъ пить горькую чашу, а очень боялась этого); я своимъ даю не горькую чашу, а сладкую; не бойся, ты не умрешь, смотри приходи ко мнѣ на могилку, (перваго сентября—день рожденія пастыря). Тѣшь то же, что и мамочка твоя кушаетъ; у насъ скоро введутъ языки, займись ими, я тебѣ помогу».

Дѣвочка векорѣ же встала и смогла поѣхать перваго сентября на батюшкину могилку.

И въ церковно-приходской школѣ Рождественскаго монастыря, гдѣ она училась, дѣйствительно, стали преподавать французскій и нѣмецкій языки, она занялась ими и несмотря на трудность, смогла усвоить ихъ.

У Зиночки Илларионовой цѣлый мѣсяцъ былъ тяжелый сухой кашель, онъ сильно беспокоилъ ее и подтачивалъ ее здоровье. Поѣхала она на батюшкину могилку, по возвращеніи домой стала откашливаться, и кашель векорѣ совсѣмъ прошелъ.

У Мани Илларионовой сильно заболѣла нога; совсѣмъ не могла она ходить, мама повезла ее на кладбище, съ трамвая сѣли онѣ на извозчика. Она едва добралась съ извозчика до могилки; какъ только помолчилась тамъ, приложила къ кресту и къ могилкѣ, то почувствовала, что боль ея утихла и что она свободно можетъ ступить, и бодро и спокойно дошла до трамвая.

У матушки Ел. Вас. сдѣлалась сильная боль подъ ложечкой, точно тѣло мучительно нарывало. Съ трудомъ собралась она на кладбище, помолчилась на могилкѣ, приложила листиковъ отъ дерева къ больному мѣсту, ей

сдѣлалось лучше. По возвращеніи домой боль совсѣмъ прекратилась.

Матрена Степановна рассказывала, что у одной женщины сильно болѣла грудь, она посоветывала ей съѣздить на могилку и приложить листиковъ и землицы къ тѣлу—боль прошла.

Николай Ивановичъ Рѣшетниковъ страдалъ флюсомъ; онъ такъ сильно мучился, что не находилъ себѣ мѣста. Пришелъ онъ къ матери, она читала батюшкину книгу, онъ взялъ книгу, приложилъ батюшкинъ портретъ къ больной щекѣ, легъ и заснулъ. Когда онъ проснулся, то боль совсѣмъ прошла; поѣхалъ на кладбище отслужить благодарственную панихиду по батюшкѣ.

Валя Воробьевъ былъ опасно боленъ, у него была сильная горячка, нѣсколько дней онъ метался въ жару, и вотъ къ нему явился дорогой батюшка и благословилъ его, и родные даже видѣли, какъ онъ радостно привсталъ на постели, сложилъ ладони, чтобы получить благословеніе и проводилъ радостными глазами удаляющагося пастыря;—послѣ этого онъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Одна порченая кричала на могилкѣ: «никто меня не исцѣлитъ, только батюшка Валентинъ. Я бы всехъ разорвалъ, кто обращается къ нему; только не могу, очень сильно онъ за нихъ молится».

Одна женщина нѣкоторое время находилась въ летаргическомъ снѣ, при чемъ ходила по мытарствамъ; очнувшись она стала рассказывать все, какъ ужасно это восхожденіе, и какъ строго и жестоко обращаются мытари (злюбные духи) съ душой. Такъ, на одномъ мытарствѣ она была задержана, но явился священникъ, что-то

даль мытарямъ и они ее пропустили (она знала батюшку Валентина только по слуху). Женщина спросила: «что же я не вижу отца Иоанна Кронштадтскаго и о. Валентина?»—«Да развѣ они здѣсь?»—отвѣчали ей,—они святые». Вдругъ раскрылось небо и она увидѣла въ великомъ сияніи отца Иоанна Кронштадтскаго и батюшку Валентина.

Духовный сынъ батюшки Онуфрій долго былъ безъ мѣста и сильно бѣдствовалъ. Пришелъ онъ на кладбище, сталъ горячо молить пастыря, чтобы онъ послалъ ему какое-нибудь дѣло, сѣлъ на лавочку и забылся. И, вотъ, видѣть, что подходитъ къ нему батюшка въ облаченіи и митрѣ, подаетъ ему двѣ просфоры и говоритъ: «Одну возьми себѣ, а другую снеси прежнему своему хозяину въ Хамовники». (Дѣйствительно Онуфрій служилъ прежде на фабрикѣ въ Хамовникахъ). Очнувшись онъ оглядывается, видѣть, что просфоръ нѣтъ, а между тѣмъ батюшка такъ ясно явился ему, точно не во снѣ. Онъ преклоняется передъ могилкой и горячо благодаритъ пастыря за такое дивное явленіе. На другой день онъ идетъ въ храмъ, вынимаетъ двѣ просфоры, одну за батюшку, а другую за своего бывшаго хозяина и отправляется въ Хамовники.

Пришедши туда, онъ разспрашиваетъ дворника, кто управляющій и, узнавъ, что прежній, проситъ его доложить ему, что пришелъ Онуфрій. Управляющій велитъ позвать его, но онъ не рѣшается войти къ нему, такъ какъ оказывается плохо одѣтымъ. Тогда самъ управляющій вышелъ къ нему и повелъ его къ себѣ.

Онуфрій разсказалъ ему о своемъ снѣ, подаль про-

сфору, просилъ сходить къ хозяину и попросить за него.

Какъ только управляющій доложилъ хозяину, что пришелъ Онуфрій, хозяинъ съ радостью воскликнулъ: «пусть сейчасъ же придетъ ко мнѣ, я давно ищу его, и не знаю гдѣ найти». И Онуфрій тутъ же поступилъ на мѣсто. Такъ великій помощникъ-батюшка быстро откликнулся на мольбу Онуфрія и устроилъ его.

Соня Ушакова разсказываетъ, что шестого ноябрю 1911 года, хотя она и причащалась, но очень было тяжело у ней на душѣ, потому что ей очень хотѣлось уладить одну сильно разстроенную семью и она не знала, какъ къ этому приступить. Ожъ обѣдни она пошла къ батюшкѣ, встала около могилки, начала горячо молиться и такъ углубилась, что даже не замѣчала окружающихъ людей, съ великой вѣрой просила она пастыря, чтобы онъ облегчилъ ее тяжесть. И вотъ по молитвамъ пастыря явилась возможность помочь несчастной семьѣ, которой угрожала неизбежная гибель и отчаяніе.

Одна дѣвица желала выйти замужъ, но женихи были ей неподходящіе; одного стали ей сватать, очень онъ ей понравился, но она боялась, что онъ не возьметъ ее.

Наслышалась она много про батюшку, и вотъ пришла она къ нему на могилку помолиться и попросить благословенія; дѣло все уладилось, она вышла замужъ, мужъ оказался человѣкомъ хорошимъ и богатымъ.

Соня Ушакова разсказываетъ, что она однажды ушибла себѣ глазъ, едѣлалась боль, она очень испугалась, пришла къ батюшкиной могилкѣ и стала молиться; потомъ масломъ изъ лампады помазала глазъ и боль утихла.

Авд. Ст. Яковлева служила прежде въ писчебумаж-

домъ магазинъ на Арбатъ; батюшка при своей жизни указалъ ей какъ-то: «У насъ съ тобой два магазина будетъ». Разговорила она объ этомъ съ матушкой Ел. Васильевной, та ее стала убѣждать, что разъ пастырь говорилъ это, то ей надо устранять это дѣло. Но средствъ мало! Какъ быть. Является ей на выручку ея двоюродная сестра, которая съ готовностью желаетъ помочь въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Отыскивается небольшой уютный магазинъ на Плющихихъ недалеко отъ матушки, такъ что является возможность посѣщать ее и подкрѣплять въ этомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ.

Когда все въ магазинѣ было устроено, то первымъ дѣломъ пригласили Чудотворную Икону Козельщанской Божьей Матери, подъ покровомъ которой Авд. Ст. прежде жила много лѣтъ. И когда окончился молебенъ, началась торговля. Черезъ три дня пригласили еще святыню—Чудотворный образъ Иоанна Воина, какъ грознаго разрушителя враговъ. Мало-по-малу магазинъ сталъ украшаться картинами духовнаго содержанія.

Одинъ священникъ, въ годовой поминъ батюшки двадцатаго іюля, пріѣхалъ къ нему съ семьей на могилку и самъ отслужилъ по немъ панихиду. Видя такое искреннее почтеніе своей памяти, батюшка щедро наградила семью. Былъ у нихъ сынъ, который окончилъ семинарію и перешелъ въ Академію, годъ проучился онъ весьма похвально. Когда была подана просьба о назначеніи ему стипендіи, то вскорѣ же получился удовлетворительный отвѣтъ. И каково же было ихъ изумленіе, когда назначили ему стипендію имени отца Валентина. (Семья

батюшки распорядилась устроить стипендію на его имя въ Духовной Академіи, такъ какъ онъ самъ учился прежде тамъ).

Саша Кротовой приснился батюшка, она подходитъ къ нему, онъ благословляетъ ее и спрашиваетъ: «Ну, какъ ты теперь поживаешь?» Она отвѣчаетъ, что, слава Богу, все хорошо, только вотъ въ матеріальномъ отношеніи очень трудно. Тогда батюшка даетъ ей пятирублевый золотой и когда она совѣтится принять его, то онъ рѣшительно заставляетъ взять деньги. Это было въ Прощеное воскресенье, а Великимъ постомъ она стала получать много заказовъ изъ булочныхъ на бумажные цвѣты для куличей и пасохъ.

Кромѣ того она приготовила много цвѣтовъ на Вербу (такъ называется гулянье съ выставкой всевозможныхъ издѣлій игръ и лакомствъ), такъ, что къ Святой недѣлѣ выручила всего около пятисотъ рублей.

Вотъ что означалъ пятирублевый золотой батюшки.

Елизавета Васильевна рассказывала, что одна прислуга, Татьяна, заболѣла: хозяева стали уговаривать ее ѣсть скоромное по постнымъ днямъ, но она отъ этого еще сильнѣе заболѣла и ослабѣла, чувствовала себя очень плохо; во снѣ явился ей батюшка и сказалъ: «Не ѣшь мяса по постнымъ днямъ». Она исполнила его приказаніе и вскорѣ же поправилась.

Одна женщина овдовѣла и вторично хотѣла выйти замужъ, батюшка явился ей во снѣ и не велѣлъ вторично выходить замужъ.

Прислуга Воробьевыхъ—Матрена, слышала, что господя ея читаютъ въ столовой проповѣди батюшки, тоже

вспороилась послушать ихъ; вдругъ видитъ она, какъ
 пылый сношъ огненныхъ искръ поднимается отъ книги,
 и вошнено развѣвается по воздуху; ничего не понимая,
 она начинаетъ приглядываться, протираетъ глаза, ду-
 мая, что это обманъ зрѣнiя, но искры одна другой ярче,
 раскидываясь, какъ бы вдогонку стремятся другъ за другомъ.
 Видя ея изумленный и устремленный на книгу взглядъ,
 и спода ея спрашиваютъ, что съ ней; въ большомъ вол-
 енiи рассказываетъ она имъ о своемъ видѣнiи. Черезъ
 некоторое время это видѣнiе исчезаетъ.

Этимъ великiй пастырь хотѣлъ показать, что пламен-
 ные слова его проповѣдей, подобно огненнымъ искрамъ,
 проникаютъ въ сердце читающихъ или слушающихъ,
 и опаливая все ихъ неправильности, ошибки и заблужденiя.

Будемъ же до конца своей жизни озаряться этимъ сно-
 шомъ его огненныхъ лучей и онъ не оставитъ насъ въ
 тьмѣ, такъ какъ онъ самъ сказалъ, что «съ нимъ
 никто не погибнетъ». Амнъ.

А. З.

О Г Л А В Л Е Н I Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	<i>Стр</i>
Духовная дѣятельность батюшки и насажденiе имъ въ людяхъ основъ вѣры и нравственности.	7
Прiездъ батюшки въ Москву и служенiе въ церкви «Печальной Радости».	14
Переходъ батюшки въ Архангельскiй соборъ и служенiе въ немъ. . .	30
Кипучая пастырская дѣятельность на благо и спасенiе людей. . .	39
Таинства покаянiя и причащенiя и раскрытiе батюшкой ихъ вели- каго значенiя для людей.	43
Самоотверженность пастыря и его жертва для спасенiя людей. . .	47
Пастырское попеченiе батюшки о ближнихъ за послѣднiе шесть лѣтъ его жизни.	51
Вышнее злобное недоброжелательство, какъ неизбежный удѣлъ пра- ведниковъ	59
Духовная тактика батюшки при борьбѣ со зломъ.	62
Кончина батюшки и дивное небесное знаменiе, какъ ореолъ его пастырскаго служенiя	70

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отдѣльные случаи прозорливости пастыря.	81
Молитвенная дѣятельность батюшки и ея благотворныя дѣйствiя. . .	103

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Чудеса и исцѣленiя пастыря послѣ его блаженной кончины.	177
---	-----

